

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

№ 2 (93)
2016

Научный журнал
Издается с июля 1993 года
Выходит четыре раза в год

Учредитель – Рязанская высшая школа МВД РФ
(федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Главный редактор А. Я. Гришко

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Распространяется на территории Российской Федерации. Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.aprk.org) – 73800.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. *Тел. (факс):* (4912) 93-82-42; 93-46-40.

<i>Редакторы</i>	О. А. Кейзина, А. Ю. Пертли, О. В. Боярченкова
<i>Перевод</i>	А. О. Алеевская, Т. Е. Алексеева, С. В. Буробина, О. Ф. Варламова, И. Я. Жебраткина, Т. А. Зоткина, Д. Г. Кожечкина, Г. В. Кулакова
<i>Компьютерная верстка</i>	С. В. Ануфриев
<i>Ответственный за выпуск</i>	П. Н. Нестеров

Дата выхода в свет 28.06.2016. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 16,13. Усл. печ. л. 15,0.
Тираж 1500 экз. Заказ № _____. Цена свободная.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации СМИ № 01891 от 14.12.1992.

© Академия ФСИН России, 2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

КРЫМОВ Александр Александрович, председатель, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АНТОНЯН Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва);

ЗАРИПОВ Зарип Саидович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛЕБЕДЕВ Семен Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва);

МУЗЮКИН Анатолий Павлович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Рязань);

НАУМОВ Анатолий Валентинович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПЛЕШАКОВ Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОБЕГАЙЛО Эдуард Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Рязань);

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ШАТАЛОВ Александр Семенович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГРИШКО Александр Яковлевич, главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

РЫЖОВ Роман Сергеевич, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АКСЕНОВА Галина Ивановна, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

БАРАБАНОВ Николай Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

БЛИНКОВ Олег Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ИГНАТЕНКО Виктор Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

КАШУБА Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛИТВИШКОВ Владимир Михайлович, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань);

МАКАРОВА Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОЗДНЯКОВ Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОЛИЩУК Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОНИКАРОВ Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

СУХОВ Анатолий Николаевич, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

СЫЧ Константин Антонович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ТЮГАЕВА Нина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

НЕСТЕРОВ Павел Николаевич, ответственный секретарь (Россия, Рязань).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 6 **АРТЕМЬЕВ Н. С., ПАНКРАТОВ В. А.** Общий теоретический аспект прогнозирования рецидивной (пенитенциарной) преступности
- 11 **БАРАБАНОВ Н. П., МИХАЙЛИН В. В.** Сравнительный анализ отдельных норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и уголовно-процессуального законодательства
- 16 **ТЕРЕХИН В. И., ЧЕРНЫШОВ В. В.** Статистический анализ и прогнозирование рецидивных преступлений
- 22 **БАРБИН В. В.** Органы внутренних дел (полиция) как субъект реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина
- 27 **ЖУРАВЛЕВ В. И., ЧЕРЕПОВА Е. А.** Системно-регулятивные факторы законотворчества в стратегии правовой политики в области благотворительности
- 33 **ГРУНИНА В. А.** Синергетика как предмет междисциплинарных научных исследований

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

- 37 **ДАЗМАРОВА Т. Н., ГРИШИН Д. А.** Особенности административно-правового режима территорий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 42 **МАМЕДОВ С. Н., ИВАНОВА Ж. Б., МОЛЧАНОВ Б. А.** Конституционное право на защиту здоровья и личную неприкосновенность в современных национальных законодательствах
- 49 **МАЛЫШЕВА Ю. В.** Международно-правовой механизм защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: понятие, структура

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 53 **ЩЕРБАКОВ Г. В., ДОЛИНИН А. Ю.** Кадровая политика и эффективное управление персоналом кафедры образовательной организации ФСИН России

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 59 **АНТОНОВ А. Г., ВИТОВСКАЯ Е. С.** Об общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов
- 65 **КАРИМОВ Р. Р., КАРИМОВА Г. Ю.** Противодействие терроризму в рамках СНГ: нормативные и институциональные аспекты
- 69 **КОНАРЕВ М. Ю.** Особенности гражданско-правовой ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы России за вред, причиненный при применении физической силы, специальных средств и оружия
- 72 **ЯВОРСКИЙ М. А.** Пенитенциарный экстремизм: современный вектор развития научной мысли в социально-гуманитарных науках
- 78 **КЕМОВА Н. Н.** Развитие уголовного законодательства России, предусматривающего ответственность за хулиганство: от квалифицированного состава к родовому понятию
- 82 **КУЛЕШОВ М. А.** Режим особых условий в исправительном учреждении: основные понятия
- 86 **МАКЕЕВА И. С.** О криминализации преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства
- 91 **ПУДАКОВ Е. Р.** Отдельные аспекты исследования сущности коррупции в российской правовой науке
- 96 **ШИХАНОВ В. А.** Особенности правового регулирования оборота средств мобильной сотовой связи в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 102 **БЕЛОВА Т. Н.** Экономика уголовно-исполнительной системы как объект прогнозирования с использованием математических моделей

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 108 **ВАСИЛЬЕВА И. В., ГРИГОРЬЕВ П. Е., ИВАНЦОВ С. В., ИГНАТОВ А. Н.** Особенности интуиции у осужденных за насильственные преступления
- 115 **КИСЕЛЕВ А. М., ЧАБЫКИН А. А.** О проблеме адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в сложной оперативной обстановке

РЕЦЕНЗИИ

- 119 **ЧИСТЯКОВ А. А.** Рецензия на учебник «Уголовное право России. Общая и Особенная части» под редакцией И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова
- 122 **Требования к статьям, представляемым для опубликования в научном журнале «Человек: преступление и наказание»**

CONTENTS

SCIENCE FORUM

- 6 *ARTEM'EV N. S., PANKRATOV V. A.* General theoretical aspect of forecasting of recurrent (penitentiary crime)
- 11 *BARABANOV N. P., MIKHAILIN V. V.* Comparative analysis of certain norms of the federal law «about field investigation activities» and criminal procedure legislation
- 16 *TEREHIN V. I., CHERNYSHOV V. V.* Statistical analysis and forecasting of recidivism
- 22 *BARBIN V. V.* Bodies of internal affairs (police) as the subject of implementing constitutional and legal regime of restricting rights and freedoms of the person and citizen
- 27 *ZHURAVLEV V. I., CHEREPOVA E. A.* Lawmaking: its system and regulatory factors in the frame of legal policy strategy on the bases of charity
- 33 *GRUNINA V. A.* Synergetics as subject of interdisciplinary scientific researches

ADMINISTRATIVE PRACTICE

- 37 *DAZMAROVA T. N., GRISHIN D. A.* Features of the administrative legal regime of territories of the establishments executing criminal penalties in the form of imprisonment

ABROAD

- 42 *MAMEDOV S. N., IVANOVA Z. B., MOLCHANOV B. A.* Constitutional right on protection of health and security of person in modern national legislations
- 49 *MALYSHEVA Ju. V.* The international legal mechanism of protection of the rights and personal freedoms in criminal legal proceedings: concept, structure

MANAGEMENT VECTOR

- 53 *SHCERBAKOV G. V., DOLININ A. Ju.* Personnel policy and effective management of the personnel of the department of educational organizations FPS of Russia

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 59 *ANTONOV A. G., VITOVSKAJA E. S.* On social danger of crimes in the field of illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues
- 65 *KARIMOV R. R., KARIMOVA G. Yu.* Counteraction to terrorism within the CIS: standard and institutional aspects
- 69 *KONAREV M. Yu.* Features of civil liability of employees of the federal penal service of Russia for damage caused during the use of physical force, special means and weapons
- 72 *JAVORSKY M. A.* Prison extremism: modern vector of development of scientific thought in humanities and social sciences
- 78 *KEMOVA N. N.* Development of the criminal legislation of Russia providing responsibility for hooliganism: from the qualified structure to the generic term
- 82 *KULESHOV M. A.* The mode of special conditions in correctional facility: basic concepts
- 86 *MAKEEVA I. S.* About criminalization of the crimes of the extremist orientation encroaching on bases of the constitutional system and safety of the state
- 91 *PUDAKOV E. R.* Separate aspects of research of essence of corruption in the Russian legal science
- 96 *SHIHANOV V. A.* Features of legal regulation of the turn of means of mobile cellular communication in correctional facilities of criminal and executive system

THE COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 102 *BELOVA T. N.* Economics of penal system as an object of forecasting using mathematical models

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 108 *VASILEVA I. V., GRIGORIEV P. E., IVANTSOV S. V., IGNATOV A. N.* Intuition peculiarities of violent convicts
- 115 *KISELEV A. M., CHABYKIN A. A.* The problem of adaptation of employees of penal system to act in complex operational environment

REVIEW

- 119 *CHISTYAKOV A. A.* Review of the textbook «Criminal law of Russia. General and Special parts» under the editorship of I. M. Matskevich, N. G. Kadnikov
- 122 **Requirements to articles presented for publication in the scientific magazine «The Person: crime and punishment»**

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
(Академия ФСИН России),
e-mail: eo534@yandex.ru;

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАНКРАТОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник института
(Кировский институт повышения квалификации
работников ФСИН России)

ОБЩИЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕЦИДИВНОЙ (ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ) ПРЕСТУПНОСТИ

Реферат: в прошлом существовала определенная недооценка прогнозирования как научной основы планирования борьбы с преступностью. Лишь в конце 60-х годов XX века появились первые публикации, в которых был поставлен вопрос о криминологическом прогнозировании. Криминологический прогноз рецидивной (пенитенциарной) преступности можно определить как научно обоснованное суждение о предполагаемом в будущем характере рецидивной (пенитенциарной) преступности, ее количественно-качественных показателях, основных закономерностях и тенденциях развития, личности преступника и комплексе причин и условий, обуславливающих преступные проявления на прогнозируемый период.

Прогноз рецидивной (пенитенциарной) преступности следует рассматривать как часть общей системы криминологического прогнозирования преступности в целом. Он позволяет минимизировать неопределенность основных закономерностей и тенденций ее развития, предугадать возможность ее состояния на прогнозируемый период и установить качественное состояние факторов, наиболее интенсивно воздействующих на рецидивную (пенитенциарную) преступность.

Прогноз рецидивной (пенитенциарной) преступности является одним из важных элементов управления в сфере предупредительной деятельности государственных органов и общественных организаций, осуществляющих уголовно-исполнительную политику в процесс предупреждения рецидивной (пенитенциарной) преступности.

Ключевые слова: рецидивная (пенитенциарная) преступность, прогноз, прогнозирование, нормативная основа прогнозирования, предмет прогнозирования, субъекты прогнозирования, принципы прогнозирования, методы прогнозирования.

Человечество не сразу пришло к идее о возможности предвидения будущего. Представление о будущем в мировой общественной мысли имеет прямое отношение к истории научного предвидения, которое разворачивается на протяжении двух столетий и которому предшествовала тысячелетняя предыстория. Лишь после долгого развития человечество выработало представление о прошлом и значительно позднее о будущем как о категориях, отличных от настоящих.

В современных условиях интерес к проблемам прогнозирования со стороны ученых практически всех областей знания значительно вырос. Прогнозированием занимаются философы, экономисты, социологи, юристы и представители других наук.

Специфика прогнозирования в различных областях общественной жизни зависит от принадлежности исследуемых проблем к той или иной области знания. Место юридической прогностики определяется местом юридических наук, а точнее, ролью и назначением таких феноменов, как государство, право, управление, демократия и законность, которыми оперирует юридическая наука. Государственно-правовое прогнозирование имеет множество разновидностей: уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, криминологическое, прогнозирование в трудовом праве и т. д. Однако важнейшее место в структуре юридического прогнозирования отводится криминологическому прогнозированию.

История развития криминологического прогнозирования в нашей стране и за рубежом начинает-

ся в конце 60-х годов прошлого столетия, хотя о необходимости криминологического прогнозирования преступности ученые говорили давно. Так, А. А. Герцензон отмечал, что в 20-е годы прошлого столетия предпринимались попытки научного прогнозирования преступности в целом и ее отдельных черт на длительный период [1].

Однако высказывания ученых о прогнозе нельзя отождествлять с прогнозированием. В связи с этим следует согласиться с мнением Г. А. Аванесова, который утверждал, что научного прогнозирования преступности в нашей стране, в том числе рецидивной, в указанный период не было [2, с. 148]. Именно на рубеже 70-х годов прошлого столетия появились первые публикации по вопросам прогнозирования таких известных ученых, как А. А. Герцензон, В. Н. Кудрявцев, И. И. Карпец, Н. Д. Кузнецова, Г. А. Аванесов и др.

Большое внимание проблемам прогнозирования преступности стало уделяться на первых международных криминологических конгрессах (III конгресс ООН в Стокгольме, 1965 г.; IV Конгресс криминологов в Мадриде, 1970 г.; VII Международный социологический конгресс в Варне, 1970 г.).

Криминологическое прогнозирование в современных условиях представляет собой одно из основных направлений научного предвидения в сфере борьбы с преступностью. Правоохранительные органы заинтересованы в том, чтобы знать, как будет выглядеть преступность и ее наиболее опасная часть – рецидивная преступность (ее тенденции, состояние, структура, динамика, уровень).

Рассматривая вопрос об особенностях криминологического прогнозирования рецидивной преступности, нужно постоянно учитывать следующие важные моменты. Во-первых, исходным материалом для такого прогнозирования служат в основном данные уголовной статистики, которые, как известно, отражают лишь число выявленных (зарегистрированных) преступлений и изобличенных преступников. Поскольку часть преступлений по разным причинам остается невыявленной, число фактически совершенных уголовно наказуемых деяний в точности неизвестно.

В свою очередь, отношение регистрируемой и латентной преступности зависит не столько от общего количества фактически совершенных преступлений, сколько от профессионального мастерства сотрудников правоохранительных органов. В этом случае регистрируемый рост числа преступных проявлений может оказаться результатом одного лишь повышения уровня борьбы с ними при стабильности или даже снижения числа фактически совершенных противоправных деяний. Таким образом, прогноз динамики рецидивной преступности является одновременно и прогнозом будущего со-

стояния правоохранительных органов. Во-вторых, поскольку преступлением является лишь деяние, признанное таковым по закону, в ходе прогнозирования необходимо учитывать возможности изменения самого уголовного законодательства. Иными словами, надо попытаться прогнозировать возможность того, что какие-то деяния в будущем перестанут признаваться преступными, а другие будут отнесены к числу преступных. Следовательно, прогноз динамики рецидивной (пенитенциарной) преступности неотделим от прогнозирования уголовного законодательства, хотя это самостоятельные виды прогнозирования.

Предметом прогнозирования рецидивной преступности является ее состояние и основные тенденции (закономерности) ее развития. По нашему мнению, прогноз должен охватывать во взаимосвязи следующие тенденции:

1) социально-экономические, правовые, политические процессы, непосредственно влияющие на рецидивную (пенитенциарную) преступность;

2) сама рецидивная преступность, в том числе в исправительных учреждениях;

3) борьба с преступностью и иными правонарушениями. В связи с этим следует отметить, что криминологическая характеристика рецидивных (пенитенциарных) преступлений в значительной степени зависит от изменения уголовного законодательства, соответствующих правовых институтов (пенализация и депенализация отдельных деяний) и социальных условий жизни общества.

Более достоверной прогностической информацией о состоянии рецидивной (пенитенциарной) преступности должны стать комплексные прогнозы, которые отвечали бы потребностям научного управления и практике ее предупреждения, ибо изолированные прогнозы дают ошибочную картину будущего, поскольку в большинстве случаев они ограничиваются немногим числом вопросов и обычно не учитывают тот важный факт, как сегодняшний, представляют собой чрезвычайно многословную систему, сформулированную взаимной «сыгранностью» многочисленных факторов.

Содержание криминологического прогноза рецидивной (пенитенциарной) преступности должны составлять и прогностические данные уголовно-правового и уголовно-исполнительного прогнозирования. Практические данные уголовно-правового характера заключаются в предположительном показателе увеличения или уменьшения судимости, к каким последствиям приведет криминализация или декриминализация правовых норм.

Прогностические данные уголовно-исполнительного характера заключаются в изменении наполняемости мест лишения свободы, возможности тру-

довой занятости осужденных, динамики дисциплинарной практики, последствий изменения норм уголовно-исполнительного законодательства.

Длительное время в истории России преступность лиц, лишенных свободы, являлась закрытой темой. Широкой огласке не подлежали и статистические данные о количестве исправительных учреждений, осужденных и преступлений, ими совершаемых. Исследования, проводившиеся учеными, были направлены преимущественно на разработку уголовно-исполнительного законодательства, форм и методов реализации основных средств исправления осужденных. Не подлежали разглашению и криминологические особенности преступности осужденных. Все это не позволяло заниматься объективным научным прогнозированием преступности в местах лишения свободы.

Следует отметить, что все методы прогноза дают лишь вероятностные выводы и могут носить только рекомендательный характер. В связи с этим абсолютно правильно будет утверждение, что прогнозы преступности, в том числе рецидивной (пенитенциарной), не являются самоцелью, а служат для того, чтобы себя опровергнуть. Следовательно, если с достаточно высокой степенью вероятности прогнозируется повышение уровня рецидивной преступности в каком-либо регионе, но благодаря запланированным на основе прогноза мерам удастся предупредить нежелательный поворот событий, то достигнутый результат будет формальным опровержением прогноза, явится веским подтверждением полезности криминологического прогнозирования.

Получение прогнозных данных необходимо для определения целей. Как нам представляется, цель прогнозирования будет заключаться в том, чтобы с учетом возможного изменения криминологической обстановки создать научно обоснованную систему эффективных мер предупреждения рецидивной преступности на прогнозируемый период, стремясь придать им упреждающий характер для нейтрализации негативных проявлений. Главной же целью прогноза будет оценка тенденций борьбы с преступными проявлениями рецидивистов, определение наиболее приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов. Его результаты могут быть использованы при разработке соответствующих мероприятий и принятии управленческих решений.

Основу для проведения криминологических исследований рецидивной преступности, в том числе в исправительных учреждениях, составляют задачи, поставленные перед ними Федеральным законом от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании» и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации (исправление осужденных и предупреждение совершения

новых преступлений как осужденными, так и иными лицами).

Для конкретизации прогностических исследований мы предлагаем следующую классификацию видов криминологического прогнозирования рецидивной преступности в зависимости от объекта исследования:

- 1) прогнозирование рецидивной преступности среди лиц, освобожденных из исправительных учреждений;
- 2) прогнозирование преступности осужденных в зависимости от режима отбывания наказания;
- 3) прогнозирование рецидивной преступности среди лиц, совершивших повторные преступления во время отбывания наказания, не связанного с лишением свободы.

Прогноз рецидивной (пенитенциарной) преступности в исправительных учреждениях следует рассматривать как один из элементов планирования и управления, позволяющий принимать решения в сфере борьбы с этим явлением в исправительных учреждениях [3, с. 186].

Каждый из указанных видов прогнозирования можно рассматривать в качестве самостоятельного объекта исследования. Однако для составления целостного прогноза, который более реально по своему содержанию отвечал бы достижению основной цели, необходим совокупный прогноз, посредством которого можно создать прогностическую модель для разработки стратегического направления борьбы с рецидивной преступностью.

Одним из важных критериев классификации является период учреждения прогноза, то есть промежуток времени, в течение которого прогноз действует. В международной криминологической литературе прогнозы принято делить на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные [4, с. 16]. Большинство российских криминологов придерживаются этой точки зрения. По нашему мнению, в местах лишения свободы целесообразнее разрабатывать краткосрочные криминологические прогнозы рецидивной (пенитенциарной) преступности (от 1 до 2 лет) в силу быстро меняющихся внутренних по отношению к преступности условий и факторов, которые, в свою очередь, испытывают на себе влияние внешних социальных факторов, характеризующихся в последнее время крайней неустойчивостью.

Особую значимость краткосрочным прогнозам придает также их оперативный характер. Данный вид прогнозов позволяет составлять их на месяц, квартал, полугодие, это предполагает осуществление оперативного реагирования персонала исправительных учреждений на возможные эксцессы со стороны осужденных. Представляется, что оперативные прогнозы целесообразно составлять для конкретного исправительного учреждения, управления.

В общем плане краткосрочный прогноз позволяет решить следующие задачи:

– установить количественно-качественные показатели преступности в исправительных учреждениях (состояние, структура, динамика, уровень), обстоятельства, способствующие ее изменению, или факторы, оказывающие на нее интенсивное воздействие;

– выявить основные закономерности развития преступности на прогнозируемый период и срок действия криминогенных факторов;

– определить возможные (предполагаемые) альтернативы развития преступности и разработать на этой основе перспективные плановые мероприятия, управленческие решения и конкретные направления деятельности исправительных учреждений.

По масштабу учреждения прогнозы рецидивной преступности можно классифицировать:

а) на локальные (прогноз криминогенной обстановки в отдельном районе, городе, исправительной колонии);

б) региональные (прогноз криминогенной обстановки в области, крае, республике, в учреждениях и органах УИС области, края, республики);

в) федеральные (в масштабе территории Российской Федерации и в уголовно-исполнительной системе России).

Исходя из изложенного криминологический прогноз рецидивной (пенитенциарной) преступности можно определить как научно обоснованное суждение о предполагаемом в будущем характере

рецидивной (пенитенциарной) преступности, ее количественно-качественных показателей, основных закономерностях и тенденциях развития, личности преступника и комплексе причин и условий, обуславливающих преступные проявления на прогнозируемый период.

Таким образом, прогноз рецидивной (пенитенциарной) преступности следует рассматривать как часть общей системы криминологического прогнозирования преступности в целом. Прогноз рецидивной (пенитенциарной) преступности как комплексный и совокупный прогноз позволяет минимизировать неопределенность основных закономерностей и тенденций ее развития, предугадать возможность ее состояния на прогнозируемый период и установить качественное состояние факторов, наиболее интенсивно воздействующих на рецидивную (пенитенциарную) преступность, а также определить основные приоритеты борьбы с ней и осуществить соответствующий маневр силами и средствами правоохранительных органов, в первую очередь органов внутренних дел (полиции) и исправительных учреждений.

Прогноз рецидивной (пенитенциарной) преступности является одним из важных элементов управления в сфере предупредительной деятельности государственных органов и общественных организаций, осуществляющих уголовно-исполнительную политику в процессе предупреждения рецидивной (пенитенциарной) преступности.

Список литературы

1. Герцензон А. А. Из истории советского уголовного права // Советская юстиция. 1967. № 10. С. 14.
2. Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление : учеб. пособие. Горький, 1975. 423 с.
3. Тютиков С. Р. Криминологическое прогнозирование преступности среди осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. 259 с.
4. Бестужев-Лада Н. В. Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982. 430 с.

NIKOLAY SEMENOVICH ARTEM'EV,

dsc in law, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation,
professor, criminology and prevention of crime department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: eo534@yandex.ru;

VASILY ALEKSANDROVICH PANKRATOV,

phd in law, associate professor, head of the institute
(Kirovski institute of professional development of employees of the FPS of Russia)

GENERAL THEORETICAL ASPECT OF FORECASTING OF RECURRENT (PENITENTIARY CRIME)

Abstract: in the past there was a certain underestimation of forecasting as scientific basis of planning of fight against crime. Only in the late sixties there were 20th century of century first publications in which the question of criminological forecasting has been raised. The criminological forecast of recurrent (penitentiary) crime can be

defined as scientifically based judgment about assumed in future character of recurrent (penitentiary crime), her quantitative quality indicators, the main regularities and tendencies of development, the identity of the criminal and a complex of the reasons and conditions causing criminal manifestations for the predicted period.

Forecast of recidivism (penitentiary crime) should be considered as a part of the general system of criminological forecasting of crime as a whole. It allows to minimize uncertainty of the main regularities and tendencies of its development, to foresee its possible state for the predicted period and to establish a qualitative state of the factors which have the most intensive influence on recidivism (penitentiary crime).

Forecast of recidivism (penitentiary crime) is one of the important elements of management in the field of preventive activity of the government bodies and public organizations that carry out the penal policy for prevention of recidivism (penitentiary crime).

Key words: recidivism (penitentiary crime), forecast, forecasting, legal framework of forecasting, object of forecasting, subjects of forecasting, forecasting principles, forecasting methods.

References

1. Gercenzon A. A. Iz istorii sovetskogo ugolovnogogo prava [From history of the Soviet criminal law]. Sovetskaja justicija – Soviet justice, 1967, no. 10, p. 14.
2. Avanesov G. A. Kriminologija. Prognostika. Upravlenie [Criminology. Prognostics. Management]. Gorkij, 1975. 423 p.
3. Tjutikov S. R. Kriminologicheskoe prognozirovanie prestupnosti sredi osuzhdennyh k lisheniju svobody. Dis. kand. jurid. nauk [Criminological forecasting of crime among convicts to imprisonment]. Ryazan, 1998. 259 p.
4. Bestuzhev-Lada N. V. Rabochaja kniga po prognozirovaniju [The workbook on forecasting]. Moscow, 1982. 430 p.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ БАРАБАНОВ,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
 профессор кафедры организации
 оперативно-розыскной деятельности;
ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЙЛИН,
 старший преподаватель кафедры организации
 оперативно-розыскной деятельности
 (Академия ФСИН России),
 e-mail: kafedraord@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ НОРМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Реферат: в статье показано значение правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, использования ее результатов на основе уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации; представлен анализ отдельных норм уголовно-процессуального законодательства и Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Реализация оперативно-розыскного законодательства в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений невозможна без взаимодействия оперативных подразделений с органами предварительного следствия и дознания, реализации норм уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет констатировать, что согласно п. 14.1 ст. 5 УПК РФ контроль телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров») – прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств связи, а также осмотр и прослушивание фрагментов записи. Аналогичная норма приведена в пп. 10, 11 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которая именуется «прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи».

Указанные действия аналогичны по своей сущности, содержанию, но имеют различную правовую природу. Как следственное действие оно может инициироваться следователем с согласия руководителя следственного органа при производстве дознания дознавателем с согласия прокурора или по инициативе потерпевшего, свидетеля и их близких родственников, родственников – по их заявлению и на основании судебного решения. Как оперативно-розыскное мероприятие прослушивание телефонных переговоров может проводиться на основании судеб-

ного решения по ходатайству руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД).

К основным понятиям, используемым в уголовно-процессуальном законодательстве (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ), относятся результаты оперативно-розыскной деятельности – сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления и лицах, их совершивших. Согласно ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты оперативно-розыскной деятельности имеют уголовно-процессуальное значение, могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Результаты оперативно-

розыскной деятельности представляются органу дознания, следователю или в суд на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами.

К основным понятиям, используемым в УПК РФ (п. 38 ст. 5), относятся розыскные меры – меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления. Согласно п. 4 ст. 157 УПК РФ после направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах. Кроме того, в случае если место нахождения подозреваемого, обвиняемого неизвестно, следователь поручает его розыск органам дознания, в том числе тем органам, которые обладают полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (п. 1 ст. 210 УПК РФ).

Статья 21 УПК РФ устанавливает обязанность осуществления уголовного преследования, которая определяет, что в каждом случае обнаружения признаков преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ) прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель обязаны принять меры по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в совершении преступления. Логически похожая задача закреплена в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», так как органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, ориентированы на собирание сведений о подготавливаемых, совершаемых, совершенных преступлениях и лицах, их совершивших. При наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления в соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ, появляется основание для возбуждения уголовного дела.

Пункт 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ определяет перечень органов дознания, к которым относятся органы внутренних дел РФ, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Данная норма является от-

сылочной. Для того чтобы определить круг указанных органов, наделенных полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность, следует обратиться к ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». К ним относятся: органы внутренних дел Российской Федерации, органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти в области государственной охраны, таможенные органы Российской Федерации, Служба внешней разведки Российской Федерации, Федеральная служба исполнения наказаний, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Оперативное подразделение органа внешней разведки Министерства обороны РФ проводит оперативно-розыскные мероприятия только в целях обеспечения безопасности указанного органа внешней разведки. Перечень органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, может быть изменен или дополнен только федеральным законом. Руководители указанных органов определяют перечень оперативных подразделений, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, их полномочия, структуру и организацию работы. Оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, вправе проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы.

Статья 41 УПК РФ определяет полномочия дознавателя, где закрепляется запрет на проведение дознания тому лицу, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Требование о недопустимости совмещения в одном лице исполнителя по одному делу процессуальных и оперативно-розыскных полномочий не означает запрета сотруднику оперативно-розыскных подразделений осуществлять дознание по делу.

Пункт 3 ч. 2 ст. 60 УПК РФ закрепляет положение о недопустимости привлечения в качестве понятых работников органов исполнительной власти, наделенных в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

Статья 89 УПК РФ определяет, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Данная норма УПК РФ запрещает использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств. Такой запрет не

следует понимать буквально, при наличии процессуального оформления эти сведения могут стать доказательствами по уголовному делу. По этому пути идет вся следственная практика, где широко используются сведения, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, в качестве доказательств, причем в этом способе нет никакого нарушения уголовно-процессуального законодательства. Более того, в соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут быть использованы в процессе доказывания по уголовным делам. Результаты ОРД – это информационный продукт для следователя, который вправе придать этим сведениям качество доказательств.

Одним из поводов к возбуждению уголовного дела согласно ст. 143 УПК РФ является рапорт об обнаружении признаков преступления. Он составляется сотрудником оперативного подразделения, если при проведении оперативно-розыскных мероприятий были выявлены поводы и основания к возбуждению уголовного дела. Результаты оперативно-розыскных мероприятий могут быть использованы в качестве повода или основания к возбуждению уголовного дела. Статья 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет, что результаты ОРД могут быть использованы в качестве повода или основания к возбуждению уголовного дела. При проверке заявления, сообщения о совершенном или готовящемся преступлении могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия (ст. 144 УПК РФ).

Статья 176 УПК РФ закрепляет основание и виды осмотра. Осмотр жилища проводится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Данная статья УПК РФ имеет некоторое сходство с п. 8 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где предусматривается возможность проведения обследования помещения, зданий, сооружений, участков местности или транспортных средств должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность для обнаружения признаков преступления, причем это мероприятие может проводиться негласно, втайне от окружающих. Статья 176 УПК РФ также предусматривает возможность визуального осмотра предметов и документов, имеющих значение для дела с целью обнаружения следов, орудий преступления, похищенного имущества. Аналогично п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельно-

сти» предусматривает возможность гласного или негласного осмотра предметов и документов для выявления следов преступления. Перечисленные действия фактического отличия не имеют, разница состоит только в правовой природе проводимых действий.

Статья 181 УПК РФ закрепляет понятие и правовое положение о проведении следственного эксперимента. Следственный эксперимент проводится для проверки имеющихся и получения новых доказательств либо для воссоздания картины происшедшего события, причем как повторно, так и многократно. Некоторое сходство со следственным экспериментом можно увидеть в таком оперативно-розыском мероприятии, как оперативный эксперимент (п. 14 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»). Оперативный эксперимент – это непроцессуальное проведение специальных действий с целью проверки полученной информации, проверки и оценки версий, воспроизведения обстановки, уточнения оперативных данных, получения новой информации. Важным отличием оперативного эксперимента от следственного является конспиративность, то есть маскировка цели, ролей и задач, посвящение в замысел и структуру эксперимента.

Статья 185 УПК РФ предусматривает наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку. Суть этого следственного действия состоит в том, что учреждение связи, основываясь на судебном решении, задерживает почтово-телеграфные отправления и уведомляет об этом следователя. Это следственное действие схоже с оперативно-розыскным мероприятием – контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений (п. 9 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»). Суть этого оперативно-розыскного мероприятия заключается в выявлении, проверке содержимого, изучении содержания информации, отслеживании перемещения указанных отправлений и сообщений. Как следственное действие, так и оперативно-розыскное мероприятие по контролю за корреспонденцией проводится на основании судебного решения. Отличие состоит только в правовой природе и последствиях проводимых мероприятий. Необходимо отметить, что цензура корреспонденции осужденных не образует оперативно-розыскного мероприятия, а является мерой административного контроля за их перепиской, также не образует оперативно-розыскного мероприятия контроль телефонных разговоров осужденных, осуществляемых персоналом ИУ.

Статья 193 УПК РФ регламентирует проведение такого следственного действия, как опознание,

в том числе личности. В качестве опознаваемых могут быть предъявлены подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший. Сущность этого следственного действия состоит в том, что опознающий отождествляет (сравнивает) ранее наблюдаемый объект с представленным объектом в группе однородных объектов в количестве не менее трех. Это следственное действие схоже с таким оперативно-розыскным мероприятием, как отождествление личности (п. 7 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»). Это непроцессуальная идентификация личности по мысленному образу в сознании опознающего. Рассматриваемое мероприятие предполагает применение криминалистических способов отождествления без уголовно-процессуальной фиксации. Как оперативно-розыскное мероприятие отождествление личности может проводиться как по признакам внешности, по голосу и походке, особым приметам, так и по криминалистическим признакам, например, следам рук, крови, образцам волос, слюны.

Статья 202 УПК РФ предусматривает получение образцов для сравнительного исследования. Это следственное действие направлено на обеспечение эксперта исследовательским материалом, который ему необходим для проведения сравнительного исследования. Пункт 3 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает проведение оперативно-розыскного мероприятия – сбор образцов для сравнительного исследования. Суть этого мероприятия состоит в выполнении действий, при помощи которых необходимый образец попадает в распоряжение должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Необходимо отметить, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, сопровождающих расследование уголовного дела, не может подменять следственные действия, предусмотренные УПК РФ.

Статьи 187–192 УПК РФ регламентируют порядок проведения допроса участников уголовного процесса, ст. 173 УПК РФ конкретизирует порядок проведения допроса обвиняемого. Суть допроса – это получение информации, сведений, имеющих значение для дела. Аналогом этого следственного действия по своей сущности является такое оперативно-розыскное мероприятие, как опрос (п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»). По своему объему опрос шире допроса, так как нет ограничений по кругу опрашиваемых лиц, по возрасту, по состоянию здоровья, не требуется наличие защитника, педагога, за-

конных представителей и т. д. Возможно также проведение опроса с применением полиграфа (детектора лжи).

Анализируя положения УПК РФ, связанные с общими правилами производства следственных действий, следует отметить, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ). Схожее положение имеет место в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» в части того, что в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий разрешается использование информационных систем, видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также других технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде. Схожесть последнего положения также можно выявить при анализе УПК РФ. В частности, п. 4 ст. 16 закрепляет норму о том, что при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Согласно ст. 164 УПК РФ следователь вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о чем делается соответствующая отметка в протоколе.

В случае сложности или большого объема уголовного дела производство по нему может быть поручено следственной группе, о чем выносится отдельное постановление о возбуждении уголовного дела. К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (п. 2 ст. 163 УПК РФ). В случае неявки по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший и свидетель могут быть подвергнуты приводу, который может производиться органами дознания на основании постановления дознавателя, следователя.

Согласно ст. 123 УПК РФ действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном уголовно-процессуальном порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой проводимые процессуальные решения затрагивают их интересы.

NIKOLAJ PETROVICH BARABANOV,

dsc in law, professor,
honoured worker of higher education of the Russian Federation,
professor at the detective activity organization department;

VALERY VLADIMIROVICH MIKHAILIN,

senior lecturer at the detective activity
organization department

(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: kafedraord@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF CERTAIN NORMS OF THE FEDERAL LAW «ABOUT FIELD INVESTIGATION ACTIVITIES» AND CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Abstract: the article reveals the value of legal regulation of field investigation activities, use of its results on the basis of the criminal procedure legislation of the Russian Federation. Implementation of field investigation legislation for prevention, suppression and uncovering of crimes is impossible without interaction of operational divisions with bodies of preliminary investigation, without realization of standards of the criminal procedure legislation. Authors have submitted the analysis of certain standards of the criminal procedure legislation and the Federal law «About Field Investigation Activities».

Key words: criminal procedure legislation, the Federal law «About Field Investigation Activities», investigative actions, field investigation actions, results of field investigation activities.

ВАЛЕРИЙ ИЛЬИЧ ТЕРЕХИН,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры управления и организации деятельности УИС,
e-mail: ryazantvi@yandex.ru;

ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ ЧЕРНЫШОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России)

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РЕЦИДИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Реферат: цель статьи состоит в разработке метода и инструментария прогнозирования срока совершения постпенитенциарного рецидива. Разработанный метод – это статистический прогноз времени между смежными преступлениями, выступающего фактором динамики характеристик ранее совершенных преступлений. Инструментарий – регрессионные зависимости, рассчитанные по представительной информации смежных рецидивных преступлений.

Обоснована целесообразность использования в качестве ключевой характеристики интенсивности рецидивной деятельности времени между предыдущим и последующим преступлениями. Выявлены факторы, определяющие ожидаемый промежуток времени между преступлениями. Ими являются: возраст лица, совершившего предыдущее преступление, количество совершенных преступлений, период лишения свободы по предыдущему преступлению и его тяжесть. Рассчитана регрессионная зависимость результативного признака от факторных признаков, имеющая приемлемый уровень достоверности (коэффициент множественной корреляции равен 0,72).

Предложена схема использования разработанного метода в практике оценки ожидаемого после освобождения осужденного рецидива. Рассмотрен пример расчета. Отклонения времени ожидаемого рецидива от фактического определяются неучтенными личностными характеристиками осужденного и условиями его жизнедеятельности после освобождения.

Ключевые слова: динамика рецидивных преступлений, вероятность постпенитенциарного рецидива, метод и инструментарий прогнозирования, срок рецидива, пример расчета.

Исследование выполнено на основе информации управления полиции Кемеровской области по лицам, совершившим второе и последующие преступления по состоянию за 2014 г. и первую половину 2015 г. Исходная информация включает в себя данные по 430 преступникам, совершившим за период до 1 июля 2015 г. 1038 рецидивных преступлений. Характеристика преступлений, совершенных за 2014 г. и первую половину 2015 г., не имеет судебной определенности, а только предварительную оценку преступления специалистами Управления МВД России по Рязанской области.

Анализируя позиции отечественных и зарубежных криминологов (Ю. М. Антонян, В. В. Городнянская, Ю. В. Латов, С. Я. Лебедев, В. Е. Южанин и др.) относительно ограничений рецидивной преступности, мы пришли к выводу о том, что взаимосвязи предыдущих и последующих преступлений недостаточно исследованы. В частности, отсутствуют эмпирические доказательства измене-

ний тяжести и интенсивности преступлений по мере изменений количества рецидивов, влияние возраста преступников и количества совершенных преступлений и др. Неоднозначны оценки специалистами влияния условно-досрочного освобождения осужденных на интенсивность и тяжесть последующих (рецидивных) преступлений.

Цель исследования состоит в выявлении сложившихся соотношений и тенденций в изменениях интенсивности и тяжести повторных преступлений, влияния на эти характеристики возраста осужденных, тяжести и направленности преступлений и других факторов и разработке на этой основе инструментария прогнозирования срока совершения постпенитенциарного рецидива.

Ранее теоретически и методически был разработан метод определения вероятности совершения рецидивного преступления лицом, отбывшим наказание в учреждениях УИС. Однако эти работы не содержали инструментария определения воз-

возможных сроков рецидива и его тяжести. Метод и инструментарий определения этих характеристик обоснованы в статье. Соединение инструментария оценки вероятности рецидива со сроком его проявления способно повысить эффективность антирецидивных мер УИС.

Основными методами анализа являются статистические и экспертно-логические оценки. Повышению их достоверности способствовало активное использование экспертных оценок руководителей и специалистов учреждений и органов УИС, обучающихся в магистратуре Академии ФСИН России. Естественно, что в статье не могут быть показаны все использованные статистические материалы и промежуточные результаты его обработки. Приведены только основные результаты и выводы.

Анализ был разделен на три этапа: первый – анализ статистики неоднократных преступлений; второй – анализ динамики путем сравнения и классификации характеристик каждой пары смежных

преступлений; третий – расчеты силы связи результативного и факторных признаков.

В таблице 1 приведена классификация неоднократных преступлений (далее они будут отнесены нами к рецидивным) и совершивших их преступников по характеристикам возраста, порядкового номера совершенного преступления и тяжести преступления. Результаты этой классификации позволяют сделать следующие выводы.

Первое преступление в возрасте до 20 лет включительно совершили 32 % лиц, ставших в дальнейшем рецидивистами. Всего в возрасте до 20 лет в ИК Кемеровской области по состоянию на 1 июля 2015 г. находилось 156 преступников из 431. Только 19 человек в возрасте до 20 лет, отбывших срок лишения свободы по первому преступлению, по состоянию на 1 июля 2015 г. совершили повторное преступление. Эти данные дают основания для предположения о достаточном уровне ограничения рецидивных преступлений приговором о лишении свободы по первому преступлению и его исполнением.

Таблица 1

Статические показатели рецидивной преступности

Возраст	Преступления небольшой тяжести	Преступления средней тяжести	Тяжкие преступления	Особо тяжкие преступления	Итого
Первое преступление					
До 20 лет	14	42	56	25	137
21–30	27	52	78	22	179
31–50	19	25	33	32	109
Старше 50 лет	2	1	1	2	6
Всего	62	120	168	81	431
Второе преступление					
До 20 лет	2	8	9	–	19
21–30	22	68	96	28	214
31–50	19	53	69	33	174
Старше 50 лет	1	3	9	11	24
Всего	44	132	183	72	431
Третье преступление					
До 20 лет	–	–	–	–	0
21–30	7	22	37	3	69
31–50	9	32	27	6	74
Старше 50 лет	–	1	–	2	3
Всего	16	55	64	11	146
Четвертое преступление					
До 20 лет	–	–	–	–	–
21–30	2	4	6	–	12
31–50	–	7	12	–	19
Старше 50 лет	–	–	–	–	–
Всего	2	11	18	–	31
Итого	124	318	436	164	1042

Наибольшее количество преступлений, наказанных лишением свободы, совершено лицами в возрасте 21–30 лет (41 %). Это наиболее рецидивоопасный возраст. По анализируемым данным лицами этого возраста в общей сложности совершено 474 преступления (45,5 %).

Всего лицами в возрасте от 21 до 50 лет (наиболее дееспособного периода жизни человека) было совершено 81,5 % преступлений.

Общественная тяжесть преступлений (низкая, средняя, тяжкая и особо тяжкая) для удобства статистического анализа измерена рангами (1, 2, 3, 4). Все преступления в зависимости от порядкового номера преступления, но вне зависимости от возраста преступника имеют примерно равные ранги тяжести: первое преступление – ранг 2,65, второе – 2,66, третье – 2,5, четвертое – 2,5. Более высокий ранг тяжести имеют пятые совершенные преступления (3), но в связи с малым количеством таких точек вывод об их более высокой тяжести пятых преступлений нами не делается. В настоящее время мы не имеем сколь-нибудь убедительных обоснований этого результата, отличного от общепринятого мнения о росте общественной опасности преступника и тяжести совершаемых им преступлений по мере увеличения их количества.

Основным показателем интенсивности рецидивных преступлений считаем период между освобождением преступника по предыдущему преступлению и совершению им последующего (период пребывания отбывшего наказание на свободе до лишения свободы при совершении очередного рецидива). Этот период равен разности времени между смежными преступлениями и сроком лишения свободы преступника по предыдущему преступлению. Мы назвали его периодом «созревания» лица, отбывшего срок лишения свободы, для совершения нового преступления.

По исходной выборке период между смежными преступлениями, совершенными лицами в возрасте до 20 лет, составлял 5 лет 7 месяцев. Среднее значение срока приговора лицам, впервые осужденным в этом возрасте, в исследуемой информации (134 человека) составило 3,8 года (3 года 10 месяцев). Следовательно, эти лица до совершения (очередного) второго преступления находились в среднем на свободе 1 год 9 месяцев. Общие результаты по этим показателям приведены в таблице 2. Количество преступлений, учтенное в таблице 2, равно 606 (из общего их числа исключены последние, по которым отсутствуют решения судов). Их анализ позволяет сделать следующие выводы относительно изменений интенсивности рецидивов.

Таблица 2

Интенсивность рецидивов и срок «созревания» рецидива

Показатели	Возраст совершения очередного преступления							
	Первого			Второго			Третьего	
	До 20 лет	21–30	31–50	21–30	31–50	Старше 50 лет	21–30	31–50
Количество преступлений (без учета последних), ед.	137	179	115	96	47	2	17	13
Среднее значение срока лишения свободы по приговору, годы	3,8	3,4	3,2	2,8	3,3	1,58	2,56	2,5
Среднее значение периода между преступлениями, годы	5,6	7,5	4,3	4,0	5,1	2,5	2,4	2,9
Среднее значение периода «созревания» рецидива, годы	1,8	4,1	1,1	1,2	1,8	0,92	– 0,16 г./ + 0,35 г.	– 0,4 г./ + 1 г.

Наиболее длительные сроки лишения свободы назначены лицам, совершившим преступление в возрасте до 20 лет, но при этом 36 % из них освобождаются досрочно (УДО и другие основания). Среднее значение снижения срока наказания составило 0,9 года. Для этой категории лиц характерно снижение среднего периода созревания рецидива на 0,55 года, что составляет 60 % от неотбытого срока. Это дает основание для предположения о необоснованности досрочного освобождения части лиц, то есть досрочно были освобождены лица, исправление которых практически невозможно.

Лица, совершившие первое преступление в возрасте от 31 до 50 лет, в большей степени подготовлены к совершению рецидивного преступления (период между освобождением и совершением следующего преступления – 1 год и 1 месяц), несмотря на относительно низкие значения срока лишения свободы. Можно также предположить, что их адаптация к жизни в социуме сложнее, чем лиц более молодого возраста, или ниже эффективность деятельности общества по их ресоциализации.

Лицам, совершившим второе и последующие преступления, досрочное освобождение представлялось реже (12,1 %). Однако его влияние на сокращение периода созревания рецидива значительно, поскольку их готовность к криминальной деятельности выше.

Лица, совершившие второе и третье преступления, по сравнению с осужденными впервые имеют меньший срок созревания рецидива, то есть освобождаются с большей ориентацией на криминальную деятельность и более подготовленными к ней. Так, средний период созревания 4-го рецидива без учета срока досрочного освобождения по расчетам меньше срока лишения свободы по приговору (на 2 или 4 месяца в зависимости от возраста лица, совершившего предыдущее преступление), то есть реально эти лица совершают новое преступление раньше, чем наступит срок их освобождения по приговору. Для лиц в возрасте 21–50 лет средний срок времени сокращения лишения свободы составил 9,2 месяца (0,85 года). С учетом ранее полученного соотношения неотбытого срока лишения и снижения срока созревания рецидива (60 %) средние значения периода созревания третьего преступления составят $-0,16 + 0,6 \cdot 0,85 = 0,35$ года (4 месяца) для лиц в возрасте до 30 лет и 1,5 месяца для лиц старше 30 лет.

Для оценки корреляционных связей и регрессий был использован традиционный алгоритм, включающий в себя следующие этапы:

- профессионально-логический анализ связи факторных и результативного признака. Последним является ожидаемый период совершения последующего рецидива после предыдущего (далее фактор обозначен Y). При таком подходе ожидаемый период совершения преступления после отбытия предыдущего наказания равен прогнозируемому сроку между преступлениями за вычетом срока лишения свободы по приговору или фактически отбывшего срока. Ожидаемый срок совершения преступления после досрочного освобождения оказывается равным разности ожидаемого времени последующего преступления после предыдущего срока наказания по приговору и 50 % времени неотбытого лишения свободы;

- обоснование экспертами состава факторных признаков. Авторы сочли целесообразным из состава имеющейся информации (при наличии более полной информации мог бы оказаться целесообразным учет и других характеристики) включить в состав факторов следующие:

X1 – возраст лица, совершившего последнее преступление;

X2 – количество совершенных преступлений;

X3 – отбытый срок наказания по последнему преступлению;

X4 – тяжесть последнего совершенного преступления;

X5 – способ освобождения (по отбытии срока, на условиях досрочного освобождения).

Результаты расчетов коэффициентов корреляции результативного и факторных признаков приведены в таблице 3;

- анализ результатов профессионально-логического обоснования значимых факторов на основе значений коэффициентов парной корреляции. Значения коэффициентов парной корреляции, рассчитанных по 200 точкам исходной выборки, включающим в себя наиболее представительные последовательности рецидивов, показали целесообразность учета первых четырех факторов;

- выводы относительно использования изложенного инструментария. Уравнение регрессии, включающее в себя отобранные факторы, имеет вид:

$$Y_{расч} = 2,05 + 0,01 \cdot X1 - 0,45 \cdot X2 + 0,75 \cdot X3 + 0,09 \cdot X4$$

Значения коэффициента множественной корреляции ($R = 0,72$) и средней относительной ошибки ($\epsilon = \sum |(Y_{расч} - Y_{факт})/n = 1,32$ года) свидетельствуют об обоснованности его использования в прогнозных оценках ожидаемого срока совершения рецидива.

Таблица 3

Матрица коэффициентов парной корреляции

	Y	X1	X2	X3	X4	X5
Y	1,0					
X1	0,08	1,0				
X2	-0,30	0,17	1,0			
X3	0,71	-0,05	0,05	1,0		
X4	0,24	0,05	0,01	-0,05	1,0	
X5	-0,02	0,01	0,04	-0,11	0,45	1,0

Общий алгоритм оценки срока совершения постпенитенциарного рецидива преступником включает в себя следующую последовательность этапов:

- определяются лица, вероятность совершения рецидива которыми достаточно высока, например, выше 50 %. Метод обоснования вероятности подробно изложен в ряде работ авторов [1, 2];

- определяются особенности статистики и динамики преступлений, совершенных этими лицами, факторные признаки (X1,...X4) и способ освобождения;

- по уравнению регрессии определяется время ожидаемого рецидива при условии освобождения по отбытию наказания;

- определяется время между временем ожидаемого рецидива и сроком лишения свободы по отбываемому приговору;

- полученное выше значение корректируется на условия досрочного освобождения.

Например, отбывший наказание А. А. Журавлев в декабре 2014 г. причинил тяжкий вред здоровью незнакомому человеку. Решение суда

по нему в исходных данных (на 1 июля 2015 г.) отсутствует. Условно принято, что срок лишения свободы по приговору составил 4 года. Вероятность совершения рецидива на момент отбытия наказания равна 70–80 %. Ранее Журавлев имел две судимости: первая – по ст. 161 ч. 2, срок 3 года; вторая – по ст. 158 ч. 2 и ст. 105 ч. 1, срок 3 года 2 месяца, освобожден по УДО на неотбытый срок 11 месяцев. Характеристики преступника, необходимые для определения момента вероятного рецидива:

– возраст на момент совершения последнего преступления – 35 лет;

– количество совершенных ранее преступлений – 3;

– срок лишения свободы (экспертная оценка) – 4 года;

– тяжесть последнего преступления (экспертная оценка) – 4 балла.

Расчеты времени последующего преступления (годы после совершения предыдущего): $Y = 2,05 +$

$+ 0,01 \times 35 - 0,45 \times 3 + 0,75 \times 4 + 0,09 \times 4 = 4,41$ года. Таким образом, при сроке лишения свободы следует ожидать рецидивное преступление через 0,41 года (5 месяцев) после освобождения. Если по УДО осужденный освободится, например, на 1 год раньше, то срок очередного рецидива можно ожидать через 11 месяцев. Естественно, что фактические значения срока совершения рецидива будут отличны от расчетного срока. Эти отклонения также могут быть использованы при анализе. Они определяют не средние, а реальные значения эффективности деятельности правоохранительных органов (УИС, УИИ, полиции) муниципалитетов и реальные индивидуальные характеристики осужденного, отбывшего срок лишения свободы.

В заключение отметим, что более глубокое использование статистического анализа обеспечивает определение срока совершения рецидива в определенном диапазоне вероятностей.

Список литературы

1. Терехин В. И. Эффективность УИС: сущность и методы количественной оценки : монография. Рязань, 2014. 185 с.
2. Терехин В. И., Чернышов В. В. Количественная оценка уровня ресоциализации и социальной адаптации осужденных // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2. С. 109–115.

VALERY ILYICH TEREHIN,

dsc in economics, professor,
honored scientist of the higher school
of the Russian Federation,
professor of the department of management
and organization of penal system activity,
e-mail: ryazantvi@yandex.ru;

VICTOR VALENTINOVICH CHERNYSHOV,

phd in law, associate professor,
associate professor at the department of management
and organization of penal system activity
(Academy of the FPS of Russia)

STATISTICAL ANALYSIS AND FORECASTING OF RECIDIVISM

Abstract: the purpose of work consists in development of a method and tools of forecasting of term of commission of post-penitentiary recurrence. The developed method – the statistical forecast of time between adjacent crimes acting as a factor of dynamics of characteristics of earlier committed crimes. Tools – the regression dependences calculated according to representative information of adjacent recurrent crimes.

Expediency of use in qualities of the key characteristic of intensity of recurrent activity of time between the previous and subsequent crimes is proved. The factors defining the expected period between crimes are revealed. They are: age of commission of the previous crime, quantity of the committed crimes, the imprisonment period on the previous crime and its weight. The regression dependence of a resultant sign on factorial signs having the acceptable reliability level is calculated (the coefficient of multiple correlation is equal to 0,72).

The scheme of use of the developed method in practice of an assessment of the release of the convict of recurrence expected later is offered. An example of calculation is reviewed. Deviations of time of the expected recurrence from actual are defined by the personal characteristics of the convict and conditions of his activity which aren't considered in the real work after release.

Key words: dynamics of recurrent crimes, probability of post-penitentiary recurrence, method and tools of forecasting recurrence term, example of calculation.

References

1. Terehin V. I. *Jefferektivnost' UIS: sushhnost' i metody kolichestvennoj ocenki* [Efficiency of penal system: essence and methods of a quantitative assessment]. Ryazan, 2014. 185 p.
2. Terehin V. I., Chernyshov V. V. *Kolichestvennaja ocenka urovnja resocializacii i social'noj adaptacii osuzhdennyh* [Quantitative assessment of level of resocialization and social adaptation of convicts]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2013, no. 2, pp. 109–115.

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ БАРБИН,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры государственно-правовых наук
(Академия управления МВД России),
e-mail: barbinv@mail.ru

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ПОЛИЦИЯ) КАК СУБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Реферат: в статье рассматривается место и роль органов внутренних дел (полиции) в реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина, выделены главные цели и объекты правового регулирования. Конституция Российской Федерации связывает реализацию своих норм с действием законов, которые не наполняют конституционные нормы новым содержанием, а лишь конкретизируют основополагающие конституционные положения в соответствующей сфере правовой жизни общества, уточняют значение и содержание, допустимые пределы ограничений каждого права (свободы) согласно конституционным предписаниям, а также предусматривают систему гарантий от неконституционных ограничений. Обозначены принципы деятельности полиции, которые важны не только для характеристики ее системы и деятельности, но и для повседневной правоохранительной практики, когда сотруднику полиции необходимо принять правильное решение в условиях дефицита правовых предписаний, их конкуренции или пробелов в них. Особое внимание уделяется тому, что все принципы деятельности полиции, получившие закрепление в законе, имеют императивный характер и не допускают возможности отклонения от них.

Важно рассматривать сущность органов внутренних дел (полиции) сквозь призму обеспечения прав и свобод человека и гражданина, когда полиция является субъектом реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина. Вопросы места и роли органов внутренних дел (полиции) в реализации данного режима регламентируются конституционно-правовыми актами и определяются стоящими перед ними задачами, выполняемыми функциями, используемыми средствами и процедурами.

Ключевые слова: конституционно-правовой режим, ограничение прав и свобод человека и гражданина, органы внутренних дел, полиция, общественные отношения, принципы деятельности, право, системность.

В настоящее время в научной литературе не высказывается сомнений относительно существования правового режима, основанного на ограничениях, который в отличие от стимулирующего правового режима, создающего благоприятные условия для удовлетворения конкретной группы интересов, нацелен на их комплексное сдерживание [1, 3]. Выделяют обязывающий, запрещающий, наказывающий и тому подобные правовые режимы ограничения [2, с. 209]. Кроме того, ограничения конституционных прав и свобод граждан называют в качестве основополагающего признака чрезвычайного правового режима.

Анализ норм Конституции РФ, международно-правовых актов и нормативных правовых актов Российской Федерации, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о том, что в них фактически закреплён основанный на установленном порядке функционирования органов государственной власти и местного

самоуправления и реализации личностью своих прав и свобод, базирующийся на определенном сочетании правовых средств и способов правового регулирования, гарантий и принципов конституционно-правовой режим ограничения прав и свобод человека и гражданина, целью которого являются защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Конституционно-правовой основой деятельности органов внутренних дел по реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина являются: Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, внутригосударственные нормативные правовые акты.

Только «посредством конституционно-законодательных и законодательных нормативных

установлений могут быть допущены далеко идущие вмешательства в гарантированные основные права». Это следует из того, что в соответствии с Конституцией РФ регулирование прав и свобод человека и гражданина относится к исключительному ведению Российской Федерации (п. «в» ст. 71) и осуществляется посредством принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов (ч. 1 ст. 76).

Конституция РФ устанавливает важнейшие правила поведения органов государственной власти и местного самоуправления. В частности, согласно ст. 2 Конституции РФ признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Одной из таких обязанностей также является создание специальных учреждений по охране прав и свобод граждан – судов, правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел. Кроме того, органы государственной власти и местного самоуправления в своей деятельности должны исходить из того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

На всех граждан возлагается обязанность соблюдать Конституцию РФ. Эта обязанность, с одной стороны, относится к самим органам внутренних дел и их сотрудникам, с другой – обеспечивается органами внутренних дел и их сотрудниками применительно к гражданам путем охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Развивая это положение, Конституция РФ в п. «е» ч. 1 ст. 114 относит к компетенции Правительства РФ осуществление мер «по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью». Роль Правительства РФ при реализации данного полномочия заключается в решении вопросов, связанных с созданием и финансированием органов внутренних дел и других правоохранительных органов, а также с проведением анализа состояния законности в стране и эффективности борьбы с преступностью.

В нормативно-правовую основу регулирования деятельности органов внутренних дел по реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина включаются и общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры. В соответствии с положениями ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью ее правовой системы, если они вступили в юридическую силу для Российской Федерации в связи с их ратификацией и принятием соответствующих федеральных законов. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем преду-

смотренные законом, то применяются правила международного договора.

К внутригосударственным нормативным правовым актам, регламентирующим деятельность органов внутренних дел в данной сфере, следует отнести: федеральные конституционные законы и федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, субъектов Российской Федерации, акты органов местного управления и самоуправления, ведомственные нормативные правовые акты.

Основным законом, регулирующим деятельность органов внутренних дел по реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина, является Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», который устанавливает принципы деятельности российской полиции, ее основополагающие начала, идеи, на которых должна строиться ее деятельность в целом. В них отражаются представления законодателя о месте и роли полиции в обществе и государстве, допустимых пределах, методах и средствах ее вмешательства в социальную жизнь. Эти основополагающие, фундаментальные идеи раскрывают сущность современной полиции и пронизывают весь Федеральный закон «О полиции», на их основе строится нормативная база и организуется функционирование всей полицейской системы.

Формулируя принципы деятельности полиции непосредственно в законе, законодатель не столько устанавливает определенные ограничения для этой деятельности, сколько реализует одну из задач верховенства права – установление порядка. Обеспечение верховенства права является обязательным условием соблюдения полицией прав человека, поскольку устанавливает и ограничивает ее функции и полномочия, диктует нормы, регламентирующие профессиональное поведение, а также определяет место и роль полиции в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в целом. Строгое соблюдение верховенства права требует хорошо отлаженной системы законов, обеспечивающих охрану и защиту прав человека и гражданина. Иногда полицейские говорят, что «закон ограничивает их деятельность», тогда как в действительности верно обратное – закон делает работу полиции возможной.

Важным условием правомерности ограничений прав и свобод человека и гражданина является соразмерность или запрет чрезмерных ограничений. Смысл этого правила состоит в предварительном выяснении наличия реальной опасности для конституционно защищаемых ценностей, влекущей за собой принятие мер по ограничению прав и свобод

человека и гражданина, соразмерных возникшей угрозе.

Мера, наносящая ущерб правам и свободам человека и гражданина, оправдана лишь в той степени, в какой она вызвана необходимостью (принцип экономии вмешательства). Ограничение прав и свобод возможно до тех пределов, пока оно не вступает в противоречие с истинным назначением самого права, поэтому Федеральный закон «О полиции» устанавливает, что деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что последняя не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан.

Анализ назначения полиции, ее основных направлений деятельности позволяет сделать вывод о том, что они относятся к сфере противодействия противоправным деяниям или угрозам их совершения в отношении конституционно защищаемых ценностей.

Обеспечивая права и свободы личности путем создания условий для их безопасной реализации, например, осуществляя охрану общественного порядка во время проведения шествий, митингов и демонстраций и ограничивая в ходе этой охраны доступ лиц, участвующих в названных мероприятиях, на отдельные улицы и площади (то есть свободу перемещения), сотрудники органов внутренних дел, в частности, обеспечивают безопасные условия использования различных прав и свобод других граждан (на труд, отдых, передвижение и т. д.). В случаях нарушений прав и свобод граждан сотрудники органов внутренних дел принимают меры к пресечению правонарушений, задерживают правонарушителей.

Особая роль принадлежит сотрудникам органов внутренних дел в ситуациях чрезвычайного характера: во время стихийных бедствий, крупных аварий и катастроф, эпидемий, массовых беспорядков, вооруженных межнациональных конфликтов, террористических актов. В таких условиях права человека на жизнь, здоровье, свободу, неприкосновенность, жилище, собственность, честь, достоинство и другие права подвергаются прямой угрозе и нуждаются в принятии сотрудником органов внутренних дел мер соответствующей охраны и защиты.

Еще более возрастает значение деятельности сотрудников органов внутренних дел в данной сфере в условиях установления специального правового режима в рамках Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении». Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел по обеспечению порядка и безопасности в особых, экстремальных обстоятельствах позволяет предот-

вратить панику, спасти людей, не допустить совершения тяжких преступлений, своевременно оказать помощь пострадавшим и в конечном счете гарантировать защиту прав и свобод граждан, их законных интересов. С этой целью Указом Президента Российской Федерации «О введении чрезвычайного положения» на период действия чрезвычайного положения может предусматриваться введение временных ограничений личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина, реализуемых сотрудниками внутренних дел. К таким ограничениям относятся: установление ограничений на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение, а также введение особого режима въезда на указанную территорию и выезда с нее, в том числе для иностранных граждан и лиц без гражданства; введение комендантского часа, то есть запрета в установленное время суток находиться на улицах и в иных общественных местах без специально выданных пропусков и документов, удостоверяющих личность граждан; продление срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца; проверка документов, удостоверяющих личность граждан, личный досмотр, досмотр их вещей, жилища и транспортных средств; выдворение в установленном порядке лиц, нарушающих режим чрезвычайного положения и не проживающих на территории, на которой введено чрезвычайное положение, за ее пределы; ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра; временное отселение жителей в безопасные районы; временное изъятие или арест печатной продукции, радиопередающих, звукоусиливающих технических средств, множительной техники; в исключительных случаях, связанных с необходимостью проведения и обеспечения аварийно-спасательных и других неотложных работ, мобилизация трудоспособного населения.

Кроме того, могут быть предусмотрены ограничения политических прав и свобод граждан, в реализации которых также принимают участие сотрудники органов внутренних дел: запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий; запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций; приостановление деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших осно-

ванием для введения чрезвычайного положения; отстранение от работы на период действия чрезвычайного положения руководителей государственных организаций в связи с ненадлежащим исполнением указанными руководителями своих обязанностей и назначение других лиц временно исполняющими обязанности указанных руководителей. Более того, поскольку на территории, на которой введено чрезвычайное положение, выборы и референдумы не проводятся в течение всего периода действия чрезвычайного положения, сотрудники органов внутренних дел могут быть задействованы в мероприятиях по их ограничению.

С учетом изложенного можно отметить, что органы внутренних дел (полиция), непосредственно создаваемые для обеспечения прав и свобод человека и гражданина, являются субъектом реализации конституционно-правового режима ограничения прав и свобод человека и гражданина. Вопросы места и роли органов внутренних дел (полиции) в реализации данного режима регламентируются конституционно-правовыми актами и определяются стоящими перед ними задачами, выполняемыми функциями, используемыми средствами и процедурами. Это свидетельство тому, что полиция по объему, разнообразию регулирующих, контролирующих, упреждающих и ограничивающих функций является самым дифференцированным органом государственной власти, ограничивающим в

своей деятельности права и свободы человека и гражданина. Однако из этого не следует, что полицейская деятельность связана исключительно с ограничением прав и свобод человека и гражданина, хотя сотрудники органов внутренних дел и наделяются широкими полномочиями по их исполнению. Благодаря ограничениям органам внутренних дел удается предотвратить реальную угрозу совершения многих преступлений против личности, ее прав и законных интересов и склонить неустойчивых лиц к правомерному типу поведения. В некоторых случаях ограничение личных прав и свобод является правомерным независимо от того, имеются ли правонарушения. Это делается в целях предотвращения правонарушений либо обеспечения безопасности людей и ликвидации негативных ситуаций (например, принудительное переселение граждан при эпидемиях). В реальной практике возможность применения сотрудниками органов внутренних дел тех или иных форм ограничений гарантирует достижение законных целей чаще всего одной потенциальной возможностью своего применения. Применение ограничений допускается лишь в строгом соответствии с правовой нормой, причем оно должно быть не только законным, но и целесообразным и строго индивидуальным и не должно преследовать цель причинить лицу физическое или духовное страдание.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 288 с.
2. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. 250 с.
3. Чрезвычайный правовой режим в России и за рубежом / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М., 2006. 192 с.

VYACHESLAV VLADIMIROVICH BARBIN,
phd in law, associate professor,
deputy chief of the state and legal sciences department
(Academy of MIA of Russia),
e-mail: barbinv@mail.ru

BODIES OF INTERNAL AFFAIRS (POLICE) AS THE SUBJECT OF IMPLEMENTING CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGIME OF RESTRICTING RIGHTS AND FREEDOMS OF THE PERSON AND CITIZEN

Abstract: the article examines the place and role of internal affairs bodies (the police) in realization of the constitutional and legal regime of restricting rights and freedoms of the person and citizen. Main goals and objects of legal regulation are allocated. It is noted that the Constitution of the Russian Federation connects realization of its norms with operation of laws which do not fill the constitutional norms with new contents, but determine fundamental constitutional provisions in the respective sphere of legal life of society, specify its value and contents, admissible limits of restrictions of each right (freedom) according to the constitutional instructions, and also provide a system of guarantees against unconstitutional restrictions.

The article designates principles of the police activity which are important not only for characterizing its system and activity, but in daily law-enforcement practice when the police officer needs to make the correct deci-

sion under conditions of legal instructions deficiency, their competition or presence of gaps in them. Special attention is paid to the fact that all principles of the police activity which have been fixed in the law possess imperative character and do not allow a possibility of deviation.

It is important to consider the essence of internal affairs bodies (the police) directly through the prism of ensuring rights and freedoms of the person and citizen when the police are subject of realization of the constitutional legal regime of restricting rights and freedoms of the person and citizen. The issues of place and role of internal affairs bodies (the police) in realization of this regime are regulated by constitutional and legal acts and are defined by the tasks facing them, carried out functions, used means and procedures.

It is important to understand essence of law-enforcement bodies (police), directly through a prism of ensuring the rights and freedoms of the person and citizen when the police is subject of realization of a constitutional legal regime of restriction of the rights and freedoms of the person and the citizen. Questions of the place and a role of law-enforcement bodies (police) in realization of this mode are regulated by constitutional and legal acts and are defined by the tasks facing them which are carried out by the functions used by means and procedures.

Key words: constitutional and legal regime, restriction of rights and freedoms of the person and citizen, internal affairs bodies, the police, public relations, principles of activity, right, consistency.

References

1. Alekseev S. S. Obshhie dozvoleniya i obshhie zaprety v sovetskom prave [The general permissions and the general bans in the Soviet law]. Moscow, 1989. 288 p.
2. Mal'ko A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave [Incentives and restrictions in the law]. Moscow, 2003. 250 p.
3. Chrezvychajnyj pravovoj rezhim v Rossii i za rubezhom [An extraordinary legal regime in Russia and abroad]. Under the general and scientific editorship of S. P. Shherba. Moscow, 2006. 192 p.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЖУРАВЛЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин,
e-mail: zhuravlev_vi@mail.ru;

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРЕПОВА,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Российская международная академия туризма),
e-mail: uristmat@mail.ru

СИСТЕМНО-РЕГУЛЯТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В СТРАТЕГИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Реферат: в статье рассматриваются системно-регулятивные особенности стратегии законотворчества в сфере благотворительности. В разрабатываемых и принимаемых нормативных правовых актах в области благотворительности необходимо учитывать объективные и относительно регулятивные факторы, влияющие на формирование гражданского общества и поведение людей. Изучение работ и правовых актов, так или иначе отражающих стратегию правотворчества, позволяет заключить, что в общем цели правотворчества достигаются, правовые акты создаются и регулируют общественные отношения, вместе с тем эффективность такого регулирования не всегда находится на высоком уровне. Одним из важнейших обстоятельств, обуславливающих правовое регулирование, является фактически фрагментарная корреляция нормативных законов с поведением людей. Обращается особое внимание на то, что элементом стратегии законотворчества могла бы стать популяризация благотворительной деятельности. Обосновывается необходимость изучения различных исторических аспектов оказания помощи нуждающимся гражданам.

На основе проведенного исследования вносятся предложения о необходимости уточнения вопроса о формах благотворительных организаций, для чего необходимо согласовать положения федеральных законов «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» и «О некоммерческих организациях».

Ключевые слова: стратегия законотворчества, благотворительность, правовая политика, нормативно-правовые акты, благотворительные организации, филантропия, общественные отношения, политическая деятельность.

Сложившиеся тенденции рассмотрения стратегии и сформированные ею определения представляют стратегию как многоуровневое явление, свойственное почти любой сфере человеческой деятельности, в том числе законотворческим процессам.

Законотворчество как особый вид человеческой деятельности ориентировано на создание качественной системы нормативно-правовых актов, позволяющей эффективно воздействовать на формирование гражданского общества и поведение людей. Изучение работ и правовых актов, так или иначе отражающих стратегию правотворчества, показывает, что в общем цели правотворчества достигаются, правовые акты создаются и регулируют общественные отношения, вместе с тем действительность такого регулирования не всегда находится на высоком уровне. Часто в юридической теории и практике правовое регулирование осуществляется с изданием правовой нормы. Норма издается, значит, она уже будет воздействовать на отношения.

Одним из важнейших обстоятельств, обуславливающих правовое регулирование, является фактически фрагментарная корреляция нормативных законов с поведением людей. «Многие люди выстраивают свое поведение и оценивают поведение других людей не в соответствии с законом непосредственно, а опосредованно, через интерпретированную информацию о правовых нормах, через слухи» [3, с. 194]. Как видно из результатов исследований, взаимоотношение прав и правосознания «большинства граждан формируется на основании знания не самого права, а знаний о праве, почерпнутых из средств массовой информации, из высказываний друзей, знакомых, других лиц». Необходимо отметить, что «слухи есть один из факторов, влияющих на форму и содержание, а также на качество правового регулирования общественных отношений» [3, с. 195].

К рассматриваемым обстоятельствам, которые нужно учитывать в стратегии законотворчества, близко стоит «проблема доступности и понятности правовых норм, не случайно в теории права данное

требование рассматривается как обязательный признак права» [1, с. 198].

Понятность права достигается «простотой и краткостью формулировок, а доступность – свободным доступом к информационно-справочным правовым системам. Как известно, важность этого принципа признавали уже в Древнем мире, например, чтобы обеспечить этот принцип в Древнем Риме, тексты законов размещались на площади, на деревянных табличках в Древнем Вавилоне, на базальтовом столбе и т. д. Кроме того, чтобы текст законов был понятен, необходимо вводить преподавание основ юридических знаний с начальной школы. Следует активнее использовать средства массовой информации для популяризации наиболее востребованных и важных правовых норм» [2, с. 195].

В разрабатываемых и принимаемых нормативных правовых актах в области благотворительности следует учитывать объективные и относительно регулятивные факторы, которые влияют на формирование гражданского общества и поведение людей.

Регулятивный фактор «можно определить как единичные или множественные проявления природного, техногенного, общественного или личностного воздействия и отношение к нему лица, чье поведение подлежит регулированию».

Исследуя теорию благотворительности, отметим, что она не может решить всех социальных проблем общества, однако способствует преодолению разобщенности нации, осознанию населения единым народом. К тому же она является показателем уровня морали и нравственного здоровья граждан в определенный исторический период. Конечно, таких положительных последствий можно достичь лишь при наличии совершенного законодательства. Действующие сегодня нормативные акты в различных сферах пока далеки от совершенства. Причина здесь кроется в неразвитости правового государства.

Одним из элементов стратегии законотворчества могла бы стать популяризация благотворительной деятельности, особая миссия и ответственность ложится на средства массовой информации, популярных в стране людей, прежде всего на творческую и политическую элиту, представителей крупного бизнеса.

Разумно выделение приоритетных направлений благотворительности, в развитии которых особо заинтересовано государство, например, в ч. 3 ст. 46 Конституции Республики Молдова от 29 июля 1994 г. указано: «Государство поощряет и поддерживает благотворительность в отношении детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки».

Совершенствование стратегии законотворчества в благотворительности необходимо как государству и жертвователям, так и принимающим помощь. Важно не допустить иждивенческого отно-

шения к проявлению милосердия. Государство не может перекладывать на благотворительную деятельность свои конституционные обязанности по поддержанию социальной стабильности. Нуждающиеся должны воспринимать филантропию как стимул к поиску своего достойного места в социуме.

Полезно продолжить изучение различных исторических аспектов оказания помощи нуждающимся гражданам. Одним из выводов может быть то, что одинаково вредно как злоупотребление благотворительной деятельностью, использование ее в знак протеста против политики государства, так и ущемление властью свободы в данной сфере.

Исследуя регулятивные факторы, определяющие стратегию правовой политики государства в Федеральном законе «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», можно сделать вывод, что неверно отождествляются цели и задачи благотворительной деятельности. Эти категории схожи между собой, однако имеют свои особенности. Они соотносятся как целое и его часть. Цель – это стратегическое, материальное направление, движение для достижения желаемого результата.

Используя изложенные системно-регулятивные факторы, правильно было бы в качестве целей благотворительной деятельности определить:

- способствование развитию Российской Федерации как благополучного, процветающего, социального государства, где обеспечена достойная жизнь и свободное развитие человека, который рассматривается как высшая ценность;
- содействие объединению нации, сокращение разрыва между уровнем жизни различных групп населения;
- формирование и укрепление идеалов гражданского общества;
- выполнение бизнесом своей социальной задачи.

Своеобразным программным ориентиром на обозримое будущее может служить Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Государственной Думы от 3 декабря 2015 г., в котором сказано: «Необходимо поддержать людей с низкими доходами, наиболее уязвимые категории граждан, перейти, наконец, к справедливому принципу оказания социальной помощи, когда ее получают те, кто в ней действительно нуждается...».

Россия – федеративная страна с самым большим в мире числом субъектов. Невозможно достигнуть успеха, если правовая политика государства по вопросам благотворительности не будет доходить по назначению, а регионы будут проявлять пассивность. Каким бы совершенным ни было законодательство, благотворительная деятельность проводится на местах. Несомненно, требуется обобщение опыта наиболее активных субъектов.

Таким образом, стратегия законотворчества в благотворительности – это сложный, комплексный механизм, базирующийся на всей системе социального регулирования общественных отношений. Во-первых, стратегия законотворчества – это своеобразный генеральный план по созданию нормативных правовых актов, а сам нормативно-правовой акт выступает в качестве плана-программы, плана модели будущих правоотношений, которые в реальности могут и не состояться. Во-вторых, стратегия законотворчества должна включать в себя механизм интеграции права и иных регулятивных факторов субъективного и объективного свойства. В-третьих, в стратегии законотворчества в области благотворительной политики целесообразно предусматривать и отражать в текстах будущих нормативных правовых актов либо сопутствующих документов наиболее эффективные способы донесения нормативно-правовой информации до правосознания индивидов.

подавляющее большинство исследователей видят пути совершенствования законодательства в повышении эффективности юридической техники подготовки, принятия и издания нормативных правовых актов [2, с. 269; 3, с. 192; 6]. Совершенствование техники законотворчества – важнейший фактор в развитии этого процесса, результат которого – регулирование общественных отношений. Тактика законотворчества должна быть подчинена единому генеральному плану законотворчества, его стратегии. В современной военной науке стратегия – это искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил. Стратегия решает вопросы, связанные с использованием войск и всех ресурсов страны для достижения конечной высшей цели.

Нельзя не согласиться с мнением Р. М. Головкина, основанным на исследовании обозначенных концепций: «Стратегия – это специфическая система знаний в той или иной области жизнедеятельности общества, которые используются как инструмент социальных преобразований на основе создания и реализации обобщенной модели функционирования объединения людей, будущей их деятельности и (или) перспективной системы общественных отношений, а также арсенал способов, средств и механизмов, обуславливающих осуществление этой модели» [4, с. 20]. Сложившиеся тенденции рассмотрения стратегии и сфер ее функционирования представляют стратегию как многоуровневое явление, свойственное почти любой сфере человеческой деятельности и, конечно, законотворческим процессам. Последнее по времени обнародования определение принадлежит Р. Б. Головкину: «Стратегия правотворчества –

системная модель использования наиболее эффективных форм, средств и методов подготовки, издания и переработки нормативных и иных правовых актов, позволяющих качественно регулировать общественные отношения» [3, с. 193].

Анализ современной юридической литературы показывает, что термин «правовая политика» рассматривается как политическая деятельность соответствующих субъектов, которая осуществляется строго в рамках закона на основе действующих нормативных правовых актов. Следует согласиться с Ю. Е. Пермяковым, который считает, что «если власть опирается на право, есть все основания говорить о правовой политике» [8, с. 6].

По мнению С. А. Комарова [5, с. 8], такой подход в принципе правомерен, однако он не может быть использован при исследовании политической деятельности в сфере функционирования права, поскольку это дает возможность выделить специфический вид политики, осуществляемой в сфере функционирования права. Определение «правовая» обозначает уже не атрибут политики, а область ее применения: правовая политика – комплекс мер, идей, задач, целей, программ, методов, реализуемых в сфере действия права и посредством права.

Необходимо обратить внимание на подход другого ученого – К. В. Шундикова: «Правовая политика заключается в принятии государством соответствующих нормативно-правовых актов и осуществлении на их основе правоприменительной деятельности» [10, с. 149]. Однако нельзя забывать, что существуют институт правосудия, институт гражданского общества, демократические выборы. Его трактовка, на наш взгляд, представляется как правоприменительная деятельность органов государственной власти.

С точки зрения И. С. Морозовой, правовая политика – это деятельность государства по созданию правовых условий для образования и функционирования выгодных для государства процессов и изменений, происходящих в обществе [7, с. 151]. Заслуживает внимания определение А. П. Мазуренко и Ю. А. Титенко: «Правовая политика – это многоуровневое и сложноструктурированное явление юридической деятельности, выражающееся в научно обоснованной, системной и последовательной деятельности, направленной на создание необходимых правовых и политических условий для достижения стратегических целей и решения тактических задач правового развития страны» [6, с. 13].

О. Ю. Рыбаков подходит более глобально к определению правовой политики и дает представления о ней в двух вариантах. В первом варианте правовая политика понимается им как выработка и реализация тактики и стратегии в области созда-

ния и применения права на общих принципах гуманизма, во втором – как «деятельность государственных и муниципальных органов, общественных объединений, отдельных лиц, включающая систему идей, целей, мер и способов, обеспечивающих функционирование и воспроизводство правового механизма» [9, с. 30]. Различия между этими вариантами понимания правовой политики проводятся О. Ю. Рыбаковым, во-первых, по содержанию, во-вторых, по субъективному составу. На наш взгляд, субъектами правовой политики в первом варианте, то есть исходя из сути ее понимания, выступают государственные органы власти. Субъектами правовой стратегии, по мнению ученого, могут быть не только государственные и муниципальные органы, но и отдельные граждане. Следует отметить, что реально проводить в жизнь правовую политику может только государство. Субъектом здесь выступает государство. Правовая политика осуществляется, во-первых, в форме правотворческой деятельности государства, при которой последнее в лице законодательных органов власти непосредственно принимает законы; во-вторых, в форме исполнительной деятельности государственных органов, то есть деятельности органов государства и должностных лиц, направленных на осуществление и реализацию норм права; в-третьих, в форме правоохранительной деятельности – деятельности государства, направленной на обеспечение надлежащего применения норм права в конкретных правоотношениях.

В качестве субъекта правовой политики государство в лице органов государственной власти выполняет следующие функции:

а) определяет политические, социальные и экономические цели развития общества; ранжирует цели на стратегические, тактические, приоритетные, текущие и т. п., закрепляет их в законодательных и подзаконных актах, тем самым придавая им всеобщий характер;

б) обеспечивает интеграцию общества путем неиспользования механизма выявления и согласования желаний социальных классов, слоев и групп и формирует на основе общей воли систему права;

в) регулирует социально-политическую и социально-экономическую деятельность в обществе, устанавливая такие правила поведения и деятельности людей, которые обеспечивали бы соблюдение общих интересов и устойчивость развития общественных отношений;

г) оказывает целостное управленческое воздействие на процессы правообразования и правоприменения, на функционирование правовой системы общества через принятие и реализацию политических решений;

д) оказывает целенаправленное воздействие на процессы формирования правосознания. Институт благотворительности закреплен в ст. 30 гл. 2 Конституции РФ: «Каждый имеет право на объединение... свобода деятельности общественных объединений гарантируется». Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. Создание, деятельность, реорганизация и ликвидация общественных объединений регулируются Федеральным законом «Об общественных объединениях», согласно ст. 5 которого под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, создание по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Правовые положения, порядок создания, деятельности, реорганизации и ликвидации некоммерческих организаций, права и обязанности и их учредителей (участников), основы управления некоммерческими организациями и возможные формы их поддержки органами местного самоуправления установлены Федеральным законом «О некоммерческих организациях». Некоммерческие организации могут создаваться для достижения благотворительных целей. Особенности создания и деятельности благотворительных организаций регулируются Федеральным законом «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Различные аспекты деятельности общественных объединений становились предметом рассмотрения в диссертационных исследованиях ряда отечественных и зарубежных ученых.

В настоящее время в России насчитывается не более 5 тыс. благотворительных организаций и фондов. Наиболее значимые из них: Фонд Б. Н. Ельцина, Благотворительный фонд им. А. С. Горбачева, фонд «Подари жизнь», «Доноры детям», «Детские сердца», «Общество помощи детям с билиарной атрезией им Н. Рогалевич», благотворительный фонд «Здесь и сейчас», Центр творческого развития «стАРТ», благотворительное общество «Адреса милосердия» и др. Эти общественные объединения эффективно работают на территории Российской Федерации.

Незначительное число благотворительных организаций в России объясняется не только неразвитостью идей благотворительности, но и несовершенством соответствующего законодательства. Это, по меньшей мере, неблагоприятно сказывается на правовой политике государства в области благотворительности. Здесь необходимо внести пояснения и предложения.

Требует уточнения вопрос о формах благотворительных организаций. «Для этого необходимо согласовать положения федеральных законов «О благоотво-

рительной деятельности и благотворительных организациях» и «О некоммерческих организациях». Статья 7 первого из названных нормативных актов предусматривает возможность создания благотворительных организаций в форматах общественных организаций (объединений), фондов, учреждений и в иных формах, предусмотренных федеральными законами для благотворительных организаций.

Учитывая сегодняшнее развитие экономики и гражданского общества в Российской Федерации, выделим особенности стратегии благотворительности:

1) мировой финансовый кризис, последствием которого стал дефицит денежных средств, обязательно повлияет на уменьшение масштабов исследуемого явления;

2) наблюдается увеличение доли государства в капиталах крупных промышленных компаний посредством выкупа их упавших в цене акций и соз-

дания корпораций. Представители государственного бизнеса меньше участвуют в благотворительности, чем их частные коллеги, так как они могут менее свободно распоряжаться принадлежавшими им активами;

3) в российской экономике по-прежнему доминируют компании, ориентированные на экспорт природных ресурсов. Они в меньшей степени, чем производители товаров народного потребления, заинтересованы в поддержке уровня жизни людей, своего имиджа и авторитета в России, так как их производство и прибыль не зависят от отечественного рынка. Значит, такая структура экономики является фактором, сдерживавшим благотворительность;

4) федеральная власть сейчас меньше иницирует импульсы по поддержке благотворительности.

Список литературы

1. Бабаев В. К. Понятие и признаки права // Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М., 2003. 592 с.
2. Бузун Е. В. Правотворчество в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 269–271.
3. Головкин Р. Б. Некоторые системно-регулятивные особенности стратегии законотворчества // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 192–196.
4. Головкин Р. Б. Стратегия правотворчества: право в системе факторов, влияющих на его действие // Вестник ВлГУ. Сер. Юридические науки. 2014. № 1. С. 17–28.
5. Комаров С. А., Азнагулова Г. М. Правовая политика: понятия, роль и обеспечение в правовой системе общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 3. С. 8–16.
6. Мазуренко А. П., Титенко Ю. А. Правовая политика и правовое развитие общества / под ред. А. В. Малько. М., 2007. 124 с.
7. Морозова И. С. Место и роль льгот в правовой политике государства // Правоведение. 1997. № 4. С. 151.
8. Пермяков Ю. Е. Введение в основы уголовной политики. Самара, 1993. С. 79–82.
9. Рыбаков О. Ю. Понятия и признаки правовой политики // Правовая политика субъектов Российской Федерации : материалы круглого стола (Владивосток, 26 сентября 2001 г.). Владивосток, 2002. С. 30–39.
10. Шундииков К. В. Юридические средства реализации правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 149–150.

VLADIMIR IVANOVICH ZHURAVLEV,

phd in law, associate professor,

chair of state and law disciplines department,

e-mail: zhuravlev_vi@mail.ru;

EKATERINA ALEKSANDROVNA CHEREPOVA,

senior lecturer, state and legal disciplines department

(Russian international academy of tourism),

e-mail: uristmat@mail.ru

LAWMAKING: ITS SYSTEM AND REGULATORY FACTORS IN THE FRAME OF LEGAL POLICY STRATEGY ON THE BASES OF CHARITY

Abstract: the article considers article system and regulatory features of strategy of lawmaking in the sphere of charity. In the developed and adopted regulations in the field of charity it is necessary to consider the objective and rather regulatory factors influencing formation of civil society and behavior of people. Studying the works and legal acts reflecting law-making strategy allow to conclude generally legal acts and govern the public

relations, at the same time efficiency of such regulation is not always at the high level. One of the major circumstances causing legal regulation is actually fragmentary correlation of standard laws with behavior of people. Special attention that charity promoting could become an element of strategy of lawmaking is paid. Need of studying of various historical aspects of assistance to the needing citizens is proved.

On the basis of the conducted research offers on need of specification of a question of forms of the charitable organizations for what it is necessary to agree on provisions of federal laws «About charity and the charitable organizations» and «About non-profit organizations are made».

Key words: lawmaking strategy, charity, legal policy, normative legal acts, charitable organizations, philanthropy, public relations, political activity.

References

1. Babaev V. K. Ponjatje i priznaki prava [Concept and signs of the right]. Teorija gosudarstva i prava [Theory of the state and law]. Under the editorship of V. K. Babaev. Moscow, 2003. 592 p.
2. Buzun E. V. Pravotvorčestvo v Rossijskoj Federacii: problemy i perspektivy [Law-making in the Russian Federation: problems and prospects]. Molodoj učenij – Young scientist, 2012, no. 4, pp. 269–271.
3. Golovkin R. B. Nekotorye sistemno-reguljativnye osobennosti strategii zakonotvorčestva [Some system and regulatory features of strategy of lawmaking]. Juridicheskaja tehnika – Legal equipment, 2015, no. 9, pp. 192–196.
4. Golovkin R. B. Strategija pravotvorčestva: pravo v sisteme faktorov, vlijajushhij na ego dejstvie [Law-making strategy: the right in system of the factors influencing his action]. Vestnik VIGU. Serija Juridicheskie nauki – VIGU bulletin. Series Jurisprudence, 2014, no. 1, pp. 17–28.
5. Komarov S. A., Aznagulova G. M. Pravovaja politika: ponjatija, rol' i obespečenija v pravovoj sisteme obshhestva [Legal policy: concepts, a role and providing in legal system of society]. Pravovaja politika i pravovaja zhizn' – Legal policy and legal life, 2012, no. 3, pp. 8–16.
6. Mazurenko A. P., Titenko Ju. A. Pravovaja politika i pravovoe razvitie obshhestva [Legal policy and legal development of society]. Under the editorship of A. V. Mal'ko. Moscow, 2007. 124 p.
7. Morozova I. S. Mesto i rol' l'got v pravovoj politike gosudarstva [The place and a role of privileges in legal policy of the state]. Pravovedenie – Jurisprudence, 1997, no. 4, pp. 151.
8. Permjakov Ju. E. Vvedenie v osnovy ugovolnoj politiki [Introduction to fundamentals of criminal policy]. Samara, 1993, pp. 79–82.
9. Rybakov O. Ju. Ponjatija i priznaki pravovoj politiki [Concepts and signs of legal policy]. Materialy kruglogo stola «Pravovaja politika subektov Rossijskoj Federacii», 26 sentjabrja 2001 [Materials of the round table «Legal policy of subjects of the Russian Federation» on September 26, 2001]. Vladivostok, 2002, pp. 30–39.
10. Shundikov K. V. Juridicheskie sredstva realizacii pravovoj politiki [Legal implementers of legal policy]. Pravovedenie – Jurisprudence, 1997, no. 4, pp. 149–150.

ВЕРОНИКА АЛЕКСАНДРОВНА ГРУНИНА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
(Владимирский юридический институт ФСИН России),
e-mail: vgrun@rambler.ru

СИНЕРГЕТИКА КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Реферат: возможность применения понятий и принципов синергетики в познании правовой действительности коренится в самой природе права как сложном и системном образовании. Представляется обоснованным рассматривать правовую систему в качестве сложной. Кроме того, элементы, образующие в совокупности правовую систему, сами выступают в качестве сложноорганизованных систем. Происходят ли в правовой системе как сверхсложной системе процессы самоорганизации? Безусловно! Известно, что правовая система объединяет в органическую целостность такие явления, как позитивное право, правовые отношения, правовую культуру, правовое сознание и ряд других. Качественная специфика элементов правовой системы позволяет предположить, что процессы самоорганизации, с одной стороны, частично регулируются правом, а с другой – имманентны для права.

Элементы неопределенности, вероятности, риска неустранимы из сферы правового регулирования. В то же время свести их негативное влияние к минимуму, подобрать правовые средства наиболее оптимальным образом так, чтобы результат действия права максимально был приближен к ранее поставленным целям, – задача, решение которой предполагает научное осмысление феноменов случайности, самоорганизации социальной среды, и с этой точки зрения обращение к синергетике более чем оправдано.

В статье синергетика рассматривается как предмет нового направления междисциплинарных научных исследований, которая изучает разнообразные взаимодействия подсистем.

Ключевые слова: беспорядок, хаос, процессы самоорганизации, гомеостатичность, иерархичность, нелинейность, открытость, неустойчивость.

Прежде чем говорить о необходимости использования синергетики в познании правовых явлений, требуется иметь четкое представление о возможности применения ее постулатов.

Нельзя не отметить тот факт, что предмет нового направления междисциплинарных научных исследований находится в движении, в фазе своего становления и на сегодняшний день не имеет ясной и однозначной интерпретации.

Так, по Хакену, синергетика занимается изучением систем, состоящих из большого (очень большого, огромного) числа частей, компонент или подсистем, одним словом, деталей, сложным образом взаимодействующих между собой. Слово «синергетика» и означает совместное действие, то есть согласованность функционирования частей, отражающуюся в поведении системы как целого [1].

Системы, составляющие предмет изучения синергетики, могут быть самой различной природы: электроны, атомы, молекулы, клетки, механические элементы, правовые явления и т. д. В отличие от традиционных областей науки синергетику интересуют общие закономерности эволюции систем

любой природы. Отрешаясь от специфической природы систем, синергетика обладает способностью описывать их эволюцию на интернациональном языке.

Особенностью синергетики является то, что она «опирается на сходство математических моделей, игнорируя различную природу описываемых ими систем» [1]. Данное обстоятельство во многом и определяет ее междисциплинарный характер. Подтверждение этому – применение положений синергетики в различных областях знания: физике, химии, биологии, медицине, психологии, экономике, праве.

Для того чтобы более отчетливо представлять необходимость редукции синергетики в отношении специфики правовых явлений, следует уделить внимание анализу существующих в юридической литературе работ, в которых предпринята попытка реализации методологического потенциала синергетики.

Круг авторов, исследовавших проблемы применения синергетики в правовой сфере, не так уж велик. Среди них такие ученые, как А. Б. Венгеров, Ю. Ю. Ветютнев, В. В. Залесский, Е. В. Кирдяшов и др.

Так, Ю. Ю. Ветютнев в статье «Синергетика в праве» пытается рассмотреть некоторые постулаты синергетики применительно к элементам правовой системы.

Чтобы обнаружить самоорганизацию, Ю. Ю. Ветютнев обращается к процессам складывания правовой нормы, формирования ее содержания. При этом главным показателем степени самоорганизации правотворчества, по его мнению, в каждом конкретном случае является та форма, которую принимает правовое предписание [2].

Ю. Ю. Ветютнев полагает, что каждому источнику (форме) права соответствует свой уровень самоорганизации: для нормативного правового акта она характерна в незначительной мере, концентрированную форму самоорганизация принимает в правовом обычае [2].

Говорить о большей или меньшей степени самоорганизации по отношению к той или иной форме права, с нашей точки зрения, представляется дискуссионным, поскольку самоорганизуются конкретные люди в конкретных условиях той или иной правовой ситуации.

В. В. Залесский в своих работах справедливо указывает, что «право призвано вносить упорядоченность в общественные отношения, создавая относительно замкнутую систему постольку, поскольку возможность эффективного управления связывается с определенным уровнем устойчивости системы. Направление правового регулирования, осуществляемого законодателем, должно охватывать относительно отдаленные результаты. Если это направление не совпадает со случайными флуктуациями, возможно возникновение ситуаций, не охватываемых предвидением законодателя» [3].

«Под действием норм права происходит самоорганизация системы правоотношений, возникающих случайным образом вследствие разнообразных обстоятельств, имеющих, с точки зрения законодателя, общественно-правовое значение» [3]. Нельзя не отметить, что оценка результатов самоорганизации в качестве общественно полезных либо вредных носит во многом субъективный характер и отчасти зависит от самого государства: является ли оно демократическим либо авторитарным. Например, если в демократическом государстве самоорганизация предпринимателей различного уровня пользуется поддержкой государства, то в советские времена самоорганизация частного капитала вызывала резко негативную реакцию.

«Проблема самоорганизации в системе гражданских правоотношений не только относится к динамично развивающимся договорным связям, но и прослеживается в сфере правового бытия субъектов гражданского права и в области правоотношений собственности. При этом проявляется

стремление к достижению стабильности (но не стагнации!). Всякая стабильность в системе любых явлений относительна и определяется вероятностными характеристиками развития» [3]. Следует согласиться с мнением В. В. Залесского о том, что процессы самоорганизации охватывают все стороны имущественных отношений, регулируемых гражданским правом.

Договорные отношения, хотя и возникают по воле людей, в массе своей объективируются, приобретают самостоятельное существование, их развитие обгоняет законодательскую деятельность, подталкивая законодателя к фиксации и регулированию стихийно сложившегося порядка взаимоотношений. Противостоять этому объективному процессу невозможно. Это – процесс самоорганизации общественных отношений, отражающий складывающийся на данный момент переход от хаоса бесчисленного множества отношений неопределенного числа субъектов права к порядку. Попытка законсервировать достигнутый уровень порядка с помощью правовых средств не может увенчаться успехом. Устойчивость сложившейся системы договорных отношений заключается в ее изменчивости. В. В. Залесский подчеркивает, что для гражданского права чрезвычайно важен процесс самоорганизации гражданских правоотношений, в значительной степени подверженных действию случайных, вероятностных факторов [3]. Самоорганизация выступает элементом содержания договора-правоотношения. Так, в процессе самоорганизации правоотношения безусловное достижение цели договора не обеспечивается. При заключении договора стороны уверены в получении правового результата. В действительности же присутствует лишь вероятность реализации их намерений. Желаемый результат может быть достигнут с некоторой степенью вероятности, определение которой чрезвычайно сложно из-за невозможности предвидеть разнообразные случайные явления, способные вызвать флуктуации в возникшем договоре-правоотношении [3]. Появление новых видов договорных отношений также следует считать выражением самоорганизации.

Возникновение и деятельность юридических лиц также связана с действием в обществе механизмов самоорганизации. «Вероятность появления того или иного конкретного юридического лица может быть просчитана весьма приблизительно. Здесь действует закон самоорганизации имущественных отношений через реализацию инициативы заинтересованных лиц: «...самоорганизация – явление всеохватывающее: оно имеет место применительно к любому юридическому лицу, причем на любой стадии его существования. Можно ли предвидеть создание конкретной коммерческой организации? Сомнительно. Коммерческая организация

возникает там и тогда, когда в системе рыночных отношений обнаруживается незаполненная ниша удовлетворения потребительского или производственного спроса. Вероятность успешного освоения незанятого участка рынка будет зависеть от множества объективных и субъективных факторов» [3].

Отметим, что рассуждения автора, убедительно показывающие важное значение процессов самоорганизации для гражданского права, не сопровождаются раскрытием содержания данных процессов, их внутренних механизмов.

В то же время процессы самоорганизации можно наблюдать в сфере отраслей не только частного, но и публичного права. Так, широкое распространение в сфере правотворческой деятельности получило такое явление, как лоббизм. К отрицательной стороне самоорганизации необходимо отнести и феномен «теневое право».

Изложенное позволяет констатировать наличие ряда проблем как теоретической, так и практической направленности, продуктивное решение которых предполагает объективную потребность обращения к методологическому потенциалу синергетики как к новому направлению научных исследований.

Список литературы

1. Данилов Ю. А. Герман Хакен о синергетике // Синергетическая парадигма: нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 1.
2. Ветютнев Ю. Ю. Синергетика в праве // Гос-во и право. 2002. № 4. С. 65.
3. Залесский В. В. Вероятность и самоорганизация в гражданском праве // Журн. рос. права. 2005. № 10. С. 86.

Проанализировав сущность синергетики и ее междисциплинарный характер, можно сделать следующие выводы.

1. В наиболее краткой и обобщенной форме синергетика занимается изучением проблем самоорганизации сложноорганизованных систем, взаимоперехода порядка и хаоса в процессе развития систем. Теория самоорганизации носит междисциплинарный характер, ее особенностью является то, что она опирается на сходство математических моделей, игнорируя различную природу описываемых ими систем. В результате положения синергетики применяются в различных областях знания: физике, химии, биологии, медицине, психологии, юриспруденции, экономике.

2. Возможность применения понятий и принципов синергетики в познании правовой действительности коренится в самой природе права. Известно, что право представляет собой сложное, а быть может, сверхсложное системное образование. В числе элементов правовой системы обычно называют позитивное право, правовые отношения, правовое сознание и правовую культуру, правовые учреждения, юридическую практику. Данные элементы вполне можно рассматривать в качестве сложноорганизованных систем.

VERONIKA ALEKSANDROVNA GRUNINA,
phd in law,
the associate professor state legal disciplines
(Vladimir legal institute of FSIN of Russia),
e-mail: vgrun@rambler.ru

SYNERGETICS AS SUBJECT OF INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC RESEARCHES

Abstract: the possibility of application of concepts and principles of synergetics of knowledge of legal reality roots in the nature of the right as difficult and system education. It is represented proved to consider system of law as difficult. Moreover, the elements forming in total system of law act as elaborate systems. Whether there are in system of law as superdifficult system self-organization processes? Certainly! It is known that the system of law unites in organic integrity such phenomena as a positive law, legal relations, legal culture and legal consciousness and some other. High-quality specifics of elements of system of law allow to assume that self-organization processes, on the one hand, are partially regulated by the right, and with another – are immanent for the right.

Elements of uncertainty, probability, risk are not removable from the sphere of legal regulation. At the same time to minimize their negative impact, to pick up legal means in the most optimum way so that the result of action of the right was most approximate to earlier effective objectives, – a task which solution assumes scientific judgment of phenomena of accident, self-organization of a social environment. And from this point sight the appeal to synergetics more than is justified.

In article the synergetics is considered as a subject of the new direction of interdisciplinary scientific researches which studies various interactions of subsystems.

Key words: disorder, chaos, self-organization processes, disorder, gomeostaticnost, hierarchy, nonlinearity, openness, instability.

References

1. Danilov Yu. A. Herman Haken about synergetics // Synergetic paradigm: nonlinear thinking in science and art. M., 2002. P. 1.
2. Vetyutnev Y. Y. Synergetics the right to // The state and pravo. 2002. № 4. P. 65.
3. Zalessky V. V. Probability and self-organization in civil law // Journal ros. law. 2005, no. 10. P. 86.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ДАЗМАРОВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и финансового права,
e-mail: dazmar@yandex.ru;

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИШИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник юридического факультета
(Академия ФСИН России),
e-mail: dagr79@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ТЕРРИТОРИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Реферат: в статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты института административно-правового режима территорий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. Определено понятие режима, а также исследована правовая основа установления особого правового режима на территории, прилегающей к следственному изолятору и к учреждению, исполняющему уголовные наказания в виде лишения свободы. Отражены актуальные проблемы юридического закрепления особого правового режима территории, прилегающей к учреждению уголовно-исполнительной системы. Предложены мероприятия по разрешению выявленных проблем, такие как: изменение федерального законодательства; принятие мер по перенесению исправительных учреждений из городских округов на территории муниципальных районов, что позволит при проектировании новых исправительных учреждений запланировать 50-метровую режимную зону; разработка и утверждение механизма согласования границ режимных территорий с органами местного самоуправления посредством заключения административного договора и др. Во второй части исследования рассмотрено содержание правовых ограничений в рамках режимной территории исправительного учреждения, а также предложено на уровне подзаконного нормативно-правового акта утвердить единые на территории Российской Федерации требования к оформлению запрещающих или ограничительных знаков, обозначающих режимные требования (в рамках действующих режимных территорий).

Ключевые слова: режим, режимная территория, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, органы местного самоуправления, органы внутренних дел, муниципальный район, городской округ, меры государственного принуждения.

Изучение проблем правового режима территории становилось предметом научных исследований различных ученых как в области административного права, так и в сфере социального управления. Правовые нормы, регулирующие общественные отношения в данной сфере, образуют отдельный институт административного права – институт особых административно-правовых режимов. Режим в энциклопедическом словаре (от лат. *regimen* – управление) означает совокупность правил, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели.

Правовую основу установления «особого» правового режима на территории, прилегающей к учреждению, исполняющему наказания (СИЗО), составляют:

– Конституция Российской Федерации, в соответствии с которой права и свободы человека и

гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства;

– Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Федеральным законом от 5 февраля 2007 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 7 была введена ч. 6, закрепляющая за территориальными органами уголовно-исполнительной системы право по согласованию с органами местного самоуправления муниципальных районов либо органа-

ми местного самоуправления городских округов определять границы территорий, прилегающих к подведомственным учреждениям, на которых устанавливаются режимные требования;

– Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314, закрепляющее обязанность ФСИН России по обеспечению безопасности объектов уголовно-исполнительной системы, исполнению режимных требований в учреждениях. В целях обеспечения безопасности, правопорядка и законности администрация учреждения наделяется правом осуществлять контроль за соблюдением режимных требований на объектах учреждений, исполняющих наказания, и территориях, прилегающих к ним;

– приказ Минюста России от 3 сентября 2007 г. № 178 «Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы», определяющий порядок образования и функционирования режимной территории. В соответствии с данным нормативно-правовым актом территориальный орган уголовно-исполнительной системы по согласованию с органом местного самоуправления муниципального района либо органом местного самоуправления городского округа определяет границу территории, на которой устанавливаются режимные требования, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу (далее – режимная территория).

Режимная территория определяется на плане-схеме, которая составляется с учетом генерального плана учреждения, с соблюдением масштаба, указанием расстояний и размеров. План-схема составляется в трех экземплярах-оригиналах. Подписи должностных лиц согласующей и утверждающей план-схему сторон заверяются печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации. Один экземпляр передается в подведомственное учреждение. Граница режимной территории ограждается (тип и вид ограждения, возможность его установления определяется территориальным органом уголовно-исполнительной системы) и обозначается предупредительными знаками, а на внешней от основного ограждения учреждения линии границы прилегающей территории устанавливается и оборудуется контрольно-пропускной пункт.

По согласованию с органами Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации при подъезде к режимной территории учреждения могут устанавливаться соответствующие дорожные знаки.

На режимной территории осуществляется патрулирование сотрудниками учреждения, по согласованию с органами внутренних дел – совместное патрулирование с сотрудниками полиции (допускается использование служебных собак).

Несмотря на законодательное закрепление режимной территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу, на которой устанавливаются режимные требования, на практике не всегда представляется возможным юридически закрепить режимную 50-метровую зону по причине нахождения в 50-метровой зоне юридически оформленных земельных участков производственных и линейных объектов (полосы отвода железных дорог, дороги общего пользования, объекты инфраструктуры, жилые многоквартирные дома и т. д.). Нередко возникает проблема в процессе согласования план-схемы границ режимной территории с органами местного самоуправления (например, с заместителем главы администрации муниципального образования по городскому хозяйству и муниципальной собственности), поскольку в схему границ режимной территории может быть включена часть улицы, являющейся территорией общего пользования, либо часть помещений в зданиях, не находящихся в оперативном управлении исправительного учреждения.

Таким образом, одним из наиболее важных проблемных аспектов в части согласования границы режимных территорий является территориальное расположение исправительных учреждений в черте городских округов, что не позволяет обеспечить минимальный размер прилегающей территории (до 50 метров от основного ограждения), так как часто данные территории являются либо территориями общего пользования в соответствии с градостроительным законодательством, либо земельные участки находятся в собственности либо на ином вещном праве иных правообладателей (граждан, организаций, органов местного самоуправления).

Решение данной проблемы без изменения федерального законодательства, а именно внесения изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации, Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», не представляется возможным.

В качестве предложения решения данной проблемы следует принять меры по перенесению исправительных учреждений из городских округов на территории муниципальных районов, что позволит при проектировке новых исправительных учреждений запланировать 50-метровую режимную зону.

При строительстве новых исправительных учреждений необходимо обеспечить согласование и закрепление на план-схеме учреждения 50-метровой режимной территории.

В целях обеспечения безопасности этой территории целесообразно осуществлять взаимодействие с органами внутренних дел посредством осуществления совместного с сотрудниками исправительного учреждения патрулирования (при необходимости) [1].

Необходимо разработать и утвердить механизм согласования границ режимных территорий с органами местного самоуправления посредством заключения административного договора (договора о сотрудничестве с органами государственной власти и органами местного самоуправления).

Согласно п. 5 Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом Минюста России от 3 сентября 2007 г. № 178, на режимной территории запрещается:

без разрешения руководства учреждения находиться и передвигаться посторонним лицам;

производить без специального разрешения начальника учреждения земляные, строительные, взрывные, технические и изыскательские работы;

осуществлять без соответствующего допуска руководства учреждения ремонт инженерно-коммуникационных, энергетических сетей, средств связи, установку оборудования;

проводить без согласования с администрацией учреждения линии электропередач;

устанавливать гаражи, тенты-укрытия для автотранспорта и другие сооружения;

размещать торговые точки и осуществлять торговлю (в том числе с рук, лотков и автомашин);

проводить митинги, демонстрации, собрания, шествия и другие массовые мероприятия;

осуществлять кино-, фото- и видеосъемку, звукозапись;

вести переговоры через ограждение с лицами, находящимися в учреждении;

передавать либо пытаться передать через ограждение на территорию учреждения любые вещи и предметы, продукты питания;

размещать и оставлять свертки, сумки, иные вещи и предметы;

загрязнять территорию, а также осуществлять на ней выпас, выгул скота и других животных;

заниматься огородничеством, садоводством, рыбной ловлей;

разводить огонь, а также производить салюты и фейерверки.

Информация о действующих режимных требованиях помещается в доступных для граждан местах (на контрольно-пропускном пункте, установленных щитах и т. д.).

Администрация учреждений вправе на режимных территориях учреждений с целью соблюдения режимных требований:

временно ограничивать или запрещать движение транспорта, не допускать граждан на режимную территорию или обязывать их там остаться либо покинуть ее;

осуществлять досмотр и обыск лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, перечень которых установлен законодательством Российской Федерации и Правилами внутреннего распорядка учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы;

составлять протоколы об административных правонарушениях, осуществлять административное задержание и применять другие предусмотренные законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях меры.

В случае неисполнения запретов, обусловленных режимными требованиями территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы, должностным лицом УИС в целях прекращения нарушений действующего законодательства в соответствии с ч. 1 ст. 19.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях выносится предписание.

Таким образом, еще одним проблемным аспектом административно-правового режима территорий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, является отсутствие единых на территории Российской Федерации требований к оформлению запрещающих или ограничительных знаков, обозначающих режимные требования (в рамках действующих режимных территорий).

Для решения данной проблемы необходимо на уровне подзаконного нормативно-правового акта (приказа ФСИН России) утвердить данные требования.

Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» наделяет сотрудников УИС, имеющих специальные звания рядового и начальствующего состава, как представителей правоохранительных органов правом применять физическую силу, специальные средства и оружие. Этим Законом указаны места, где данные средства обеспечения безопасности могут быть применены в целях обеспечения безопасности объектов УИС, осужденных, защиты личного состава учреждений [2]. Исходя из

смысла ст. 28 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» использование физической силы, специальных средств и оружия в основном возможно на территориях учреждений, исполняющих наказания, прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, и на охраняемых объектах [3]. Приказом Минюста России от 6 июня 2005 г. № 76 утверждена Инструкция о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах УИС. На этом основании положения ст. 18–23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» по использованию физической силы, специальных средств и оружия могут быть применены сотрудниками УИС. Порядок их использования предусмотрен Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», ст. 86 УИК РФ, Наставлением по служебной деятельности специальных подразделений по конвоированию УИС Минюста России и другими нормативными актами.

Важным процессуальным моментом в административной деятельности учреждения и органа УИС на режимной территории является возбуждение дела об административном правонарушении, то есть составление протокола об административном правонарушении. При этом его реализация правомочными должностными лицами УИС неизбежно влечет за собой существенное изменение административно-правовых статусов участников производства по делам об административных правонарушениях, поскольку эти действия сопряжены с определенным рода нарушениями прав и законных интересов граждан.

Федеральным законом от 28 декабря 2009 г. № 380-ФЗ изменены полномочия должностных лиц органов и учреждений уголовно-исполнительной системы по возбуждению дел об административных правонарушениях. Часть 5 ст. 28.3 Кодекса Российской Федерации об адми-

нистративных правонарушениях закрепила, что по делам, предусмотренным ст. 17.7, 17.9, ч. 1 ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.5, ст. 19.6, 19.7, 19.12, ч. 1 ст. 20.25, должностные лица органов и учреждений УИС системы вправе составлять протоколы об административных правонарушениях.

Анализируя содержание составов правонарушений, по которым должностные лица органов и учреждений ФСИН России вправе возбуждать административно-юрисдикционное производство, можно отметить, что названный Федеральный закон расширил перечень правонарушений, подведомственных сотрудникам Федеральной службы исполнения наказаний, за счет включения в ст. 28.3 КоАП РФ таких составов, как ст. 17.7 (невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении), ст. 17.9 (заведомо ложные показания свидетеля, пояснение специалиста, заключение эксперта или заведомо неправильный перевод) и ст. 20.25 (неуплата административного штрафа либо самовольное оставление места отбывания административного ареста). Передача под частичную административную юрисдикцию (право составления протокола) уголовно-исполнительной системы составов данных административных правонарушений является абсолютно оправданной и своевременной мерой [4]. Благодаря этому сотрудники органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний получили реальную возможность обеспечить режим законности и дисциплины при осуществлении производства по конкретному административному делу в пределах режимной территории исправительного учреждения (СИЗО), а именно юрисдикционного производства по делам, предусмотренным ч. 2 ст. 19.3 и ст. 19.12 КоАП РФ, которые в соответствии с законодательством подлежат рассмотрению начальниками исправительных учреждений, следственных изоляторов ФСИН России.

Список литературы

1. Ворожук В. Б., Летунов В. Н. Система организации функционирования пенитенциарных учреждений полуоткрытого и открытого типа за рубежом // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 172–178.
2. Павлов П. А. Режим как средство обеспечения изоляции лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах ФСИН России, на современном этапе // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 117–121.
3. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (постатейный). М., 2008. 216 с.
4. Кутуков С. А., Смирнов С. Н. Взаимодействие структурных подразделений исправительного учреждения как одно из средств обеспечения правопорядка // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2. С. 67–71.

TATYANA NIKOLAEVNA DAZMAROVA,

phd in law,
associate professor at the administrative and financial law department,
e-mail: dazmar@yandex.ru;

DMITRY ALEKSANDROVICH GRISHIN,

phd in law, associate professor,
head of law department
(Academy of FSIN of Russia),
e-mail: dagr79@rambler.ru

FEATURES OF THE ADMINISTRATIVE LEGAL REGIME OF TERRITORIES OF THE ESTABLISHMENTS EXECUTING CRIMINAL PENALTIES IN THE FORM OF IMPRISONMENT

Abstract: the article considers aspects of institute of an administrative legal regime of territories of the establishments executing criminal penalties in the form of imprisonment. The concept of the mode is defined, and also the legal basis of establishment of a particular legal regime in the territory adjacent to a pre-trial detention center and to the establishment executing criminal penalties in the form of imprisonment is investigated. Actual problems of legal fixing of a particular legal regime of the territory adjacent to establishment of criminal and executive system are defined. Actions for permission of the revealed problems, such as are offered: change of the federal legislation; taking measures to transferring of correctional facilities from city districts in the territory of municipal districts that will allow to plan a 50-meter regime zone at design of new correctional facilities; development and the statement of the mechanism of coordination of borders of regime territories with local governments by means of the conclusion of the administrative contract, etc. In the second part of research the content of legal restrictions within the regime territory of correctional facility is considered, and also it is offered to approve at the level of the subordinate normative legal act requirements to registration, uniform in the territory of the Russian Federation, of the forbidding or restrictive signs designating regime requirements (within the operating regime territories).

Key words: mode, regime territory, correctional facilities, criminal and executive system, local governments, law-enforcement bodies, municipal district, city district, measures of the state coercion.

References

1. Voroshhuk V. B., Letunov V. N. Sistema organizacii funkcionirovaniya penitenciarnyh uchrezhdenij poluotkrytogo i otkrytogo tipa za rubezhom [System of the organization of functioning of penal institutions of half-open and open type abroad]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2014, no. 3, pp. 172–178.
2. Pavlov P. A. Rezhim kak sredstvo obespechenija izoljatsii lic, sodержashhihsja pod strazhej v sledstvennyh izoljatorah FSIN Rossii na sovremennom jetape [The mode as an instrument for ensuring of isolation of the persons who are held in custody in pre-trial detention centers of the FPS of Russia at the present stage]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2015, no. 1, pp. 117–121.
3. Kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdenijah i organah, ispolnjajushhih ugovolnye nakazaniya v vide lisheniya svobody» (postatejnyj) [The comment to the Law of the Russian Federation «About the institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment» (itemized)]. Moscow, 2008. 216 p.
4. Kutukov S. A., Smirnov S. N. Vzaimodejstvie strukturnyh podrazdelenij ispravitel'nogo uchrezhdenija kak odno iz sredstv obespechenija pravoporjadka [Interaction of structural divisions of correctional facility as one of means of ensuring of a law and order]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2015, no. 2, pp. 67–71.

САБИР НИЯЗОВИЧ МАМЕДОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственного права
и управления таможенной деятельностью

(Юридический институт
Владимирского государственного университета);

ЖАННА БОРИСОВНА ИВАНОВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
(Коми-республиканская академия государственной службы и управления);

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ МОЛЧАНОВ,

доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики

(Российский университет дружбы народов),

e-mail: bamvi@bk.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЗАЩИТУ ЗДОРОВЬЯ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ

Реферат: объектом исследования является конституционное обеспечение права граждан на личную неприкосновенность и правовую охрану здоровья человека в национальных законодательствах, а также общественные отношения, возникающие в связи с установлением и реализацией мер уголовной ответственности лиц с психическими отклонениями, предметом – закономерности, проблемы формирования и развития в России и зарубежных государствах уголовно-правовых институтов ответственности лиц с психическими заболеваниями, а равно иные нормативные правовые акты, регулирующие порядок оказания помощи больным, представляющим опасность для себя и окружающих, их ресоциализации.

Цель работы состоит в том, чтобы в рамках сравнительного правоведения на основе детального анализа основных принципов и этапов развития системы уголовного законодательства национальных государств, соответствующих теоретических взглядов, изложенных в уголовно-правовой и психиатрической литературе и нашедших отражение в судебной практике, разработать рекомендации по совершенствованию законодательных и правоприменительных мер уголовно-правового, криминологического и пенитенциарного характера к больным, страдающим психическими расстройствами.

Особое место в статье занимает изучение и анализ зарубежного законодательства различных школ уголовного права. Сравнение российского уголовного законодательства с зарубежным неизменно расширяет предмет науки отечественного уголовного права, тем самым обогащая ее новыми знаниями двух или более правовых систем путем сопоставления их отдельных аспектов с целью выявления общих и (или) отличительных свойств. Это позволяет решить вопрос о необходимости рецепции уголовно-правовых норм того или иного государства. На основе проведенного исследования делается вывод о научной значимости конституционного права на защиту здоровья и личную неприкосновенность в современных национальных законодательствах.

Ключевые слова: личная неприкосновенность, право на здоровье, психическое заболевание, психическое расстройство, пограничные состояния, принудительные меры медицинского характера.

Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность предполагает возможность каждому гражданину распоряжаться собой по собственному усмотрению. Право на психическое здоровье является естественным правом человека. Его нельзя запретить, лишить этого права его носителя или ограни-

чить в этом праве. В этом смысле право на здоровье ассоциировано с правом на жизнь, следуя ему, и понятием правоспособности. Ограничение или утрата дееспособности не лишает и не умаляет права на здоровье, как и самого этого блага.

На защиту подобной независимости человека направлен принцип «свободного осознанного со-

гласия на вторжение в сферу здоровья человека». Нередко психическое заболевание лица угрожает жизни и здоровью других лиц, поэтому в отношении его возможно применение принудительных мер медицинского характера. Правовые нормы и следственно-судебная практика, относящиеся к изоляции душевнобольных в психиатрических больницах, способам лечения и защиты, являются одним из сложнейших вопросов, который в современных условиях стал предметом острых дискуссий [1, с. 203].

Любое понуждение к укреплению или восстановлению психического здоровья, мотивированное извне объективными интересами его обладателя или интересами общества и государства, является посягательством на право индивида. Иными словами, если каждый имеет право на психическое здоровье, это означает, что каждый имеет право не прибегать к медицинской помощи по факту психической болезни и не принимать медицинскую помощь против своей воли или не в согласии с ней, за исключением случаев, указанных в законе (ст. 29 Закона о психиатрической помощи).

Организация Объединенных Наций подчеркивает, что в рамках международного сообщества в национальных законодательствах должны быть разработаны этические, юридические и медицинские гарантии безопасности лиц, страдающих психическими заболеваниями: это и методы лечения, бесконтрольное использование в психиатрии новейших достижений науки, обеспечивающих модификацию поведения человека при осуществлении принудительных медицинских мер, и т. д.

Нормы, регламентирующие производство по рассматриваемой категории уголовных дел, соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права, распространяющимся на данную сферу правоохранительной деятельности и закрепленным в Декларации прав человека и гражданина (1948), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (1957), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966), Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, 1985), и других документах.

Национальное законодательство многих стран признает возможным вмешательство государственных органов в личную жизнь оправданных, если оно направлено на защиту здоровья самих душевнобольных, обслуживающего персонала (например, в медицинских учреждениях), в интересах обеспечения здоровья и безопасности населения. Это закреплено в Принципах защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической по-

мощи (ООН, 17 декабря 1991 г.), Рекомендациях R(83) 21 Комитета министров Совета Европы государствам-участникам по правовой защите недобровольно госпитализированных лиц с психиатрическими расстройствами (Совет Европы, 22 февраля 1983 г.).

История международного сотрудничества в области уголовного права и, в частности, вменяемости, лечения психически больных имеет длительный период существования. Критическое осмысление национальных подходов к рассматриваемой проблеме позволило построить собственное видение и ввести в национальные законодательства принудительные меры медицинского характера для лиц с психическим расстройством. В самых различных странах «дети природы», совершенно нетронутые цивилизацией, болеют, однако, шизофренией, эпилепсией и другими недугами. Очевидно, так было и в древнейшие времена.

Конституция Российской Федерации (1993) отразила фундаментальные изменения в правовой политике нашего государства. Впервые в истории отечественного государства и права человек с его правами и свободами декларируется как высшая ценность. Вопросы законодательного обеспечения системы прав и свобод человека рассматриваются в качестве основных. Между тем в следственной, судебной и пенитенциарной практике встречаются случаи игнорирования закрепленных в Конституции РФ прав и свобод, которые применительно к уголовному праву определяют смысл и содержание материального закона. Уголовная ответственность и уголовное наказание, принудительные меры медицинского характера, в том числе соединенные с исполнением наказания, должны соотноситься с правами и свободами человека и не противоречить международным стандартам.

Это будет соответствовать приоритетам и общим принципам уголовной политики государства, декларирующего готовность де-юре и де-факто реализовать в законодательной и правоприменительной практике принцип справедливости правового воздействия.

Человек является не только биологическим, но и социальным существом, поэтому сфера охраны психического здоровья и ее правового обеспечения должна стать объектом повышенного научного интереса. Уголовный закон может распространяться только на тех, кто способен осознавать правовую значимость своего поведения адекватно требованиям закона. Для России (да и для других стран) эта проблема более чем актуальна. В стране отмечается рост совершения преступлений лицами с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости. За последнее десятилетие уровень психической заболеваемости в России вырос

в 11,5 раза. В 2012 г. в медицинских учреждениях на диспансерном наблюдении состояло около 4,3 млн человек. По информации независимых экспертов, около 5,5 % детей в России страдают психическими расстройствами [2].

Столь большое число правонарушителей с психическими отклонениями вызывает необходимость применения принудительных мер медицинского характера для достижения превентивных целей. Этому призвана служить гл. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации. Отметим, что названные меры социальной защиты не носят карательного характера, хотя и применяются принудительно, связаны с некоторым ограничением их прав (запрет без разрешения покидать медицинское учреждение, получать свидания, пользоваться правом на отпуск; к ним могут быть применены методы физического стеснения, изоляции и пр.). Однако эти меры не влекут за собой судимости; их назначение обусловлено исключительно медицинскими целями по излечению лиц, страдающих психическими отклонениями, улучшению их психического состояния, благодаря которому признаки психических расстройств исчезают практически полностью. При этом достигается полная ремиссия, которая дает ему возможность осознавать социальную значимость собственного поведения и исключает опасность лица для общества.

Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» устанавливает принципиальные положения, в соответствии с которыми психиатрическая помощь включает в себя обследование психического здоровья граждан по основаниям и в порядке, установленным данным Законом и другими законами Российской Федерации, диагностику психических расстройств, лечение, уход и медико-социальную реабилитацию лиц, страдающих психическими расстройствами. При этом психиатрическая помощь таким лицам гарантируется государством и осуществляется на основе принципов законности, гуманности и соблюдения прав человека и гражданина (ст. 1).

В ст. 37 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» закреплен ряд положений, гарантирующих права пациентов, находящихся в стационарах: обращение к главному врачу с различными просьбами, подавать без цензуры жалобы, выписывать газеты и журналы, писать и получать письма, посылки, денежные переводы и т. д.

Принудительные меры медицинского характера могут быть применены только при наличии оснований, закрепленных в ст. 97 УК РФ: совершение общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью; наличие у лица, совершившего

такое деяние, различного рода и степени психических отклонений; возможность причинения этими лицами существенного вреда другим лицам или себе; необходимость лечения лица с психическими расстройствами, если он может совершить общественно опасное деяние. Названные основания составляют неразрывное целое и отсутствие хотя бы одного элемента, например психических отклонений, лишает суд правовой основы применения медицинских мер.

Принудительные меры медицинского характера назначаются судом: 1) лицам, которые совершили предусмотренные Особенной частью УК РФ деяния в состоянии невменяемости; 2) лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство; 3) лицам, страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Это дает основание полагать, что только суд, ссылаясь на закон, вправе вынести решение, помещать лицо в лечебное учреждение или нет. Такое решение может быть вынесено после проведения судебно-психиатрической экспертизы. Медицинская комиссия, состоящая из психологов и психиатров, проводит необходимое обследование больного, зависящее от степени тяжести болезни и ее особенностей. После этого выносится решение с констатацией психического состояния пациента: болен ли он, страдает ли психическими отклонениями или здоров. Заключение врачей рассматривает суд и на основании исследованных материалов дела выносит окончательное решение.

Применение принудительных мер медицинского характера к невменяемым следует рассматривать с точки зрения как справедливости, так и предупредительного воздействия с целью обезопасить общество от возможных общественно опасных деяний со стороны этих лиц. Эти лица не способны осознавать социальную значимость как собственного поведения, так и превентивного воздействия, поэтому наказание бессмысленно. Аналогичные причины лежат в основе применения принудительных мер медицинского характера лицам, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления. Только после полного излечения эти лица могут понести уголовное наказание.

В Уголовный кодекс РФ 1996 г. включена норма об ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. К таким расстройствам непатологического характера могут относиться психозы, неврозы, психостении, а также холерические вспышки, различного рода акцентуации характера. В таких состояниях субъект может проявлять агрессию в ответ на неадекватные действия и возникает необходимость применения принудительных мер медицинского ха-

рактера в виде амбулаторного лечения. Основанием применения названных мер является опасность психически больного, который может причинить вред самому себе или другим лицам.

В ст. 99 УК РФ установлены следующие виды принудительных мер медицинского характера: принудительное лечение и наблюдение у врача-психиатра в амбулаторных условиях; принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа; принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа; принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа; принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Закрепленные в законе виды мер различаются режимом содержания и интенсивностью медикаментозного воздействия. Они связаны с опасностью личности и наказанием. Например, при назначении наказания, не связанного с изоляцией от общества, принудительное лечение осуществляется в наркологических отделениях психиатрических и психоневрологических больниц, диспансеров и поликлиник по месту жительства осужденного. Осужденные к лишению свободы проходят лечение в исправительном учреждении.

Однако Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» предусматривает возможность неотложной госпитализации лиц, страдающих психическими расстройствами. Такая госпитализация в психиатрический стационар производится, во-первых, без согласия больного и законных представителей до постановления судьи; во-вторых, если психическое расстройство связано с опасностью лица для себя или окружающих; в-третьих, при отсутствии возможности самостоятельно удовлетворять свои насущные потребности; в-четвертых, если можно причинить существенный вред здоровью при промедлении медикаментозного лечения. Помещение в психиатрический стационар связано с фактом совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления (общественно опасного деяния), тяжести психического расстройства, особой агрессивности, которая может привести к негативным последствиям для больного или окружающих.

Порядок продления, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера регулируется ст. 102 УК РФ. Согласно ч. 4 ст. 102 УК РФ в редакции Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ «в случае прекращения применения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую

помощь в стационарных условиях, суд может передать необходимые материалы в отношении лица, находившегося на принудительном лечении, в федеральный орган исполнительной власти в сфере здравоохранения для решения вопроса о лечении этого лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или направления этого лица в стационарное учреждение социального обслуживания лиц, страдающих психиатрическими расстройствами, в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья».

Практика применения принудительных мер медицинского характера показывает, что в настоящее время появляются совершенно новые виды психических расстройств, ранее не известные в медицине и уголовной практике. Развитие современных технологий принесло в нашу жизнь такую форму расстройств, как игровая зависимость. Появление новых видов расстройств психики, связанных с социальными условиями, требует проведения профилактической работы психологами. В связи с этим нужно отметить необходимость координации действий между правоохранительными, судебными и медицинскими органами.

Для обогащения науки уголовного права целесообразно рассмотреть опыт применения принудительных мер медицинского характера различных правовых систем современного мира. Самые ранние дошедшие до нас свидетельства истории человечества показывают, что «обращение к правопорядку других государств всегда практиковалось великими умами либо с прагматической целью усовершенствования национальной правовой системы, либо... с целью более лучшего познания права разных народов. Геродот в «Истории» нередко хвалит тот или иной правовой обычай разных народов... Платон, создавая в «Законах» идеальную модель права, анализирует действующее право античных греческих полисов... по образцу афинского права... ренессанс римского права на европейском континенте в Средние века есть проявление того, что сейчас можно было бы назвать сравнительно-правовым интересом» [3, с. 3].

Сравнительный анализ психических расстройств в сфере уголовного права представляет собой использование сравнительно-правового метода при исследовании явлений и процессов правовой действительности. К этим явлениям и процессам прежде всего относятся: уголовное законодательство, практика его применения, правовые институты (среди которых преступное деяние, вина, субъект преступления, невменяемость, принудительные меры медицинского характера и др.), уголовно-правовые доктрины.

Компаративист, проводящий сравнение российского уголовного права с зарубежным, неизменно

расширяет предмет науки отечественного уголовного права, тем самым обогащая ее новыми понятиями [4, с. 7]. По справедливому замечанию американского компаративиста К. Осаке, «сравнительное правоведение подразумевает анализ двух или более правовых систем путем сопоставления их отдельных аспектов с целью выявления общих и (или) отличительных свойств» [5, с. 11]. Оно позволяет решить вопрос о необходимости рецепции того или иного государства, например, принудительных мер медицинского характера.

Между тем современной отечественной и зарубежной психиатрией, как известно, были открыты и исследованы так называемые пограничные состояния, то есть такие психические расстройства, которые влекут за собой снижение способности лица осознавать значение своих действий или контролировать их. Судебная практика зарубежных государств, сталкиваясь с такими случаями, по-разному оценивала эти обстоятельства: в некоторых случаях она признавала подобные психические расстройства обстоятельствами, смягчающими ответственность, в других – ответственность наступала на общих основаниях, в-третьих – лицо признавалось полностью невиновным. Рассмотрим эти научные и практические подходы в некоторых странах различных правовых семей.

Согласно ст. 18 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики «лица, страдающие психическими заболеваниями, не привлекаются к уголовной ответственности за вредные последствия, возникшие в тот момент, когда они не могли отдавать себе отчет в своих деяниях или руководить ими».

«Лица, периодически страдающие психическими заболеваниями за преступление, совершенное в момент, когда они были в состоянии вменяемости, не утратившие полностью способность отдавать себе отчет в своих деяниях или руководить ими, должны привлекаться к уголовной ответственности; однако им может быть назначено более мягкое наказание либо наказание ниже низшего предела».

Статья 10 Уголовного кодекса Республики Корея изложена в следующей редакции: «Лицо, которое в силу своего психического расстройства не способно управлять своей волей или контролировать ее, не подлежит наказанию».

В соответствии со ст. 39 Уголовного кодекса Японии «действие, совершенное психически ненормальным, ненаказуемо. Наказание за действие, совершенное слабоумным, подлежит смягчению».

Уголовный кодекс Турции в ст. 46 закрепил положение: «Не подлежит наказанию лицо, находившееся в момент совершения деяния в состоянии психического расстройства, полностью лишившего его вменяемости или свободы действий».

Согласно ст. 47 «наказание, назначаемое лицу, находившемуся в момент совершения деяния в состоянии психического расстройства, значительно уменьшившего его вменяемость или свободу действий, сокращается следующим образом: а) смертная казнь заменяется тяжким заключением на срок не менее 15 лет; б) пожизненное тяжкое заключение заменяется тяжким заключением на срок от 10 до 15 лет; в) иные наказания сокращаются от одной трети до половины».

Статья 88 Уголовного кодекса Республики Казахстан устанавливает: «Принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом лицам: а) совершившим деяния в состоянии невменяемости; б) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания; в) совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости». Лицам, указанным в ч. 1 данной статьи, принудительные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц.

Уголовный кодекс Австралии принят в 1995 г. Общая часть вступила в силу 15 декабря 2001 г. В разделе «Психическое ослабление» закреплено положение, что «лицо не несет уголовной ответственности... если во время осуществления поведения это лицо страдало психическим ослаблением и не осознавало характера и свойств данного поведения; или лицо не осознавало, что данное поведение является противоправным, или было не способно контролировать данное поведение».

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что иные меры уголовно-правового характера в законодательствах зарубежных стран принимаются в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, не являющиеся преступлением. Для их обозначения используются разные термины: «принудительные меры медицинского характера» (Боливия, Бразилия, Гватемала, Гондурас, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Парагвай, Перу, Португалия, Россия, Сальвадор, Сан-Марино, Таиланд, Турция и др.); «меры безопасности» (Афганистан, Боливия, Бразилия, Гватемала, Гондурас, Колумбия, Коста-Рика, Котд'Ивуар, Куба, Ливан, Марокко, Мексика, Никарагуа, Перу, Португалия, Сальвадор, Сан-Марино, Таиланд, Турция, Уругвай, Чили); «иные меры уголовно-правового воздействия» (Казахстан, Туркменистан); «иные меры уголовной ответственности» (Монголия и др.).

Список литературы

1. Бахин С. В. Принудительные медицинские меры и права человека // Современные проблемы медицинского права и на охрану здоровья : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2003. С. 36.
2. Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. М., 2009. 240 с.
3. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран : учеб. пособие. М., 2010. 336 с.
4. Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. 376 с.
5. Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная части. М., 2000. 464 с.

SABIR NIYAZOVICH MAMEDOV,

phd in law, associate professor,
chair of state law and management of customs activity department
(Legal institute of the Vladimir state university);

ZHANNA BORISOVNA IVANOVA,

phd in law, associate professor at the civil law and process department
(Komi republican academy of public service and management);

BORIS ALEKSEEVICH MOLCHANOV,

dsc in law, professor at the criminal law, process and criminalistics department
(Russian peoples' friendship university),
e-mail: bamvi@bk.ru

**CONSTITUTIONAL RIGHT ON PROTECTION OF HEALTH
AND SECURITY OF PERSON IN MODERN NATIONAL LEGISLATIONS**

Abstract: object of the research is the constitutional ensuring the right of citizens to personal security and legal health protection of the person in national legislations, and also the public relations arising in connection with establishment and implementation of measures of criminal liability of persons with mental deviations. The subject of the research is regularities, problems of formation and development in Russia and in foreign states of criminal and legal institutes of responsibility of persons with mental diseases, as well as other norms regulating the process of treatment of patients presenting danger to themselves and people around and their resocialization.

The purpose of the work is to develop recommendations for improvement of a legislative and law enforcement measures of criminal and legal, criminological and penitentiary character to the patients having mental disorders within comparative jurisprudence on the basis of the detailed analysis of the basic principles and stages of development of system of the criminal legislation of the national states, the corresponding theoretical opinion stated in criminal and legal and psychiatric literature and which has found reflection in jurisprudence.

Special attention in the article is paid to studying and the analysis of the foreign legislation of various schools of criminal law. Comparison of the Russian criminal legislation with foreign steadily expands an object of science of domestic criminal law, thereby enriching it with new knowledge of two or more legal systems by comparison of their separate aspects for the purpose of identifying the general and (or) distinctive properties. It allows resolving an issue of need of reception of criminal norms of law of this or that state. On the basis of the conducted research the conclusion about the scientific importance of a constitutional right to health protection and personal security in modern national legislations is drawn.

Key words: personal security, right to health protection, mental disease, mental disorder, borderline state, compulsory measures of medical character.

References

1. Bahin S. V. Prinuditel'nye medicinskie mery i prava cheloveka [Coercive medical measures and human rights]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennye problemy medicinskogo prava i na ohranu zdorov'ja» [Proc. the International scientific and practical conference «Modern Problems of the Medical Right and for Health Protection»]. Moscow, 2003, p. 36.

2. Nazarenko G. V. Ugolovno-relevantnye psichieskie sostojanija lic, sovershivshih prestuplenija i obshhestvenno opasnye dejanija [Criminal and relevant mental conditions of the persons who have committed crimes and socially dangerous acts]. Moscow, 2009. 240 p.
3. Esakov G. A., Krylova N. E., Serebrennikova A. V. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran [Criminal law of foreign countries]. Moscow, 2010. 336 p.
4. Malinovskij A. A. Sravnitel'noe pravovedenie v sfere ugovnogo prava [Comparative jurisprudence in the sphere of criminal law]. Moscow, 2002. 376 p.
5. Osakve K. Sravnitel'noe pravovedenie v shemah: obshhaja i osobennaja chaste [Comparative jurisprudence in schemes: the general and special speak rapidly]. Moscow, 2000. 464 p.

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА МАЛЫШЕВА,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия управления МВД России),
e-mail: malysh_1990@inbox.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА

Реферат: в статье обоснована современная тенденция усиления гарантий прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Закономерным отражением указанной тенденции явилось повышенное внимание к существующим международно-правовым документам в области защиты прав человека и гражданина. Среди них как конвенции, так и декларации, принципы, руководящие указания, правила, планы действий, типовые договоры и рекомендации, в большинстве своем не имеющие обязательной юридической силы, но пользующиеся широким признанием у международного сообщества.

Происходящие процессы интеграции и глобализации международно-правовых отношений, в которых активное участие принимает и Российская Федерация, создали оптимальные условия для приобщения российской правовой системы к международным стандартам в области защиты прав человека и гражданина. От отношения государства к личности, ее правам, достоинству, интересам зависит механизм построения уголовного процесса.

Следствием ратификации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) выступило создание механизма наднационального разрешения споров в Европейском суде по правам человека. Однако большое количество жалоб в Европейский суд по правам человека свидетельствует об отсутствии достаточного уровня правового реформирования, в связи с чем глубокое изучение научной общественностью существующих международных моделей защиты прав и свобод человека и гражданина, а также зарубежного опыта по реформированию процессуальных отношений позволит решить указанную проблему.

Предлагается авторское определение международно-правового механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе Российской Федерации и перечень его элементов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальные гарантии, защита прав личности, международно-правовой механизм.

В современном мире проблема защиты прав и свобод человека и гражданина остается одной из наиболее актуальных. Она сложна, всеобъемлюща и многопланова. Успешное решение данной проблемы является одной из определяющих задач как отдельного правового демократического государства, так и мирового сообщества в целом.

И. Я. Фойницкий отмечал, что «как характер и содержание уголовного процесса зависит от положения личности в государстве, так и построение уголовного процесса оказывает глубокое влияние на права и положение личности в государстве» [1, с. 10–11]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что от отношения государства к личности, ее правам, достоинству, интересам зависит механизм построения уголовного процесса.

Закономерным отражением современной тенденции в направлении усиления гарантий прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, явилось повышенное внимание к существующим

международно-правовым документам в области защиты прав человека и гражданина, которые содержат в себе наиболее концептуальные положения, определяющие правовой статус личности, охватывают ключевые вопросы уголовного правосудия и являются одним из элементов международно-правового механизма защиты прав участников уголовного судопроизводства. К их числу относятся: Всеобщая декларация прав человека (1948), Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (1985), Международный пакт о гражданских и политических правах (1996), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1987), Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959), Европейская конвенция о выдаче (1957) и др.

Другую группу международно-правовых документов составляют декларации, принципы, руководящие указания, правила, планы действий, типовые договоры и рекомендации. Следует отметить, что правовой статус таких документов неодинаков. Они не имеют обязательной юридической силы. Тем не менее, обладая международной значимостью, являясь продуктом международных переговоров и следствием достигнутого согласия [2], такие документы имеют неоспоримый моральный авторитет и играют роль практического руководства для государств. Их ценность заключается в признании и принятии большим количеством государств, и, несмотря на то что они не имеют в своем большинстве обязательной юридической силы, они рассматриваются как документы, закрепляющие цели, практику и стратегии, пользующиеся широким признанием у международного сообщества.

Необходимо подчеркнуть, что международно-правовые акты в области защиты прав человека представляют собой общечеловеческие стандарты, предусматривают меры по обеспечению прав и свобод и защите их от посягательств, а также предоставляют самой личности юридические возможности реализовывать и защищать признаваемые права и свободы. Анализ таких документов позволяет сделать вывод, что международное сообщество стремилось выработать некие правила защиты прав и свобод в наиболее уязвимых сферах уголовно-процессуальных отношений, то есть относительно отдельного участника уголовного судопроизводства, что приведет к процессу демократизации уголовно-процессуальных правоотношений.

Происходящие процессы интеграции и глобализации международно-правовых отношений, в которых активное участие принимает и Российская Федерация, создали оптимальные условия для приобщения российской правовой системы к международным стандартам в области защиты прав человека и гражданина. Принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) подтверждает направленность России, ее приверженность к идеям первостепенной значимости личности, ее прав, свобод и гарантий по их осуществлению.

Вхождение России в Совет Европы положительно отразилось на повышении уровня правосознания общества, следствием чего явилось признание им особой важности эффективной реализации уголовно-процессуальных прав личности, в том числе того минимума, который закреплен в перечисленных выше международных правовых документах. Как следствие ратификации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод работает механизм наднационального разрешения споров в Европейском суде по правам человека, что доказывает наличие

стремления гражданского общества к реализации на территории Российской Федерации действенной правовой системы, способной обеспечить гарантированные международным правом права и свободы человека и гражданина и возможности их защиты в рамках национального права путем проведения справедливого судебного разбирательства.

Однако большое количество жалоб, поступающих в Европейский суд по правам человека, свидетельствует об отсутствии достаточного уровня правового реформирования, в связи с чем глубокое изучение научной общественностью существующих международных моделей защиты прав и свобод человека и гражданина, а также зарубежного опыта по реформированию процессуальных отношений позволит решить указанную проблему.

Конституция Российской Федерации признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17). Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации также закреплен тот факт, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства России, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, что предусмотрены УПК РФ, применяются правила международного договора (ч. 3 ст. 1 УПК РФ). Это положение обуславливает реальную необходимость применения международных стандартов прав человека в отечественной правоприменительной практике, что приведет к интеграции России в мировое сообщество.

Международная защита прав человека – это совокупность правовых норм, определяющих и закрепляющих в договорном порядке права и свободы человека, обязательства государств по практической реализации этих прав и свобод, а также международные механизмы контроля за выполнением государствами своих международных обязательств и непосредственной защиты нарушенных прав отдельного человека.

В целом механизм защиты представляет собой единую, взаимосвязанную, юридически оформленную систему объектов защиты, субъектов, форм взаимодействия между нами и действие, направленное на предупреждение и восстановление нарушенных прав. Существующий международно-правовой механизм защиты прав и свобод человека и гражданина является гарантией восстановления нарушенных прав.

В науке российского уголовно-процессуального права также выделяют такое понятие, как механизм обеспечения прав личности, под которым следует понимать систему правовых средств и ме-

тодов, включающую в себя четкое определение целей и задач уголовного процесса, единую, логически последовательную регламентацию правового статуса каждого участника (субъекта) уголовного процесса, закрепление гарантий, реально обеспечивающих осуществление прав личности в сфере уголовной юрисдикции, в том числе установление последствий неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязанностей органами и должностными лицами, призванными разрешать возложенные на них уголовно-процессуальным законом задачи, а также установленную законом процедуру реабилитации лиц, необоснованно преследовавшихся в уголовно-правовом порядке [3, с. 64].

Понятие механизма защиты прав человека более привычно звучит применительно к тому или иному государству и с точки зрения функционирования его элементов, их набора и эффективности каждого в отдельности; они имеют свои особенности в каждой стране.

Исходя из изложенного международно-правовой механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе Российской Федерации можно определить как совокупность взаимосвязанных между собой элементов, направленных на обеспечение, восстановление и защиту нарушенных прав и свобод участников уголовного судопроизводства и реализуемых после исчерпания национальных средств и методов правовой защиты. Элементами такого механизма являются объекты защиты, как правило, это субъекты уголовного судопроизводства, чьи права и интересы нарушены; субъекты защиты, в роли которых выступают международные организации; международно-правовые отношения, возникающие между субъектом и объектом в процессе восстановления и правовой защиты; международно-правовые документы, направленные на улучшение правового положения субъектов уголовно-процессуальных отношений и содержащие общечеловеческие стандарты защиты их прав и свобод в ходе осуществления правосудия.

Список литературы

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1. 579 с.
2. Даниел У. Ван Несе. Восстановительное правосудие и международные права человека // Библиотека центра СПР. URL : <http://www.sprc.ru/lib.html>.
3. Володина Л. М. Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 323 с.

JULIA VLADIMIROVNA MALYSHEVA,

post-graduate student, research and teaching staff training department
(Management academy of the Ministry of the interior of Russia),
e-mail: malysh_1990@inbox.ru

THE INTERNATIONAL LEGAL MECHANISM OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND PERSONAL FREEDOMS IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS: CONCEPT, STRUCTURE

Abstract: in the article the current tendency of strengthening of guarantees of the rights of the persons participating in criminal legal proceedings is proved. Natural reflection of this tendency was special attention to the existing international legal documents in the field of protection of human rights and rights of a citizen. Among them there are conventions, as well as declarations, principles, guidelines, rules, action plans, standard contracts and recommendations which as a rule don't have obligatory validity, but are widely recognized at the international community.

The current processes of integration and globalization of the international legal relations in which Russian Federation takes an active part have created optimum conditions for attaching of the Russian legal system to the international standards in the field of protection of human rights and the citizen. The mechanism of a criminal trial depends on the attitude of the state towards the personality, his rights, dignity, and interests.

As consequence of ratification by the Russian Federation of the Convention on protection of human rights and fundamental freedoms (1950) the mechanism of supranational settlement of disputes in the European Court of Human Rights has been enacted. However a large number of complaints in the European Court of Human Rights testify about lack of sufficient level of legal reforming. In this connection deep studying by scientific community of the existing international models of protection of the rights and freedoms of a person and a citizen, and also foreign experiment on reforming of the procedural relations will allow to solve the problem.

The author's definition of the international legal mechanism of protection of the rights and freedoms of the person and citizen in criminal trial of the Russian Federation and its elements is offered.

Key words: criminal legal proceedings, procedural guarantees, protection of the rights of the personality, international legal mechanism.

References

1. Fojnickij I. Ja. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva [Course of criminal legal proceedings]. St. Petersburg, 1912. Vol. 1. 579 p.
2. Daniel U. Van Nese. Vosstanovitel'noe pravosudie i mezhdunarodnye prava cheloveka [Recovery justice and international human rights]. Biblioteka centra SPR – Library of the SPR center. Available at : <http://www.sprc.ru/lib.html>.
3. Volodina L. M. Mehanizm obespechenija prav lichnosti v rossijskom ugolovnom processe. Dis. d-ra jurid. nauk [The mechanism of ensuring the rights of the personality in the Russian criminal trial. Dr. legal sci. diss.]. Ekaterinburg, 1999. 323 p.

ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЩЕРБАКОВ,

кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника академии по научной работе,
e-mail: gregoralt@yandex.ru;

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России),
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА И ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ КАФЕДРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФСИН РОССИИ

Реферат: в статье затрагиваются проблемы формирования кадровой политики кафедры образовательной организации ФСИН России.

При рассмотрении кадрового потенциала профессорско-преподавательского состава в качестве решающего фактора развития кафедры образовательной организации ФСИН России приводятся требования, которым должна отвечать кафедральная кадровая политика. Отмечаются особенности реализации кадровой политики кафедры образовательной организации ФСИН России, которые, с одной стороны, объективно снижают эффективность традиционного управленческого воздействия на персонал, а с другой – могут выступать в качестве предпосылок для возникновения конкурентных преимуществ кафедры. Приводятся приемы эффективного руководства, которые позволят научно-педагогическому коллективу достичь высоких профессиональных результатов:

1. Руководитель должен решать стоящие перед кафедрой задачи исходя из основных функций управления: планирования, организации, распорядительства, мотивации, учета и контроля.
2. Руководитель должен обладать комплексом качеств, которые классифицируются в соответствии со сферами деятельности кафедры.
3. Коллектив кафедры должен представлять собой команду единомышленников, создать которую возможно с учетом особенностей психологии каждого подчиненного.
4. Необходимо обеспечить целенаправленное воздействие на персонал для повышения производительности его труда за счет дифференцированного применения методов социального и психологического воздействия.
5. Необходимо применять гибкий стиль руководства и комплексно использовать методы и средства управления на основе ситуационного подхода.
6. В повышении эффективности управления персоналом кафедры важную роль играет правильная организация взаимоотношений руководителя с подчиненными.
7. Необходимым условием выживания на рынке образовательных услуг, средством повышения конкурентоспособности являются образовательные инновации.
8. Важной сферой деятельности руководителя кафедры должно стать управление конфликтами.
9. Руководитель кафедры должен обеспечить реализацию мероприятий по планированию карьеры сотрудников и повышению их квалификации.
10. Разработка стратегических планов развития кафедры является одним из важнейших направлений ее деятельности, элементом перспективного развития персонала.
11. Руководитель должен правильно организовать личный труд в соответствии с современной концепцией персонального менеджмента.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, работа с кадрами, персонал уголовно-исполнительной системы, кафедра, профессорско-преподавательский состав.

Современная теория социального управления рассматривает персонал в качестве значительного стратегического ресурса любой организации, а деятельность по управлению персоналом – решающим фактором организационного развития. В связи с этим важнейшей составной частью стратегически ориентированной политики любой организации выступает ее кадровая политика, которая

определяет философию и принципы, реализуемые руководством в отношении человеческих ресурсов.

В литературе приводятся различные определения понятия «кадровая политика», наиболее полным может считаться следующее: кадровая политика – это совокупность принципов, методов, средств и форм воздействия на интересы, поведение и деятельность работников в достижении целей, стоящих перед организацией. Цель кадровой политики – обеспечение своевременного обновления и сохранения количественного и качественного состава кадров и его развития в соответствии с потребностями организации.

Указанная цель достигается в результате реализации конкретных кадровых мероприятий, выступающих в качестве объектов кадровой политики: кадрового планирования; организации, подбора и расстановки кадров; формирования кадрового резерва; организации труда персонала; оценки профессиональных и деловых качеств работников; мотивации и стимулирования персонала; профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников.

От качества осуществления перечисленных мероприятий зависит эффективность реализации кадровой политики.

В кадровом менеджменте выделяют разные типы кадровой политики, определяемые отношением к персоналу и применяемыми подходами к работе с ним. При этом конкретное содержание кадровой политики зависит от многих факторов, к которым относятся: стадия жизненного цикла организации и форма ее собственности, факторы внешней и внутренней среды и др.

Независимо от различных ситуационных факторов обоснованно считается, что кадровая политика современных организаций должна соответствовать следующим требованиям:

– тесная увязка кадровой политики со стратегией развития организации, рассмотрение кадровой политики в качестве основного средства кадрового обеспечения реализации организационной стратегии;

– кадровая политика должна быть достаточно гибкой. Гибкость кадровой политики рассматривается в двух аспектах. С одной стороны, она должна быть динамичной, то есть корректироваться в соответствии с изменением внешней и внутренней среды организации, с другой стороны, кадровая политика должна быть стабильной, поскольку со стабильностью связаны основные ожидания персонала. Стабильными должны быть те ее стороны, которые ориентированы на учет интересов персонала и имеют отношение к организационной культуре, включающей в себя ценности и убеждения, разделяемые работниками и предопределяющие нормы их поведения;

– кадровая политика должна быть эффективной с экономической точки зрения, то есть исходить из

реальных финансовых возможностей организации, так как формирование квалифицированного трудового потенциала связано с существенными финансовыми издержками;

– обеспечение индивидуального подхода к работникам, особенно при их мотивации и стимулировании [1].

Ряд авторов дополняют основные требования к кадровой политике организации:

– выработка кадровой политики в результате обсуждения и консультаций на различных уровнях организации;

– кадровая политика должна быть ясно и четко сформулирована в письменном виде и охватывать все основные направления работы с персоналом;

– необходимо предусмотреть способы доведения утвержденной кадровой политики до сведения всего персонала организации;

– обеспечение кадровой политики необходимыми ресурсами;

– кадровая политика должна содержать в себе конкретные практические мероприятия по ее реализации;

– отдельные направления кадровой политики (например, комплектование, адаптация, обучение кадров) должны быть взаимосвязаны, дополнять друг друга и объединяться общей идеологией [2].

Следовательно, выбранная кадровая политика должна быть направлена на получение в работе с персоналом социально-экономического эффекта, способствующего высокопроизводительной деятельности всей организации.

Переходя к кафедральной проблематике, следует отметить, что, являясь структурным подразделением высшего учебного заведения, кафедра реализует кадровую политику вуза, а в случае его ведомственной принадлежности – кадровую политику учредителя. Если речь идет об образовательных организациях ФСИИ России, то входящие в их состав кафедры реализуют государственную кадровую политику УИС в образовательной сфере.

Изложенное не исключает возможность относительной самостоятельности кадровой политики конкретной кафедры вуза ФСИИ России или ее отдельных аспектов (например, мотивация и стимулирование работников), обусловленных спецификой кафедры, ее руководства и педагогического состава. В любом случае кафедральная кадровая политика должна в полной мере соответствовать кадровой политике образовательной организации ФСИИ России.

Реализация вузовской кадровой политики на кафедральном уровне имеет определенные особенности, которые, с одной стороны, объективно снижают эффективность традиционного управленческого воздействия на персонал, а с другой стороны, при правильном использовании могут выступать в качестве

предпосылок для возникновения конкурентных преимуществ кафедры. К числу таких особенностей следует отнести:

1) научно-педагогический коллектив кафедры, в состав которого входят кадры высшей квалификации, имеющие ученые степени, звания, а часто широкую известность;

2) трудовая деятельность профессорско-преподавательского состава, которая слабо поддается нормированию и регламентации, в силу того что ее предметом и продуктом выступает информация, которая нередко является интеллектуальной собственностью;

3) сложность разделения и кооперации труда коллектива кафедры в силу однородности выполняемых преподавателями функций;

4) дифференциация педагогического состава большинства кафедр по критериям возраста, научных достижений и заслуг, правового статуса (сотрудники УИС, гражданский персонал), что обуславливает необходимость проведения гибкой кадровой политики, которая не всегда приемлема или возможна;

5) наличие у преподавательского состава из числа сотрудников УИС обязанностей, запретов и ограничений, обусловленных прохождением службы;

6) отсутствие у руководства кафедр существенных полномочий в части реализации многих кадровых функций, обусловленных спецификой государственного управления (прием, расстановка, увольнение, стимулирование);

7) достаточно полная регламентация деятельности профессорско-преподавательского состава на ведомственном и локальном уровнях регулирования;

8) частая сменяемость или изменение технологий, стандартов и иных нормативов в образовательной сфере;

9) несбалансированность аккредитационных показателей, приводящая к тому, что перед кафедрами неюридического профиля стоит проблема выполнения требований к профилю образования преподавателей, имеющих ученые степени (звания).

Безусловно, перечисленный перечень факторных особенностей управления кафедрой образовательной организации ФСИН России не является исчерпывающим.

Изучение литературы, посвященной проблеме управления кафедрой [3], позволяет акцентировать внимание на важнейших аспектах деятельности руководителя кафедры, обеспечивающих эффективное управление ее персоналом.

1. Руководитель должен решать стоящие перед кафедрой задачи исходя из основных функций управления: планирования, организации, распоряительства, мотивации, учета и контроля.

В содержании труда руководителя кафедры выделяют три ключевые сферы его деятельности: организационно-управленческую; социально-психологическую; функ-

циональную. В соответствии с ними определены основные направления деятельности руководителя кафедры:

– стратегическое управление кафедрой и внешние связи;

– управление учебной деятельностью;

– управление научной деятельностью;

– управление социальной работой;

– материально-техническое обеспечение деятельности кафедры.

2. Качества, необходимые современному руководителю кафедры, классифицируются в соответствии со сферами его деятельности:

– организационно-управленческая сфера предполагает наличие шести блоков управленческих качеств: профессиональная компетентность, организаторские качества, деловые качества, нравственные качества, политическая культура, работоспособность;

– социальная сфера подразумевает умение управлять коллективом, которое определяется способностью к созданию условий труда, поддержанию морально-психологического климата, трудовой и исполнительской дисциплины;

– учебно-воспитательная, методическая и научная сфера деятельности предполагает умение эффективно руководить перечисленными выше функциональными процессами на кафедре;

– сфера самоменеджмента отражает способность управленца руководить самим собой и зависит от личной организованности, самодисциплины, знания техники личной работы, эмоционально-волевого потенциала, состояния здоровья, способности формулировать и реализовывать свои жизненные цели, личного самоконтроля.

3. Эффективность и производительность совместной деятельности достигается, если коллектив кафедры представляет собой команду единомышленников, создать которую возможно с учетом особенностей психологии каждого подчиненного. Сплоченный коллектив характеризуют следующие качества: общность стремлений, желание трудиться вместе, наличие общегрупповых норм и ценностей, способность воспитательного воздействия, чувство взаимной ответственности и взаимопомощи.

Эффективность управления командой существенно повышается, если руководитель выступает не в роли администратора, а в роли лидера, способного сплотить последователей. Лидерский стиль управления кафедрой является важным инструментом работы руководителя, который позволяет распределить различные роли в команде: творческие, коммуникативные, поведенческие.

Лидер научно-педагогического коллектива должен придерживаться следующих рекомендаций:

– справедливо распределять работу;

– быть примером во всем;

- проявлять справедливость к подчиненным;
- не избегать решения возникающих проблем;
- четко распределять полномочия и ответственность;
- находить подход к подчиненным и коллегам;
- соблюдать субординацию;
- делегируя ответственность, не забывать передавать права;
- объяснять подчиненным смысл происходящего.

4. Для достижения целей руководителю необходимо обеспечить целенаправленное воздействие на персонал для повышения производительности его труда. Мотивированная и эффективная деятельность работников обеспечивается с помощью различных методов воздействия. При всем многообразии методы руководства делят на три группы: методы организационного воздействия (администрирование), экономические и социально-психологические методы.

Являясь руководителем третьего (низшего) уровня в вузовской иерархии, руководитель кафедры не обладает всей полнотой властных административных полномочий и возможностью использовать широкий спектр экономических средств воздействия на подчиненных. В связи с этим при использовании методов административного воздействия он в первую очередь должен опираться на должностной и личный авторитет, создавать оптимальную организационно-функциональную структуру управления, широко использовать делегирование полномочий и ответственности.

Дефицит финансирования, отсутствие существенной дифференциации в должностных окладах сотрудников УИС, жестко регламентированная структура денежного довольствия, включая обязательные стимулирующие надбавки, существенно снижают возможность использования руководителем кафедры экономических методов воздействия на персонал, которое в основном сводится к представлению подчиненного к денежному поощрению или снижению премиальной части денежного довольствия в случае наложения ряда дисциплинарных взысканий.

Несмотря на ограничения в использовании начальником кафедры административных и экономических методов управления, ему предоставлена возможность для применения широкого спектра социально-психологических методов, подробно рассмотренных в литературе. Эффективное управление персоналом заключается в дифференцированном применении различных методов социального и психологического воздействия. Здесь исключительно важно знать и прогнозировать позитивное и негативное влияние социально-психологических методов воздействия на персонал [4, с. 267–269].

Для управления научно-педагогическим коллективом наиболее уместными являются принципы демократизации управления, патернализма, человеческих отношений, соблюдения прав личности. Счита-

ется, что эти принципы в современных условиях должны доминировать над административными принципами управления.

5. Совокупность методов и приемов, которые использует руководитель в своей деятельности, определяет стиль его руководства. Исходя из характера цели руководящей деятельности выделяют деловой и бюрократический стили. Первый проявляется в том случае, когда для руководителя самым важным выступают конечные цели коллектива. Бюрократическая система характеризуется господством формы над содержанием.

В наиболее распространенной классификации выделяются три основных стиля управления: демократический, авторитарный и либеральный. Принятый стиль управления предопределяет преимущественное использование административных, экономических или социально-психологических методов и средств управления персоналом. Современная концепция управления человеческими ресурсами исходит из необходимости применения гибкого стиля руководства и комплексного использования методов и средств управления на основе ситуационного подхода. Именно такой подход обеспечивает эффективность функционирования системы управления персоналом.

6. В повышении эффективности управления персоналом кафедры важную роль играет правильная организация взаимоотношений руководителя с подчиненными, которая включает в себя такие аспекты, как культура управленческого общения, этика поведения руководителя и др.

7. Необходимым условием выживания на рынке образовательных услуг, средством повышения конкурентоспособности являются образовательные инновации, поэтому в современных условиях возрастает роль руководителя кафедры при осуществлении инноваций, которая требует не только их формального внедрения, но и предварительной психологической подготовки коллектива к их внедрению, преодоления сопротивления персонала.

8. Важной сферой деятельности руководителя кафедры является управление конфликтами. Бесконфликтное руководство возможно, если научиться такому управлению, при котором в целенаправленном сотрудничестве с другими работниками устраняется все деструктивное. Предотвращение конфликтных ситуаций является важнейшим инструментом в формировании сплоченного работоспособного коллектива.

Руководитель кафедры имеет определенные юридические права, использование которых позволяет ему вмешиваться в развитие конфликтной ситуации практически на любом этапе, однако немаловажное значение в действиях руководителя имеет этика его поведения. Поскольку каждый конфликт индивидуа-

лен, необходимо находить индивидуальный подход к его участникам.

9. Руководитель кафедры должен обеспечить разработку и реализацию мероприятий по планированию карьеры сотрудников и повышению их квалификации. Данное направление актуализируется в связи с изменением аккредитационных показателей и требований ФГОС ВО к реализации образовательных программ в части соответствия профиля образования преподавателей профилю преподаваемых дисциплин.

10. Учитывая, что в современных условиях стратегическое управление представляется единственным способом прогнозирования будущих проблем и возможностей высшего учебного заведения, разработка стратегических планов развития кафедры является одним из важнейших направлений ее деятельности.

Кафедральная стратегия должна разрабатываться с использованием инструментария стратегического менеджмента и в обязательном порядке включать в себя блок «маркетинг и связи с произ-

водством», в котором необходимо предусмотреть вопросы взаимодействия с учредителем, работодателями, выпускниками, а также блок «учебно-методические и научные контакты».

11. Существенным условием эффективного управления персоналом кафедры выступает способность руководителя к организации личного труда в соответствии с современной концепцией персонального менеджмента, которая включает в себя такие направления, как:

- эффективное использование времени;
- принятие решений о приоритетах в деятельности;
- технология планирования личной деятельности;
- обеспечение личной работоспособности;
- формирование собственного имиджа и авторитета.

Специалистами отмечается, что использование в практической деятельности руководителя кафедры перечисленных приемов эффективного руководства позволит научно-педагогическому коллективу достичь высоких профессиональных результатов.

Список литературы

1. Маслов Е. В. Управление персоналом предприятия : учеб. пособие. М., 2003. 312 с.
2. Магура М. И., Курбатова М. Б. Современные персонал-технологии. М., 2001. 376 с.
3. Резник С. Д. Управление кафедрой : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 635 с.
4. Егоршин А. П. Основы управления персоналом : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 352 с.

GRIGORIY VIKTOROVICH SHCERBAKOV,

phd in psychology, associate professor,
deputy head of the academy for scientific affairs,
e-mail: gregoralt@yandex.ru;

ALEXANDER JURYEVICH DOLININ,

phd in law, associate professor,
chair of the department of
management and organization of penal system activity
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

PERSONNEL POLICY AND EFFECTIVE MANAGEMENT OF THE PERSONNEL OF THE DEPARTMENT OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS FPS OF RUSSIA

Abstract: in article problems of formation of personnel policy of department of the educational organization of the FPS of Russia are considered.

Considering the personnel potential of the faculty as a decisive factor of development of department of the educational organization of the FPS of Russia, authors provide requirements to which cathedral personnel policy has to answer.

Features realization of personnel policy of department of the educational organization of FSIN of Russia which on the one hand objectively reduce efficiency of traditional administrative impact on personnel are noted, and with another – can act as prerequisites for emergence of competitive advantages of department.

Receptions of the effective management which will allow scientific and pedagogical collective to achieve high professional results are given.

1. The head has to solve the problems facing department proceeding from the main functions of management: planning, organization, rasporyaditelstvo, motivation, account and control.

2. The head has to possess a complex of qualities which are classified according to fields of activity of department.

3. The staff of department has to represent team of adherents which is possible for creating taking into account features of psychology of each subordinate.

4. It is necessary to provide purposeful impact on personnel for increase of productivity of his work due to the social and psychological influence differentiated application of methods.

5. It is necessary to apply flexible style of the management and in a complex to use methods and control facilities on the basis of situational approach.

6. In increase of effective management of personnel of department an important role is played by the correct organization of relationship of the head with subordinates.

7. A necessary condition of a survival in education market, means of increase of competitiveness are educational innovations.

8. Management of the conflicts has to become an important field of activity of the head of department.

9. The head of department has to provide realization of actions for planning of career of employees and to increase of their qualification.

10. Development of strategic development plans for department is one of the major directions her activity, an element of perspective development of personnel.

11. The head has to organize correctly a personal labor according to the modern concept of personal management.

Key words: penal system, work with the staff, penal system staff, department, faculty.

References

1. Maslov E. V. Upravlenie personalom predpriyatija [Personnel management of the enterprise]. Moscow, 2003. 312 p.

2. Magura M. I., Kurbatova M. B. Sovremennye personal-tehnologii [Modern technology staff]. Moscow, 2001. 376 p.

3. Reznik S. D. Upravlenie kafedroj [Management of the department]. Moscow, 2005. 635 p.

4. Egorshin A. P. Osnovy upravlenija personalom [Personnel management basics]. Moscow, 2011. 352 p.

АНТОН ГЕННАДЬЕВИЧ АНТОНОВ,

доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника института по научной работе,
e-mail: antonovanton1@mail.ru;

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА ВИТОВСКАЯ,

преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
(Кузбасский институт ФСИН России),
e-mail: Jane-vit@mail.ru

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

Реферат: в статье раскрывается особенность общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. На основании научного анализа категории «общественная опасность преступления», ее сущности и содержания конкретизируются виды общественной опасности, раскрываются ее отдельные аспекты, исследуются различные формы общественной опасности, а также такие ее виды, как общая, прецедентная, специальная (простая, кумулятивная).

В соответствии с приведенной классификационной моделью общественной опасности преступления рассматриваются преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Анализ общественной опасности наркопреступлений позволил выявить такие их особенности, как: совершение наркоманами тяжких преступлений в целях добычи денежных средств для приобретения наркотиков; тесная корреляция между преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, проявляющаяся в том, что совершение одних детерминирует другие. Наркопреступления носят неперсонифицированный характер и направлены против неопределенного широкого круга лиц, в результате их совершения ставятся под угрозу здоровье и жизнь нации в целом. Выявленные особенности характеризуют наркопреступления как обладающие кумулятивной общественной опасностью.

Практическое значение разделения категории «общественная опасность наркопреступлений» на виды обусловлена тем, что определение и документальное закрепление ее параметров позволяет индивидуализировать наказание конкретному лицу, совершившему преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Ключевые слова: наркотизация, наркопреступления, общественная опасность, вред, кумулятивная опасность, здоровье, жизнь, криминогенный фон, тяжкие последствия.

Возрастающая наркотизация населения Российской Федерации не первый год объявляется одной из основных национальных проблем. Очевидно, что наркоугроза – это фактор, деструктивно влияющий на здоровье нации, уровень преступности, экономику, подрывающий безопасность страны. По-прежнему остается сложной криминогенная обстановка в государстве. Число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, растет в последние годы и занимает значительное место в структуре российской преступности. Так, в 2011 г. было зарегистрировано 215 200 таких преступлений, в 2012 – 219 000, в 2013 – 231 500, в 2014 г. – 254 700 [1]. Поскольку проблема распространения наркотизма сложна и многоаспектна, ее нельзя решить, не исследовав специфику общественной опасности соответ-

ствующих преступлений. При этом нельзя обойти вниманием категорию общественной опасности преступлений как таковую. «Раскрытие сущности общественной опасности преступной деятельности создает условия для определения мер, направленных на устранение общественной опасности, расширяет теоретическую основу их применения» [2, с. 10–11].

Общественная опасность преступления проявляется в двух формах: реальном причинении вреда и возникновении реальной угрозы его причинения [3, с. 89]. Так, В. Д. Филимонов логично рассматривает преступление «не только как уже произошедшее нарушение общественных отношений, но и как источник опасности, грозящей охраняемому уголовным правом объекту, опасности, реализацию которой во многих случаях еще можно предотвратить» [4, с. 44].

Тем самым при совершении преступления его общественная опасность реализуется относительно нарушенных общественных отношений, которым причинен вред или создана угроза его причинения. При этом она продолжает развиваться применительно к аналогичным нарушенным общественным отношениям и ко всем общественным отношениям, входящим в сферу уголовно-правовой охраны.

Таким образом, преступление в случае его совершения не только общественно опасно, но и общественно вредно. Вред следует рассматривать как результат реализации общественной опасности преступления относительно нарушенных общественных отношений. Опасность остается таковой применительно к ненарушенным общественным отношениям, очевидно, поэтому категория вреда отличается от категории опасности. Вред – это явление, состоявшееся в сущности, а опасность – вероятность наступления вреда в будущем. Опасность – однопорядковое понятие категории «угроза». Угроза причинения вреда общественным отношениям является не только результатом реализации общественной опасности преступления, но и ее частным проявлением. Следовательно, данную категорию необходимо рассматривать в узком и широком смысле. В первом случае имеет место угроза причинения вреда конкретным ненарушенным общественным отношениям как последствие преступления и вред нарушенным общественным отношениям. Во втором случае можно констатировать наличие угрозы всем или аналогичным общественным отношениям в случае нарушения уголовно-правового запрета. Опасность применительно к аналогичным нарушенным общественным отношениям наступает при совершении преступления, до этого она сохраняется для всех общественных отношений, находящихся под уголовно-правовой охраной.

Общественная опасность преступления в широком смысле состоит:

1) в угрозе (вероятности) повторения конкретного преступления (его прецедентности) или любого другого преступления, поэтому преступление не только причиняет конкретный вред (например, здоровью потерпевшего), но и общественно опасно. Если исходить только из состоявшегося вреда конкретным общественным отношениям, то останутся непонятными основания наказуемости некоторых преступлений (например, предусмотренных ст. 222 УК РФ). Опасность заключается и в том, что преступление представляет собой элемент негативной социальной практики, имеющий прецедентный характер, и общество способно воспринять его как возможный вариант поведения в случае, если государство не даст ему отрицательной оценки [2, с. 8–9];

2) в угрозе совершения дополнительного, смежного преступления. Общественная опасность одних преступлений заключается лишь в возможно-

сти повторения аналогичных деяний другими людьми (например, кражи). Другие преступления предполагают второй уровень опасности, заключающий в себе возможность развития цепочки событий, которая может повлечь за собой не только повторение преступления, но и совершение нового преступления как результат продолжения начатой преступной деятельности, причем второе может быть гораздо более тяжким, нежели первое. Прибегнув к технической терминологии, условно назовем такие противоправные деяния к преступлениям кумулятивной опасности. Они опасны, с одной стороны, тем, что как элемент социальной практики могут быть повторены, с другой – тем, что имманентно содержат опасность совершения иного, более тяжкого преступления. Например, при незаконном ношении огнестрельного оружия первая опасность состоит в том, что окружающие видят, что его можно носить, а вторая – в том, что виновный может это оружие применить.

Исходя из изложенного можно выделить следующие виды общественной опасности преступления.

Если преступление не совершено, то в рамках решения задач общего предупреждения преступлений и уголовно-правовой охраны следует говорить об общей и прецедентной опасности преступления относительно всех общественных отношений, находящихся под уголовно-правовой охраной.

Если преступление уже совершено, то в рамках негативной уголовной ответственности, частного предупреждения преступлений и уголовно-правовой защиты сохраняется общая и прецедентная опасность, но добавляется тот или иной вид специальной опасности относительно конкретных общественных отношений – простой или кумулятивной.

Общая общественная опасность преступления существует в отношении всех объектов уголовно-правовой охраны. Она соотносится с уголовно-правовой охраной и общим предупреждением преступлений, при этом обуславливаясь позитивной уголовной ответственностью и соответствующим уголовным правоотношением. Она есть независимо от того, совершено преступление или нет. Если преступление совершено, то она продолжает существовать относительно прочих, ненарушенных общественных отношений. Совершение отдельных преступлений не может вызвать ее исчерпывающую реализацию. Если преступление не совершено, то такой вид общественной опасности обуславливается наличием уголовного закона и ценностью всех объектов уголовно-правовой охраны, которые с различной степенью вероятности могут быть нарушены. Сам по себе уголовно-правовой запрет свидетельствует о существовании опасности для определенных общественных отношений. При этом данный вид опасности неотделим от прецедентной опасности.

Прецедентная общественная опасность при совершении преступления имеет место наряду с общей

опасностью применительно к общественным отношениям, аналогично нарушенным. Она не касается общественных отношений, которым причинен вред.

Как было упомянуто, специальная общественная опасность может быть кумулятивной и простой.

Простая общественная опасность выражается в причинении вреда конкретным общественным отношениям, чем и исчерпывается. Она не угрожает каким-либо другим общественным отношениям. При этом данный вид общественной опасности существует наряду с двумя другими видами: общей и прецедентной.

Кумулятивная общественная опасность отличается сравнительно высокой концентрацией (потенциалом). Она выражается во вреде нарушенным общественным отношениям, представляющим собой угрозу причинения ущерба родственным общественным отношениям. Здесь имеет место и опасность для аналогичных нарушенных общественных отношений, то есть существует прецедентная общественная опасность. При этом негативный потенциал общественной опасности не исчерпывается до конца. Он направляется на другие общественные отношения, угроза причинения вреда которым создана. Так, при формировании банды причиняется вред общественным отношениям в сфере общественной безопасности и ставятся под угрозу отношения собственности, а также жизнь и здоровье граждан. Наряду с указанными видами опасности существуют общая опасность преступления и простая.

Поясним используемый нами термин «кумулятивный». Как известно, кумулятивный (от лат. *sumulio* – собираю, накапливаю) эффект – концентрация действия взрыва в одном направлении [5, с. 608]. В юриспруденции соответствующее понятие может означать высокую концентрацию (накопление, потенциал) общественной опасности преступления, способную причинить вред и смежным общественным отношениям. Степень и характер вреда другим общественным отношениям зависит от потенциала опасности и характера исходного преступления.

Исходя из изложенного можно определить сущность общественной опасности незаконного оборота наркотиков.

Общая общественная опасность незаконного наркооборота заключается в самом факте существования группы норм в гл. 25 УК РФ. Эти нормы свидетельствуют о наличии опасности здоровью населения. Следовательно, законодатель, закрепляя наркопреступления в качестве уголовно наказуемых, основывается на позиции общей общественной опасности, которая выражается в способности наркопреступлений в результате их совершения причинить вред либо создать угрозу его причинения общественным отношениям, охраняемым нормами уголовного права.

Прецедентная общественная опасность наркопреступлений характеризуется нарушениями в сфере законного наркооборота, несоблюдением уголовно-правовой нормы, нарушением охраняемых этой нормой общественных отношений и негативным примером уголовно-правового поведения в соответствующей сфере.

Простая общественная опасность выражается в причинении вреда общественным отношениям в сфере законного наркооборота, чем и исчерпывается.

Однако общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов не ограничивается нарушением правил их законного оборота. Нарушение таких правил позволяет считать преступление оконченным, так как для таких преступлений типичен формальный состав. Однако на этом их общественная опасность не прекращается. Нарушение соответствующих правил порождают угрозу причинения вреда еще ряду общественных отношений.

Кумулятивной общественной опасности свойственно изменение характера общественной опасности, а ее степень отличается незавершенностью. Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов характеризуются тем, что возникает вероятность нанесения вреда или угрозы новому кругу охраняемых уголовным законом общественных отношений, часто более тяжкого и опасного. В результате такого подхода можно сделать вывод о том, что наркопреступления обладают кумулятивной общественной опасностью, которая может проявляться в следующем.

1. Создание криминогенного фона. Незаконный оборот наркотиков порождает лиц, больных наркоманией, обладающих различной по характеру и степени общественной опасностью.

Следует обратить внимание на тот факт, что увеличивается не только количество совершаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, но и число преступлений, совершаемых наркоманами в целях добычи денег для приобретения наркотических средств. Многие из них совершают и другие тяжкие преступления, чаще всего в состоянии наркотического опьянения. Например, преступник-наркоман для приобретения очередной дозы начинает действовать интенсивнее, порой специализируясь на совершении какого-либо вида преступления [6, с. 37], так как существенная стоимость наркотических средств и систематичность их употребления не позволяет заработать необходимое количество денег легальным способом.

Часто сам виновный является больным наркоманией. Проводимые криминологические исследования

личности наркопреступников находят все больше свидетельств тому, что в связи с характерными свойствами личности (социально-демографическими, уголовно-правовыми, психологическими, уголовно-исполнительными и др.) данная категория лиц отличается как негативным поведением, так и нежелательными установками для окружающего общества, при этом постоянно находясь в нестабильном психологическом состоянии. Так, испытывая конфликт со своими близкими, наркопреступник склонен совершать преступления в отношении их. Тем самым наркопреступления обуславливают совершение иных преступлений (убийства, причинение вреда здоровью, хищения и др.).

2. Одни преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов определяют другие. Например, преступления, предусмотренные ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», обуславливают совершение такого преступления, как организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 232 УК РФ). Эти преступления находятся в тесной взаимосвязи с деянием, предусмотренным ст. 230 УК РФ (Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов). Ведь «именно в притонах чаще всего происходит процесс приобщения к наркотикам, склонение и последующее вовлечение в наркомагию новых потребителей» [7, с. 73]. Мотивы, по которым помещение предоставляется под притон, многообразны и напрямую зависят от типа личности наркопреступника. Если содержатель притона одновременно является потребителем наркотиков, как правило, доминируют мотивы компанейства, дружеской услуги (что, впрочем, не исключает и возможности корыстного мотива). Другая типичная ситуация складывается, когда организатор (со-

держатель) притона сам не употребляет наркотики; здесь в подавляющем большинстве случаев имеют место корыстные соображения. Эти лица, как правило, совмещают содержание притона с наркоторговлей и имеют установку на вовлечение в оборот новых лиц с целью получения все большей материальной выгоды и расширения своего «бизнеса». Однако судебная практика по рассматриваемым составам довольно скудна, что обусловлено низкой выявляемостью данных преступлений.

3. Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов представляют угрозу не только здоровью и жизни отдельного человека, но и здоровью и существованию человечества (нации) в целом.

Описанные проявления кумулятивной общественной опасности незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов подтверждаются их отражением в определенных нормах УК РФ. Например, деяния, предусмотренные ст. 229 УК РФ «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ», могут быть сопряжены с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, или же с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия (п. «г» ч. 2, п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ); склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов также может быть совершено с применением насилия или угрозой его применения или повлечь по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия (п. «г» ч. 2, п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ) и т. д.

Под иными тяжкими последствиями следует понимать самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, развитие у него наркотической зависимости, тяжелое заболевание, связанное с потреблением наркотических средств или психотропных веществ, заражение ВИЧ-инфекцией и т. п. [8].

Таким образом, общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов обладает значительным, разнонаправленным негативным потенциалом.

Список литературы

1. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/ (дата обращения: 28.12.2015).
2. Фефелов П. А. Принципы советского уголовного права – основа уголовно-правового охранительного механизма : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978. 38 с.
3. Уголовное право. Общая часть : учебник / под науч. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 2001. 576 с.
4. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. 198 с.
5. Большой энциклопедический словарь / под науч. ред. А. М. Прохорова. СПб., 2004. 1456 с.

6. Гришко А. Я. Правовые и криминологические проблемы социальной реабилитации хронических алкоголиков и наркоманов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 39 с.

7. Щукин А. М., Бражников Д. А. О некоторых проблемах выявления и раскрытия преступлений, связанных с организацией либо содержанием наркопритонов и склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3. С. 73–82.

8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14.

ANTON GENNADYEVICH ANTONOV,

dsc in law,

deputy head for scientific affairs,

e-mail: antonovanton1@mail.ru;

EVGENIYA SERGEEVNA VITOVSKAJA,

lecturer at the state and law disciplines department

(Kuzbass institute of the FPS of Russia),

e-mail: Jane-vit@mail.ru.

ON SOCIAL DANGER OF CRIMES IN THE FIELD OF ILLICIT TRAFFIC IN NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES

Abstract: the article reveals peculiarities of social danger of crimes in the field of illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. Based on scientific analysis of the category «social danger of a crime», on its essence and contents, the authors specify types of public danger, and unravel some of its aspects. Various forms of social danger are examined, such as general, precedent-setting, special (simple, cumulative) ones.

Crimes in the field of illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues are reviewed according to the given classification of social danger of a crime. Analysis of social danger of drug-related crimes has revealed the following features: committing serious crimes by addicts to obtain money for acquisition of drugs; close correlation between various crimes in the field of illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, which results in determination of some crimes by others. Drug-related crimes possess non-personalized character and are directed against unspecified general public; committing them poses a threat to health and life of the nation in general. The revealed features characterize drug-related crimes as possessing cumulative social danger.

Practical value of dividing the category «social danger of drug-related crimes» into types is in the fact that definition and documentary fixing of its parameters allows to set an individual punishment to a particular person who has committed a crime in the field of illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues.

Key words: drug addiction, drug-related crimes, social danger, harm, cumulative danger, health, life, criminogenic background, heavy consequences.

References

1. Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at : http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/ (Accessed 28 December 2015).

2. Fefelov P. A. Principy sovetskogo ugolovnogo prava – osnova ugolovno-pravovogo ohranitel'nogo mehanizma. Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [The principles of the Soviet criminal law – a basis of the criminal and legal guarding mechanism. Dr. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 1978. 38 p.

3. Ugolovnoe pravo. Obshhaja chast' [Criminal law. General part]. Under the scientific editorship of I. Ja. Kozachenko, Z. A. Neznamova. Moscow, 2001. 576 p.

4. Filimonov V. D. Ohranitel'naja funkcija ugolovnogo prava [Guarding function of criminal law]. St. Petersburg, 2003. 198 p.

5. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Big encyclopedic dictionary]. Under the scientific editorship of A. M. Prohorova. St. Petersburg, 2004. 1456 p.

6. Grishko A. Ja. Pravovye i kriminologicheskie problemy social'noj rehabilitacii hronicheskikh alkogolikov i narkomanov. Avtoref. dis. d-ra. jurid. nauk [Legal and criminological problems of social rehabilitation of chronic alcoholics and addicts. Dr. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 1993, p. 39.

7. Shhukin A. M., Brazhnikov D. A. O nekotoryh problemah vyjavlenija i raskrytija prestuplenij, svjazannyh s organizaciej libo soderzhaniem narkopritonov i skloneniem k potrebleniju narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshhestv ili ih analogov [About some problems of identification and disclosure of the crimes connected with the organization or the maintenance of shooting galleries and inducement to consumption of drugs, psychotropic substances or their analogs]. Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika – Jurisprudence and law-enforcement practice, 2013, no. 3, pp. 73–82.

8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 ijunja 2006 g. № 14 «O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah, svjazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvujushhimi i jadovitymi veshhestvami» [The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from June, 15th, 2006, № 14 «About jurisprudence on cases of the crimes connected with drugs, psychotropic, strong and toxic agents»]. Inpublished.

РИМ РИМОВИЧ КАРИМОВ,

кандидат юридических наук,
начальник научно-исследовательского отдела;

ГУЗЕЛЬ ЮРИСОВНА КАРИМОВА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры конституционного права
(Уфимский юридический институт МВД России),
e-mail: editor62@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В РАМКАХ СНГ: НОРМАТИВНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Реферат: статья посвящена деятельности СНГ по противодействию терроризму. В ней рассматриваются основные нормативные документы, направленные на борьбу с терроризмом; затрагиваются аспекты деятельности Антитеррористического центра СНГ (далее – АТЦ СНГ); определяются предложения по совершенствованию деятельности, направленной на борьбу с терроризмом; обосновываются меры и решения по противодействию терроризму в государстве на основе нормативно-правовых актов; поднимается вопрос о формировании контртеррористического законодательства, которое позволит вести более кардинальную борьбу с терроризмом.

Предлагается выработать и реализовать в масштабе СНГ программы по борьбе с терроризмом, провести совместные командно-штабные оперативно-стратегические учения, командно-штабные тренировки, установить интенсивные двусторонние и многосторонние контакты.

Сделан вывод о том, что тесное взаимодействие специальных служб, правоохранительных органов и государства позволит выйти на новый, более качественный уровень по борьбе с терроризмом.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, борьба с терроризмом, модельный закон, безопасность, антитеррористический центр.

В настоящее время в мире нет ни одного государства, которое не столкнулось бы с проблемой терроризма. Не являются исключением и страны – участники Содружества Независимых Государств. В качестве примера можно привести факт задержания сотрудниками ФСБ России на территории России 25 граждан Украины, которые готовили теракты в 7 регионах нашей страны.

Если ранее террористы имели на вооружении самодельное или заводское стрелковое оружие, самодельные взрывные устройства (СВУ), то теперь они имеют самое современное вооружение отечественного и иностранного производства. Только в 2000–2004 гг. в Россию было незаконно ввезено около 1,5 млн единиц огнестрельного оружия [1].

Отличительной чертой современного терроризма стал его транснациональный характер. На одном из своем выступлений директор Федеральной службы безопасности России А. Бортников отметил, что только в 2013 г. более 70 стран земного шара столкнулись с террористической деятельностью, поэтому государства должны объединить свои усилия в деле противодействия террористической угрозе. На наш взгляд, существует два механизма сотрудничества, которые действуют в госу-

дарствах – членах СНГ по борьбе с терроризмом – это нормативно-правовой и институциональный.

Одним из первых контртеррористических договоров, принятых государствами – участниками СНГ, явилось Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства от 26 мая 1995 г.

Следующим документом, предусматривающим меры по борьбе с терроризмом, стало принятое 25 ноября 1998 г. Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступностью. 4 июня 1999 г. в связи с ростом террористической активности был подписан специальный Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом. Указанное соглашение обладает существенной практической значимостью. Так, в договоре, кроме определения терроризма, впервые закреплено понятие технологического терроризма, отличительными признаками которого являются использование или угроза использования ядерного, радиологического, химического или бактериологического оружия и других вредных для здоровья людей веществ, захват, выведение из строя и разрушение ядерных, химических или иных объектов повышенной технологи-

ческой и экологической опасности, систем жизнеобеспечения городов и иных населенных пунктов, с целью создания нестабильности, угрозы населению, оказания воздействия на принятие решений органами власти, осуществление руководства, финансирование или участие в качестве подстрекателя, сообщника или пособника лица, которое совершает или пытается совершить такое преступление.

Рассматриваемый документ по своему содержанию схож с другими многосторонними соглашениями террористической направленности, в нем также закрепляются направления сотрудничества, порядок осуществления запросов, оказания правовой помощи по уголовным делам и возбуждения уголовного преследования.

Определенный вклад в противодействие терроризму внесло так называемое модельное законодательство. Так, на 12-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ был принят Модельный закон от 8 декабря 1998 г. «О борьбе с терроризмом». Он ввел следующие ключевые понятия: «терроризм», «акт терроризма», «приготовление к акту терроризма», «покушение на акт терроризма», «террорист», «группа террористов», «террористическая организация», «борьба с терроризмом» «контртеррористическая операция», «зона проведения контртеррористической операции».

Впоследствии на заседаниях Межпарламентской ассамблеи также были приняты следующие модельные законы: от 4 декабря 2004 г. «О противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление актов терроризма на территории других государств»; от 4 декабря 2004 г. «О контроле за оборотом радиоактивных материалов»; от 16 ноября 2006 г. «О противодействии финансированию терроризма»; от 31 октября 2007 г. «О безопасности на воздушном транспорте»; от 31 октября 2007 г. «О безопасности на транспорте»; от 3 декабря 2009 г. «О противодействии терроризму».

Данные нормативные акты послужили основой развития национального законодательства государств – членов Содружества. Так, после принятия Модельного закона «О борьбе с терроризмом» подобные акты принимаются в Республике Казахстан (13 июля 1999 г.), Республике Таджикистан (16 ноября 1999 г.), Республике Узбекистан (15 декабря 2000 г.), Республике Беларусь (3 января 2002 г.) и т. д.

Российская Федерация в этом процессе опередила модельное законодательство, приняв первый закон о борьбе с терроризмом 25 июля 1998 г. В дальнейшем, после существенных доработок и совершенствования был принят Федеральный закон от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму».

Нельзя не отметить, что государства – участники СНГ постоянно проводят на своей территории совместные контртеррористические учения, поэтому 7 октября 2002 г. было утверждено Положение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – участников СНГ. Оно закрепило порядок организации, проведения совместных антитеррористических мероприятий и правовой статус участников совместных антитеррористических мероприятий.

Общегосударственная программа мер борьбы с терроризмом и политическим экстремизмом должна быть ориентирована на ликвидацию обозначенных выше факторов либо на максимальное ослабление их криминогенной направленности.

Программа борьбы с терроризмом может состоять из следующих блоков:

- правовые меры борьбы с терроризмом, включающие в себя законодательные акты, а также международные конвенции по борьбе с терроризмом и организованной преступностью;

- общепредупредительные меры, в том числе установление контроля над рынками оружия и других средств массового поражения;

- административно-режимные меры, к которым следует отнести меры по межгосударственному сотрудничеству в области борьбы с терроризмом;

- специальные (оперативные, розыскные, технические и охранные) меры предупреждения террористических проявлений [2].

Важным этапом в формировании контртеррористического законодательства стран – участников СНГ стало принятие решения «О Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма», которое состоялось в Казани 26 августа 2005 г. В Концепции были закреплены цели и задачи, основные направления и основные формы сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

В настоящий момент действует Программа сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2014–2016 гг., которая утверждена решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств 25 октября 2013 г. Основным разработчиком программы выступил Антитеррористический центр СНГ. Данная программа призвана продолжить мероприятия, направленные на противодействие терроризму и различным проявлениям экстремизма. Основными задачами документа явились: подготовка предло-

жений Совету глав государств, Совету глав правительств, другим уставным органам и органам отраслевого сотрудничества СНГ о направлениях развития сотрудничества в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма; развитие нормативной правовой базы сотрудничества государств – участников СНГ; совершенствование и гармонизация национального законодательства; проведение согласованных и (или) совместных профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций; взаимодействие с международными организациями; осуществление информационно-аналитической деятельности и научно-методической работы в сфере борьбы с терроризмом, информационное обеспечение сотрудничества; осуществление сотрудничества в подготовке кадров, повышении квалификации специалистов.

На пространстве СНГ постоянно ведется активная работа в рамках взаимодействия государств по борьбе с терроризмом. Как отметил руководитель АТЦ СНГ генерал-полковник полиции А. П. Новиков, «государствами СНГ накоплен беспрецедентный опыт субрегионального сотрудничества, в том числе в организационной и правовой сфере. Выработка и реализация в масштабе СНГ программ по борьбе с терроризмом, проведение совместных командно-штабных оперативно-стратегических учений, командно-штабных тренировок, интенсивные двусторонние и многосторонние контакты уже создали действующую «матрицу» взаимодействия государств, их спецслужб и правоохранительных органов в борьбе с терроризмом».

Основным институциональным органом в области борьбы с терроризмом является созданный 21 июня 2000 г. решением Совета глав государств СНГ Антитеррористический центр государств – участников Содружества Независимых Государств. В течение 15 лет центр является главным координатором сотрудничества специальных органов стран Содружества в сфере противодействия международному терроризму и экстремизму.

Важнейшими задачами данного центра являются: ведение специального банка данных о международных террористических организациях и их руководителях, а также о неправительственных организациях, оказывающих содействие террористам; организация контртеррористических учений и участие в подго-

товке нормативной базы, касающейся противодействия терроризму. Одними из видимых результатов его деятельности являются разработка межгосударственных программ сотрудничества государств – участников СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма; подготовка международных договоров и модельных законодательных актов; ежемесячный выпуск информационно-аналитических материалов, характеризующих оперативную обстановку, и не только на территории государств СНГ.

Специалисты центра непосредственно принимают участие в доработке и согласовании проектов документов, вносимых на рассмотрение высших органов Содружества – Совета глав государств СНГ и Совета глав правительств СНГ.

Важность данного органа невозможно переоценить. Как отметил Р. В. Нигматуллин, с момента своего создания центр подготовил для специализированных служб государств СНГ сведения почти на 500 лиц, которые разыскиваются за участие в террористических преступлениях незаконных вооруженных формирований.

Антитеррористический центр стал одной из самых эффективных контртеррористических структур в своем классе, который провозглашает принципы свободы и равноправия, справедливости. Об актуальности справедливого построения общественных отношений говорил Президент РФ В. В. Путин в своих посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации, отмечая обостренную реакцию общества на отсутствие справедливости, безответственность и бездействие отдельных представителей государства, неверие в равенство перед законом и неотвратимость наказания для преступника. Следовательно, для создания справедливого общества и государства в России мы должны принимать справедливые законы и твердо добиваться их исполнения [3].

Подводя итоги, необходимо отметить, что в Российской Федерации сложилась комплексная нормативная система противодействия терроризму, положения которой нашли свое отражение в ряде документов стран – участниц СНГ и на пространстве СНГ созданы эффективные законодательные и институциональные механизмы противодействия терроризму, которые динамично развиваются и отвечают современным вызовам и угрозам.

Список литературы

1. Крайнев А. Терроризм – глобальная проблема современности // Зарубежное военное обозрение. 1997. № 6. С. 2–11.
2. Петрищев В. Е. Проблемы борьбы с терроризмом в современной России // Политические конфликты. М., 1996.
3. Юнусов С. А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2015. 23 с.

RIM RIMOVICH KARIMOV,
phd in law, head of the research department;
GUZEL YURISOVNA KARIMOVA,
phd in law,
senior lecturer, constitutional law department
(Ufa legal institute Ministry of internal affairs of Russia),
e-mail: editor62@yandex.ru

COUNTERACTION TO TERRORISM WITHIN THE CIS: STANDARD AND INSTITUTIONAL ASPECTS

Abstract: article is devoted to activities of the CIS for counteraction to terrorism. The main normative documents directed to fight against terrorism are considered, aspects of activity of the Anti-terrorist center of the CIS are affected. Suggestions for improvement of the activity directed to fight against terrorism are defined. Measures and decisions on counteraction to terrorism are proved in the state on the basis of normative legal acts. The question of formation of the counterterrorist legislation which will allow to conduct more cardinal fight against terrorism is brought up.

It is offered to develop and realize on the scale of the CIS programs for fight against terrorism, carrying out joint command and staff quick strategic exercises, command and staff trainings, intensive bilateral and multilateral contacts which will allow to reduce terrorist behavior model of many states.

The conclusion is drawn that close interaction of special services, law enforcement agencies and the state will allow to come to new, better level on fight against terrorism.

Key words: common wealth of independent states, fight against terrorism, model law, safety, anti-terrorist center.

References

1. Krajnev A. Terrorizm – global'naja problema sovremennosti [Terrorism – a global problem of the present]. Zarubezhnoe voennoe obozrenie – Foreign military review, 1997, no. 6, pp. 2–11.
2. Petrishhev V. E. Problemy bor'by s terrorizmom v sovremennoj Rossii [Problems of fight against terrorism in modern Russia]. Politicheskie konflikty [Political conflicts]. Moscow, 1996.
3. Junusov S. A. Princip spravedlivosti v ugolovno-ispolnitel'nom prave: voprosy teorii. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [The principle of justice in the criminal and executive right: theory questions. Cand legal sci. diss. abstract]. Ryazan, 2015. 23 p.

МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ КОНАРЕВ,кандидат юридически наук,
начальник организационно-аналитического отделения
(Академия ФСИН России),
e-mail: mxkv@ya.ru**ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ ЗА ВРЕД,
ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ,
СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОРУЖИЯ**

Реферат: целью статьи является определение проблем гражданско-правового характера, связанных с применением мер безопасности сотрудниками уголовно-исполнительной системы, а также поиск путей их решения. Предпринята попытка разграничить неправомерное и правомерное применение физической силы, специальных средств и оружия и дать им соответствующие определения, позволяющие корректно применять гражданско-правовые нормы.

В статье рассмотрен порядок определения надлежащего ответчика в суде в рамках дела о причинении вреда гражданско-правового характера сотрудником уголовно-исполнительной системы при применении физической силы, специальных средств, оружия или любых подручных средств при исполнении своих должностных обязанностей, определены юридический интерес данной стороны и механизм перекладывания ответственности в порядке регресса.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, причинение вреда, уголовно-исполнительная система, применение физической силы, специальных средств и оружия.

Векторы развития уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации направлены на гуманизацию условий содержания лиц, содержащихся в местах лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов, а также эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития. В связи с глобализацией информация о незаконных действиях сотрудников правоохранительных органов, связанных с нарушением прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, быстро распространяется посредством средств массовой информации (СМИ) и социальных сетей. Вот почему вопросы, связанные с применением сотрудниками УИС физической силы, специальных средств и оружия при исполнении должностных обязанностей, имеют особую значимость.

В широком смысле к числу теоретических проблем в рамках рассматриваемой темы можно отнести неглубокую степень ее проработки российскими правоведами и законодателем ввиду ее второстепенности относительно угрозы жизни и здоровью граждан, возникающей при неправомерном применении физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками УИС. Практические же проблемы касаются определения надлежащего ответчика, правомерно-

сти, характера и размера причиненного вреда при применении мер безопасности.

В настоящее время одним из критериев оценки правопорядка и надлежащего функционирования территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) является количественный показатель ответственности сотрудников УИС за применение ими физической силы, специальных средств и оружия при исполнении должностных обязанностей.

Анализ сведений о состоянии законности, служебной дисциплины и посягательствах на жизнь и здоровье персонала учреждений УИС России за 2004–2015 гг. [1] показал, что количество случаев применения к осужденным физической силы превышает 20 тыс., а специальных средств и газового оружия – 40 тыс. Регистрируемое в статистической отчетности количество государственных служащих отделов безопасности, привлеченных к ответственности за нарушение законодательства, дает пренебрежительно поверхностное представление о гражданско-правовой ответственности сотрудников УИС за вред, причиненный ими при применении физической силы, специальных средств и оружия. Принимая во внимание показатели учтенных уголовных дел, возбужденных в отношении персонала учреждения по фактам применения физической силы, специальных средств и газового

оружия (за 12 лет менее 0,1 %), а также мнение лиц, содержащихся в учреждениях ФСИН России, уместно говорить об определенной латентности правонарушений, связанных с применением мер безопасности сотрудниками УИС.

Таким образом, высокий показатель общего количества случаев применения мер безопасности в отношении осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также низкая степень проработки вопроса гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями сотрудников УИС при применении физической силы, специальных средств и оружия, позволяют констатировать актуальность рассматриваемого вопроса, особенно в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы.

Для обеспечения нормального функционирования УИС России законодатель наделил сотрудников УИС должностной обязанностью применять физическую силу, специальные средства и оружие в зависимости от характера пресекаемого правонарушения и ряда конкретных обстоятельств. Общие требования и случаи применения перечисленных мер безопасности закреплены в гл. V Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и в ст. 43–47 Федерального закона от 15 августа 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Сотрудники УИС России относятся к категории должностных лиц, и в случае причинения вреда с применением физической силы, специальных средств и оружия они становятся специальными субъектами правовых отношений. Вред, причиненный физическим лицам противоправными действиями или бездействием сотрудников УИС, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) предусматривает возможность возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, а также морального вреда в случаях неправомерного применения мер безопасности (вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях причинения при пресечении террористического акта).

Неправомерным применением физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками УИС России следует считать несоразмерно поставленной законной цели большее оказание сотрудниками УИС принудительного физического воздействия на подозреваемых, обвиняемых, осужденных или иных лиц, а равно объекты окружающего пространства, характеризующегося использованием индивидуальных умений и навыков, специальных средств и ору-

жия, состоящих на вооружении у сотрудников УИС, а также их поражающих свойств. К случаям неправомерного применения мер безопасности сотрудниками УИС отнесены также случаи применения ими любых подручных средств в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости при отсутствии специальных средств или оружия.

При правомерном применении мер безопасности сотрудники УИС причиняют телесные повреждения и иной физический вред подозреваемым, обвиняемым, осужденным или иным лицам, ограничивают их права и свободы в соответствии с требованиями действующего законодательства РФ, приказов и инструкций ФСИН России. Случаи применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками УИС рассматриваются как случаи правомерного их применения, если они обусловлены исполнением сотрудниками УИС законных обязанностей в рамках должностных полномочий или наличием обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Одной из особенностей возмещения вреда при неправомерном применении мер безопасности сотрудниками УИС будет определение надлежащего ответчика в ходе гражданского процесса, поскольку сотрудник УИС, являясь непосредственным субъектом спорных правоотношений, осуществляет свою деятельность в Федеральной службе исполнения наказаний. Так, в рамках дела о причинении вреда гражданско-правового характера сотрудником УИС при применении физической силы, специальных средств, оружия или любых подручных средств ответчиком в суде будет ФСИИ России, юридическим интересом которой будет доказывание правомерности применения мер безопасности своим сотрудником. В случае если такая правомерность будет доказана, сотрудник не вступает в процесс и освобождается от ответственности. Если будет доказана неправомерность действий сотрудника при применении мер безопасности, то в соответствии со ст. 1069 ГК РФ причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации. При этом ФСИИ России будет вправе переложить ответственность на соответствующего сотрудника в порядке регресса.

Разделяя в целом предложенную И. С. Кокориным квалификацию случаев наступления гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный применением физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками ОВД [2], расширим охватываемый им субъект. Так, ответственность за вред, причиненный применением физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками УИС, наступает: а) по правилам ст. 1069 и п. 2 ст. 1070 ГК РФ при незаконном причинении вреда; б) по правилам ст. 1079 ГК РФ, когда вред причинен отдельными видами специальных средств и оружия, подпадающих под понятие источника повышенной опасности.

Порядок определения правомерности в аспекте причинения вреда сотрудниками УИС при применении мер безопасности характеризуется соответствием действий данных лиц требованиям законодательства РФ и правовых актов ФСИН России.

Вред, причиненный сотрудниками УИС при применении физической силы, специальных средств, оружия и иных подручных средств, в рамках гражданских правоотношений дифференцируется на материальный и моральный.

Возмещение материального вреда носит компенсационный имущественный характер и обусловлено уменьшением стоимости поврежденной вещи, снижением или утратой дохода (например, когда осужденный получил травму и не мог выйти на работы), возникновением расходов и т. д. К моральному вреду в аспекте рассматриваемой темы относятся действия (бездействие) сотрудника УИС, связанные с применением мер безопасности, направленные на умаление достоинства личности

или причинение человеку страданий, в связи с посягательством на его достоинство.

Определение размера ущерба при причинении вреда сотрудниками УИС при применении мер безопасности не носит специфического характера и осуществляется в общем порядке, однако это не говорит об отсутствии проблем при определении размера ущерба в рамках конкретного дела. Таким образом, рассмотренные в статье особенности гражданско-правовой ответственности сотрудников УИС России за вред, причиненный при применении физической силы, специальных средств и оружия, имеют свою специфику и ряд проблемных аспектов. В дальнейшем представляется целесообразным провести анализ реализации правоотношений по возмещению вреда, причиненного сотрудниками УИС при неправомерном применении мер безопасности, определить и структурировать порядок возмещения причиненного вреда, а также сформулировать и обосновать выводы и предложения по совершенствованию российского законодательства в данной сфере.

Список литературы

1. Отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений и территориальных органов уголовно-исполнительной системы (отчетный период 2004–2015 гг.). Форма СБ-1. Разд. 4.
2. Кокорин И. С. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный применением физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 22 с.

MAXIM YURIEVICH KONAREV,

phd in law, head of the organizational and analytical department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: mxkv@ya.ru

FEATURES OF CIVIL LIABILITY OF EMPLOYEES OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA FOR DAMAGE CAUSED DURING THE USE OF PHYSICAL FORCE, SPECIAL MEANS AND WEAPONS

Abstract: the purpose of article is to define the problems of civil character connected with application of security measures by the staff of criminal and executive system and also to search the ways of their decision. An attempt to differentiate illegal and lawful use of physical force, special means and the weapon and to give them the corresponding definitions allows applying civil norms.

It considers an order of definition of the appropriate defendant in the court within case of infliction of harm of civil character by the employee of criminal and executive system at use of physical force, special means and the weapon. Legal interest of this party and the mechanism of a rearrangement of responsibility as regress is defined.

Key words: civil responsibility, infliction of harm, criminal and executive system, use of physical force, special means and weapon.

References

1. Kokorin I. S. Grazhdansko-pravovaja otvetstvennost' za vred, prichinennyj primeneniem fizicheskoy sily, special'nyh sredstv i oruzhija sotrudnikami organov vnutrennih del. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Civil liability for damage caused by the use of physical force, special means and weapons by the employees of the Ministry of Internal Affairs. Cand. legal sci. diss. abstract]. St. Petersburg, 2006. 22 p.

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯВОРСКИЙ,кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
(Самарский юридический институт ФСИН России),
e-mail: yavorm@mail.ru**ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЕКТОР
РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ**

Реферат: целью статьи является анализ изучения проблем противодействия распространению экстремизма в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. Дается обобщенная характеристика основных направлений развития современной теории и практики противодействия пенитенциарному экстремизму. На основе содержательного контент-анализа исследований, посвященных вопросам радикализации осужденных, а также публикационной активности отечественных и зарубежных ученых и экспертного сообщества предложена периодизация основных этапов развития научных исследований в рассматриваемой сфере. Исследователи сходятся во мнении, что в современных условиях важнейшими направлениями социальной и правоохранительной деятельности пенитенциарных учреждений в контексте противодействия экстремизму являются минимизация или устранение причин и условий его распространения в местах лишения свободы, а также негативных последствий радикализации осужденных, многие аспекты этой темы остаются малоизученными и требуют дальнейшей разработки.

Работа направлена на дальнейшее комплексное исследование методологических, организационных и правовых основ противодействия экстремизму органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы России как одного из направлений обеспечения национальной безопасности государства.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, радикализация осужденных, противодействие экстремизму, пенитенциарная система.

Распространение различных проявлений экстремизма в местах лишения свободы и изоляции от общества – вполне реальная и уже ощутимая угроза. В современной научной литературе все чаще стали говорить о необходимости активизации мер по противодействию распространению экстремизма в пенитенциарной сфере, хотя отдельные аспекты этой проблемы и ранее были предметом исследования отечественных ученых.

Вопросы социального и правового характера профилактики социально опасных форм сектантства и распространения радикальных религиозных идеологий в учреждениях уголовно-исполнительной системы России освещаются в работах А. Г. Ипполитовой, В. Г. Лещенко, А. С. Морозова и др.

Средства воспитательного воздействия, мероприятия режимного плана, направленные на повышение эффективности пенитенциарного процесса в отношении осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера, раскрываются в научных публикациях А. П. Ештокина, В. В. Федорова и др.

Теоретические и прикладные аспекты оперативно-розыскной профилактики в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистского

характера как самостоятельной организационно-тактической формы оперативно-розыскной деятельности, анализируются, например, в работах М. Ю. Алдашкина, Б. А. Спасенникова, А. В. Цатурова.

Комплекс совместных мер оперативно-розыскного характера, осуществляемых подразделениями по противодействию экстремизму органов внутренних дел и оперативными аппаратами ФСИН России, и рекомендации по совершенствованию организации взаимодействия последних представлены в статье Ю. В. Денисенко.

Теоретико-методологическим и прикладным аспектам психолого-педагогической работы по противодействию распространению экстремизма среди осужденных в местах лишения свободы в своих работах уделяют внимание такие ученые, как Г. И. Белокуров, А. В. Бочаров, Н. В. Горбунова, Э. В. Зауторова, А. В. Ларионова, Э. И. Мещерякова, Э. Ф. Нарусланов, Д. В. Пестриков, И. В. Сенник, Н. О. Свешникова и др.

Психолого-юридические аспекты противодействия экстремистско-террористическим проявлениям в пенитенциарной системе рассмотрены в многочисленных научных публикациях П. Н. Казберова и А. М. Сысоева.

Среди комплексных исследований необходимо отметить монографию А. М. Сысоева и И. А. Уварова «Радикализация осужденных к лишению свободы: криминологическая характеристика и пенитенциарная профилактика» (Вологда, 2012 г.). Авторы исследовали основные направления предупредительной деятельности по недопущению процесса радикализации осужденных в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, сформулировали меры по профилактике правонарушений осужденных, мотивированных национальной или религиозной враждой.

Кроме того, в научных трудах П. Н. Казберова, А. А. Майдыкова, В. В. Меркурьева, А. А. Паненкова и некоторых других ученых обращается внимание на проблемы межведомственного сотрудничества (прежде всего МВД России и ФСИН России) в борьбе с проявлениями экстремизма и его наиболее крайней формой – терроризмом.

Криминологические и психологические особенности пресечения и предупреждения экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России представлены в работах П. В. Агапова, Е. А. Богачевской, С. А. Красенковой, В. В. Меркурьева, А. В. Петряина, Л. М. Щербаковой и др.

Различные аспекты сотрудничества УИС с религиозными организациями, в том числе в сфере профилактики правонарушений на почве национальной, этнической и религиозной розни в пенитенциарных учреждениях, являются предметом исследования в трудах В. В. Катьковой, Е. П. Красотина, А. Е. Линкевич, Д. О. Матвеева, С. П. Мишустина, В. Б. Поезжалова и др.

Система мер по противодействию радикализации мест лишения свободы и, в частности, ваххабизации уголовной среды привлекла внимание Е. В. Гнедова, И. П. Добаева, Р. Р. Сулейманова, В. В. Тулегенова, И. М. Усманова и других специалистов.

Отдельные проблемы борьбы с экстремизмом, касающиеся, главным образом, специфики личности осужденных (в том числе несовершеннолетних) за преступления экстремистской направленности и террористического характера, особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении таких осужденных рассматривали Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков, Е. Е. Гаврина, З. Ш. Матчанова, Д. В. Сочивко, М. Д. Шкунова и др.

Актуализация распространения радикальных религиозных идей и анализ проблем противодействия экстремизму в тюрьмах иностранных государств нашли отражение, например, в работах Т. А. Абдрашитовой (страны СНГ), Б. С. Дубанаева (Кыргызская Республика), Г. Т. Кужабаевой и Б. И. Сарсенбаева (Республика Казахстан).

В источниках подчеркивается, что зарубежные пенитенциарные учреждения выступают в качестве

одного из основных каналов распространения радикальных идеологий. Наиболее показательны в этом отношении исследования Д. А. Нечитайло – «Радикальный исламизм в тюрьмах» (исправительные учреждения США, Франции, Испании и др.), И. А. Селезнева – «Феномен радикального политического ислама в делинквентной среде в современных странах Европы и России», А. М. Сысоева – «Подходы к пенитенциарной дерадикализации осужденных за проявления религиозного экстремизма в странах Ближнего Востока и Азии», Э. Либлинг (Великобритания) [4], К. Бьоркмана (Итальянская Республика) [2] и других отечественных и зарубежных экспертов.

Широкую известность получили научно-исследовательские работы в сфере экстремизма (в том числе в пенитенциарной среде) первого исполнительного директора Сектора предупреждения терроризма ООН, известного голландского ученого доктора Алекса Питера Шмида [1] и ведущего мирового эксперта по тюремной радикализации профессора криминологии Марка С. Хэмма [3] (США).

Существенное значение в данной области науки имеет комплексное исследование (на основе анализа пенитенциарных учреждений 15 стран) о роли тюрем в радикализации заключенных, проведенное директором Международного центра по изучению радикализации профессором Королевского колледжа в Лондоне П. Нойманном (Великобритания) [5].

В работах указанных авторов отмечается устойчивое нарастание масштабов радикализации социальной среды осужденных в странах дальнего и ближнего зарубежья; подчеркивается опасный характер этой тенденции; приводятся меры, направленные на противодействие экстремизму в пенитенциарных учреждениях.

Все исследователи сходятся во мнении, что в современных условиях важнейшими направлениями социальной и правоохранительной деятельности пенитенциарных учреждений в контексте противодействия экстремизму являются минимизация или устранение причин и условий его распространения в местах лишения свободы, а также негативных последствий радикализации осужденных.

Анализ публикаций ученых, которых заинтересовали проблемы пенитенциарного экстремизма, позволяет нам условно выделить три основных этапа развития научных исследований в рассматриваемой сфере, соответствующих определенным устойчивым динамическим характеристикам, закономерностям проявлений в обществе экстремизма с начала 2000-х гг.: первый этап – начало 2000-х – 2010 гг.; второй этап – 2010 – 2013 гг.; третий этап – 2013 г. – настоящее время.

Первый этап характеризуется постепенной тенденцией к радикализации уголовной среды, распространением радикальных идеологий в местах лишения свободы, недостатком контроля за поступлением религиозной литературы в исправительные учреждения и, как следствие, отсутствием общей концепции профилактической работы с осужденными за преступления экстремистского характера и террористической направленности.

Научные исследования вопросов, связанных с экстремистской деятельностью в учреждениях УИС, на этом этапе были посвящены в основном изучению специфики личности осужденного за террористические преступления. Связано это в первую очередь с тем, что конец XX – начало XXI в. в России ознаменованы стремительным ростом проявлений массовых беспорядков на почве политической, расовой, национальной или религиозной нетерпимости, активизацией деятельности экстремистских организаций и движений на территории России, ростом количества их участников и совершаемых ими тяжких преступлений экстремистского характера и террористической направленности. В этот период наблюдалась чрезвычайно высокая активность незаконных вооруженных формирований, произошло обострение взаимоотношений между национально-этническими и религиозными группами. Рост крайних проявлений экстремизма в стране стал представлять серьезную угрозу стабильности государства и общественной безопасности. В это время происходит становление нормативной правовой базы, регламентирующей противодействие экстремизму и терроризму. Государственная Дума Федерального Собрания РФ в 2002 г. принимает федеральный закон, который определяет правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности и устанавливает ответственность за ее осуществление. В 2006 г. Госдума приняла Закон «О противодействии терроризму», который впервые предусматривал создание общегосударственной системы противодействия терроризму в стране.

Для *второго этапа* применительно к деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, характерны:

- существенное увеличение потока экстремистских материалов в исправительные учреждения;
- активное рекрутирование в ряды экстремистов новых сторонников из числа осужденных;
- появление организованных подпольных ячеек (джамаатов) международных террористических организаций в исправительных учреждениях;
- сращивание идей радикальных группировок с криминальной идеологией и «тюремными законами»;
- стремление к объединению экстремистских организаций с организованными преступными

формированиями, в том числе транснациональными.

В этот период постепенно приходит понимание необходимости повышения эффективности деятельности по пресечению распространения радикальных идей в учреждениях УИС, организации активной контрпропагандистской работы в среде осужденных, значимости постепенной реабилитации осужденных за экстремистские преступления.

Возросший интерес к исследованию проблем противодействия экстремизму в органах и учреждениях УИС России на современном этапе определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, высокий уровень исследовательской активности связан с наблюдаемым за последние десять лет стабильным ростом проявлений экстремизма в различных сферах жизни общества, о чем свидетельствует официальная статистика. Общее количество зарегистрированных преступлений террористического характера и актов уголовно наказуемого экстремизма в 2013 г. превысило 1,5 тыс. (661 и 896 преступлений соответственно). В 2014 г. отечественные суды рассмотрели почти в два раза больше дел по экстремистским статьям: за год было зарегистрировано 1127 преступлений террористического характера (+70,5 %) и 1024 преступления экстремистской направленности (+14,3 %). В 2015 г. только за 9 месяцев было зарегистрировано 1144 преступления террористического характера (+47,8 %) и 1028 преступлений экстремистской направленности (+30,3 %).

Во-вторых, обозначенные выше негативные тенденции в полной мере проявились и в пенитенциарной сфере. На фоне общего снижения по стране в целом численности осужденных (с 864 тыс. в начале января 2010 г. до 642 тыс. на 1 октября 2015 г.) количество осужденных за экстремизм продолжает неуклонно расти: в 2011 г. – 574, 2012 – 1056, в 2013 г. – 1199 осужденных. В 2014 г. было зарегистрировано 1127 преступлений террористического характера и 1024 преступления экстремистской направленности. Значительно увеличилось число осужденных, состоящих на профилактическом учете в исправительных учреждениях ФСИН России как лица, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию. Кроме того, наблюдается повышенная противоправная активность лиц и групп, представляющих радикальные объединения. Значительно возросло количество организаций, совершающих правонарушения по мотивам национальной, расовой и религиозной ненависти, которые могут представлять угрозу целостности и нормальному функционированию органов УИС России. Не секрет, что эти организации используют

ют исправительные учреждения в целях распространения экстремистских материалов и пропаганды своих идей, вовлечения в ряды радикальных групп новых членов из числа лиц, содержащихся и отбывающих наказание в местах лишения свободы, создания местных ячеек. Сложившаяся ситуация вызвала необходимость определения места и роли пенитенциарных органов в государственном механизме противодействия проявлениям экстремизма, а также острый научный интерес к проблеме распространения в исправительных учреждениях радикальных идей.

В-третьих, своеобразным толчком для новых исследований в рассматриваемой сфере можно назвать прошедшую 21 ноября 2013 г. в Москве Всероссийскую конференцию «О мерах по противодействию распространению в исправительных учреждениях радикализма, религиозного экстремизма». По итогам конференции была принята резолюция, направленная на создание и реализацию системы мер по противодействию распространению в исправительных учреждениях и следственных изоляторах радикализма и религиозного экстремизма. В качестве первоочередных были предложены следующие меры:

- активное привлечение к работе по профилактике распространения религиозного экстремизма и радикализма среди осужденных и лиц, содержащихся под стражей, представителей религиозных организаций, для которых неприемлемы экстремистские идеологии;

- введение в практику выявления среди осужденных и лиц, содержащихся под стражей, пропагандистов данной идеологии и их изоляция от остальной массы осужденных, подозреваемых и обвиняемых;

- оснащение следственных изоляторов техническими системами блокирования сигналов сотовой связи и ограничения доступа к сети Интернет с целью повышения степени защиты от воздействия экстремистской идеологии на подозреваемых и обвиняемых;

- разработка и внедрение в среде лиц, содержащихся в местах лишения свободы и являющихся носителями религиозных экстремистских убеждений, специализированных комплексных психолого-педагогических программ, направленных на формирование толерантного отношения к представителям иных вероисповеданий, отказ от радикальных экстремистских установок.

Вслед за этим последовали ставшие уже традиционными ежегодные научно-практические и обучающие семинары для священнослужителей, совершающих служение в местах лишения свободы, круглые столы по вопросам противодействия экстремизму в ИУ с участием широкого круга специалистов, организованные на базе ведомственных

вузов ФСИН России (в Самаре, Вологде, Владимире и др.).

Существенное увеличение количества научных исследований и основанных на них научных публикаций, учебно-методических разработок и практических рекомендаций не снижает научной новизны, напротив, свидетельствует об актуальности и дискуссионности проблем противодействия экстремизму в пенитенциарной сфере. Проблемы радикализации исправительных учреждений России сегодня находятся в центре внимания отечественных ученых и специалистов.

Авторская периодизация развития научной мысли по наиболее заметным вопросам противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы приведена в целях придания излагаемому материалу определенной последовательности и является лишь промежуточными субъективными выводами.

Несмотря на значительное число публикаций, посвященных вопросам противодействия распространению идеологии экстремизма в местах лишения свободы, проведенный содержательный контент-анализ работ позволяет нам сделать вывод о том, что многие аспекты этой темы, обусловленные современными обстоятельствами, остаются малоизученными и требуют дальнейшей разработки. Важнейшими направлениями научных разработок являются:

- особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, осужденных за преступления экстремистского характера и террористической направленности;

- совершенствование оперативно-розыскной деятельности оперативных аппаратов исправительных учреждений в работе по противодействию экстремизму;

- теоретико-методологическое обоснование психологической работы с осужденными по противодействию распространению идей радикализма в исправительных учреждениях;

- психолого-педагогическое воздействие на осужденных за преступления экстремистского характера и террористической направленности;

- взаимодействие правоохранительных органов по пресечению и предупреждению экстремистской деятельности в исправительных учреждениях;

- сотрудничество с религиозными организациями в сфере профилактики экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы;

- идеологическое и информационное противодействие экстремизму в местах лишения свободы;

- изучение, анализ и обобщение научно обоснованного передового опыта и проблем противодействия экстремизму в пенитенциарных учреждениях иностранных государств.

Одним из приоритетных направлений развития пенитенциарной системы является создание механизма организационно-правового обеспечения противодействия распространению экстремизма в пенитенциарной сфере.

В сложившейся ситуации необходимо говорить о востребованности научных разработок по совершенствованию административно-юрисдикционной деятельности учреждений УИС в контексте предупреждения и пресечения административных правонарушений экстремистского характера. Приходится констатировать и недостаток фундаментальных, обобщающих работ в направлении

организации деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по соблюдению законодательства о противодействии экстремизму в местах изоляции от общества.

На современном этапе развития российской науки можно говорить об отсутствии междисциплинарных научных работ, предусматривающих комплексное исследование методологических, организационных и правовых основ противодействия экстремизму органами и учреждениями УИС России как одного из направлений обеспечения национальной безопасности государства.

Список литературы

1. Alex P. Schmid. Radicalisation, De-Radicalisation and Counter-Radicalisation. The Hague: ICCT, March 2013, p. 97.
2. Björkman C. Salafi–Jihadi terrorism in Italy. Understanding Violent Radicalisation. Terrorist and Jihadist Movement in Europe. Ed. by Magnus Ranstorp. London ; New York, 2010, p. 245.
3. Hamm M. S. Prisoner Radicalization Assessing the Threat in U.S. Correctional Institutions, NIJ Journal No 261, National Institute of Justice, U.S. Dept. of Justice, Washington D.C., 2008, pp. 14–19.
4. Liebling A., Arnold H., Straub C. An exploration of staff-prisoner relationships at HMP Whitemoor: 12 Years On', Institute of Criminology, University of Cambridge, 2011, p. 192.
5. Neumann P. R. Prisons and terrorism radicalisation and de-radicalisation in 15 countries. London, England: ICSR, King's College London, 2010. URL : www.start.umd.edu/publication/prisons-and-terrorism-radicalisation-and-de-radicalisation-15-countries (дата обращения: 11.01.2016).

MAKSIM ALEKSANDROVICH JAVORSKY,

phd in law,
associate professor at the state and legal disciplines department
(Samara law institute of the FPS of Russia),
e-mail: yavorm@mail.ru

PRISON EXTREMISM: MODERN VECTOR OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC THOUGHT IN HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Abstract: the aim of the article is to study the problems of analysis of counteraction to extremism in the institutions executing criminal penalties of imprisonment. The author gives a generalized description of the main directions of development of the modern theory and practice to counter extremism in prisons. Based on the content analysis of studies on the radicalization in prisons, as well as the publication activity of Russian and foreign scientists and experts, proposed periodization main stages of the development of scientific research in this field. Researchers agree that in the present conditions the most important areas of social and law enforcement in the context of penitentiaries to counter extremism is to minimize or eliminate the causes and conditions of its distribution in places of detention, as well as the negative consequences of the radicalization of prisoners.

The author points out that many aspects of this topic are poorly understood and require further development. The work is aimed at further comprehensive study of methodological, institutional and legal frameworks to counter extremism in prisons, as one of the directions of the national security state.

Key words: prevention of the offenses. radicalization condemned counteraction to extremism. penal system.

References

1. Alex P. Schmid. Radicalisation, De-Radicalisation and Counter-Radicalisation. The Hague: ICCT, March 2013 p. 97.

2. Björkman C. Salafi–Jihadi terrorism in Italy. Understanding Violent Radicalisation. Terrorist and Jihadist Movement in Europe. Ed. by Magnus Ranstorp. London; New York, 2010, p. 245.
3. Hamm M. S. Prisoner Radicalization Assessing the Threat in U.S. Correctional Institutions, NIJ Journal No 261, National Institute of Justice, U.S. Dept. of Justice, Washington D.C., 2008, pp. 14–19.
4. Liebling A., Arnold H., Straub C. An exploration of staff-prisoner relationships at HMP Whitemoor: 12 Years On', Institute of Criminology, University of Cambridge, 2011, p. 192.
5. Neumann P. R. Prisons and terrorism radicalisation and de-radicalisation in 15 countries. London, England: ICSR, King's College London, 2010. Available at: www.start.umd.edu/publication/prisons-and-terrorism-radicalisation-and-de-radicalisation-15-countries (Accessed 11.01.2016).

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КЕМОВА,
старший лаборант кафедры огневой подготовки
(Академия ФСИН России),
e-mail: natalyakoluntaeva@mail.ru

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХУЛИГАНСТВО: ОТ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО СОСТАВА К РОДОВОМУ ПОНЯТИЮ

Реферат: в статье рассматривается российское законодательство об ответственности за преступления, совершаемые из хулиганских побуждений. Обращено внимание на то, что прежняя редакция ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривала конкретные действия, в которых может быть выражено хулиганство, а в действующей редакции этого нет. Польза от такой законодательной реконструкции невелика. Сложное понятие хулиганства, основанное на совокупности оценочных признаков, приобрело еще более абстрактные черты. Все это внесло дополнительные трудности в процесс квалификации.

Несмотря на попытку законодателя конкретизировать признаки объективной стороны, понятие хулиганства сохранило те же черты в виде грубого нарушения общественного порядка и явного неуважения к обществу. Таким образом, прослеживается стремление законодателя ограничить хулиганство только наиболее опасными действиями, а остальные оставить за пределами уголовного закона в рамках обеспечения общественного порядка.

Ключевые слова: хулиганство, общественный порядок, хулиганское побуждение, мелкое хулиганство, квалифицирующий признак, состав преступления.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) 1996 г. ст. 213 «Хулиганство» располагается в разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности». УК РФ рассматривает хулиганство как преступление, направленное именно против общественной безопасности, которая служит дополнительным объектом по отношению к грубому нарушению общественного порядка и выражению явного неуважения к обществу. В первой редакции ст. 213 УК РФ 1996 г. под хулиганством законодатель понимал «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Без этих признаков хулиганские действия не образовывали уголовно наказуемого хулиганства. Таким образом, исключалась уголовная ответственность за определенные действия, совершаемые из хулиганских побуждений, которые представляют собой классическое грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу [1, с. 13]. Данное определение характеризует объективную сторону этого преступления, но также содержит указание на его основной объект (грубое нарушение общественного порядка) и проявляющийся вовне мотив (выражение явного неуважения к обществу).

Максимальная санкция за совершение действий, указанных в ч. 1 ст. 213 УК РФ, составляла лишение свободы сроком до двух лет. В новой ре-

дакции ст. 213 УК РФ 1996 г. уже не содержалось квалифицирующего признака в виде повторного совершения мелкого хулиганства, был переработан и такой квалифицирующий признак, как особо злобное хулиганство. Теперь в ч. 3 ст. 213 УК РФ сохранилась более емкая диспозиция: «Хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия», а санкция по ч. 3 ст. 213 УК РФ предусматривала наказание в виде лишения свободы от четырех до семи лет. В то же время остался такой квалифицирующий признак хулиганства, как совершение его лицом, ранее судимым за хулиганство, санкция за которое претерпела изменения, и максимальное наказание составляло пять лет лишения свободы.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в Кодекс были внесены существенные изменения, которые коснулись и ст. 213 УК РФ. Теперь хулиганством признается только действие, «грубо нарушающее общественный порядок, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия». Часть 3 ст. 213 УК РФ как квалифицированный состав в прежней редакции полностью вошла в содержание основного состава ч. 1 ст. 213 УК РФ, то есть в определение самого понятия хулиганства. Создалось своеобразное положение: если в прежней редакции ч. 1 ст. 213 предусматрива-

лось, в каких действиях может быть выражено хулиганство, то в действующей редакции этого нет. Речь идет только о применении оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Нам представляется, что польза от такой законодательной реконструкции невелика. Сложное понятие «хулиганство», основанное на совокупности оценочных признаков, приобрело еще более абстрактные черты за счет исключения из ч. 1 ст. 213 УК РФ таких конкретизирующих признаков внешней стороны данного деяния, как «применение насилия к гражданам либо угроза его применения» и «уничтожение или повреждение чужого имущества». Перенос в ч. 1 ст. 213 УК РФ особо квалифицирующего признака (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия) с одновременным исключением части третьей данной статьи не только не конкретизировал дефиницию хулиганства, но и внес дополнительные трудности в процесс квалификации. Исключение из состава хулиганства признаков насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества не декриминализовало данные деяния в связи с введением хулиганских побуждений в качестве квалифицирующего признака в ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116 (побои), ст. 167 (умышленное уничтожение или повреждение имущества).

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления стало совершение его с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Именно этот признак позволяет отличить уголовно наказуемое хулиганство от административно наказуемого мелкого хулиганства, под которым согласно ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ понимается нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. Понятием «оружие» охватывается огнестрельное и холодное оружие, в том числе метательное, оружие как заводского, так и кустарного производства. Предметами, используемыми в качестве оружия, могут признаваться любые предметы (топоры, металлические прутья, камни, бутылки и т. п.), которые были предварительно приготовлены или приспособлены для совершения хулиганства либо подобраны на месте его совершения. «Применение» означает использование оружия или предметов для фактического причинения вреда здоровью людей либо создание реальной угрозы такого вреда. Хулиганство признается оконченным преступлением с момента фактического применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия [2, с. 32].

Кроме того, законодатель увеличил число составов преступлений, предусматривающих хулиганские побуждения в качестве конститутивного либо квалифицирующего признака. Помимо убийства (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ), как это было в УК РСФСР 1960 г., данный признак был указан в п. «д» ч. 2 ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» и ст. 245 «Жестокое обращение с животными» УК РФ. Позже в УК РФ 1996 г. была введена еще и ст. 215.2 об ответственности за приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, совершенное из корыстных или хулиганских побуждений. Данные дополнения закона усложнили процесс квалификации и сузили сферу применения статьи об ответственности за хулиганство, так как соответствующие побуждения всегда рассматривались в теории и на практике как неотъемлемый признак именно этого деяния, позволявший производить его отграничение от смежных составов преступлений. Помимо этого, введение в уголовное законодательство статьи об ответственности за вандализм, ранее рассматривавшийся как один из способов совершения хулиганства [3, с. 61], также отразилось на квалификации последнего. После соответствующих изменений уголовного законодательства особым вниманием стали заслуживать проблемы уголовно-правовой оценки поведения, продиктованного хулиганскими побуждениями. Действия, сопряженные с применением насилия против личности, следует квалифицировать по ст. 105, 111, 112, 115, 116 УК РФ в зависимости от последствий примененного насилия для здоровья. Если хулиганские действия будут сопровождаться угрозой причинения тяжкого вреда здоровью или убийством и потерпевший будет реально их опасаться, то квалифицировать действия хулигана следует по ст. 119 УК РФ, причем хулиганский мотив не будет иметь значения для квалификации по этой статье, так как уголовный закон охраняет общественный порядок на уровне не только конкретной нормы, но и всей системы норм Особенной части УК РФ [4, с. 29].

После всех этих изменений противоправность хулиганства следует рассматривать в соотношении с иными уголовно наказуемыми деяниями, совершаемыми из хулиганских побуждений, и определить их перечень, составляющий определенную систему. К таким деяниям относятся преступления, предусмотренные в следующих статьях УК РФ: п. «и» ч. 2 ст. 105 «Убийство»; п. «д» ч. 2 ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; п. «д» ч. 2 ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; ч. 2 ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда

здоровью»; ч. 2 ст. 116 «Побои»; ч. 2 ст. 167 «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества»; ст. 215.2 «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения»; ст. 245 «Жестокое обращение с животными». При этом в ст. 215.2 и 245 УК РФ хулиганские побуждения выступают признаками основного состава преступления, в остальных указанных статьях этого Кодекса данный признак является квалифицирующим.

Специфичность данного мотива определяет направленность посягательства на нарушение общественного порядка и придает ему внешнее сходство с хулиганством.

Несмотря на указанные конкретизирующие признаки объективной стороны, понятие хулиганства по-прежнему сохранило те же оценочные черты в виде грубого нарушения общественного порядка и явного неуважения к обществу. При этом расплывчатость диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ усугублялась отсутствием в ней критериев для определения степени тяжести вреда здоровью, причиняемого при насилии и размера материального ущерба при уничтожении или повреждении чужого имущества, охватываемых хулиганством и не требующих дополнительной квалификации.

Таким образом, прослеживается стремление законодателя ограничить хулиганство только наиболее опасными действиями, а остальные оставить за пределами уголовного закона в рамках

обеспечения общественного порядка. Если учесть распространенность и разнообразие хулиганских действий в современной жизни, в том числе совершаемых подростками, и фактическое отсутствие других эффективных мер воздействия на них, то возникает простор для вседозволенности, безнаказанного поведения. Нормальная общественная жизнь, спокойствие законопослушных граждан все более становятся не защищенными государством.

Такой подход нам кажется не совсем оправданным и с точки зрения профилактики насильственных преступлений. В криминологии еще с советских времен была установлена жесткая корреляционная связь с количеством совершенных хулиганств и насильственных преступлений – игнорирование борьбы с хулиганствами однозначно вело к последующему росту насильственных деяний. Современное законодательное закрепление противоправных деяний, совершенных из хулиганских побуждений, такую связь, которая на самом деле очевидна и не требует доказательств, косвенно скрывает. При этом, следуя логике законодателя о том, что при применении неопасного для здоровья насилия или уничтожении имущества при наличии хулиганского мотива страдает прежде всего личность или отношения собственности, пиратство или терроризм следует перенести в раздел преступлений против личности и собственности.

Список литературы

1. Андреева Л., Овчинникова Г. Ответственность за хулиганство // Законность. 2004. № 5. С. 13.
2. Гулько А. Л. История уголовной ответственности за хулиганство в России // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 32.
3. Данышин И. Н. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Харьков, 1971. 192 с.
4. Колунтаева Н. Н. Понятие и общие признаки преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, в современном уголовном законодательстве // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2. С. 29.

NATALYA NIKOLAEVNA KEMOVA,
senior laboratory assistant, fire preparation department
(Academies of the FPS of Russia),
e-mail: natalyakoluntaeva@mail.ru

DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA PROVIDING RESPONSIBILITY FOR HOOLIGANISM: FROM THE QUALIFIED STRUCTURE TO THE GENERIC TERM

Abstract: in the article systemically Russian legislation on responsibility for the crimes committed from hooligan motives is considered. The attention that former edition p.1 of Art. 213 of the Criminal code of the Russian Federation provided specific actions in which hooliganism can be expressed is paid.

The advantage of such legislative reconstruction is small. This concept of hooliganism based on set of estimated signs has gained even more abstract lines. All this has brought additional difficulties in qualification process.

Despite attempt of the legislator to concretize signs of the objective party, the concept of hooliganism has still kept the same estimated lines in the form of a gross violation of public order and obvious disrespect for so-

ciety. Thus, the aspiration of the legislator to limit hooliganism only to the most dangerous actions, and to leave the others outside the criminal law within providing a public order is traced.

Key words: hooliganism, public order, hooligan motivation, disorderly conduct, the qualifying sign, corpus delicti.

References

1. Andreeva L., Ovchinnikova G. Otvetstvennost' za huliganstvo [Responsibility for hooliganism]. Zakonnost' – Legality, 2004, no. 5, p. 13.
2. Gul'ko A. L. Istorija ugovnoy otvetstvennosti za huliganstvo v Rossii [History of criminal liability for hooliganism in Russia]. Advokatskaja praktika – Lawyer practice, 2006, no. 5, p. 32.
3. Dan'shin I. N. Otvetstvennost' za huliganstvo po sovetскому уголовному праву [Responsibility for hooliganism on the Soviet criminal law]. Harkov, 1971. 192 p.
4. Koluntaeva N. N. Ponjatie i obshhie priznaki prestuplenij, sovershaemyh iz huliganskih pobuzhdenij, v sovremennom ugovnom zakonodatel'stve [Concept and the general signs of the crimes committed from hooligan motives of the modern criminal legislation]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 2, p. 29.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЛЕШОВ,
старший преподаватель кафедры мобилизационной
и тактико-специальной подготовки
(Академия ФСИН России),
e-mail: kul.mixail2014@yandex.ru

РЕЖИМ ОСОБЫХ УСЛОВИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Реферат: в статье рассматривается понятие режима особых условий в исправительном учреждении. Уточнение понятия обеспечения прав и законных интересов осужденных в условиях режима особых условий невозможно без таких его составляющих, как режим особых условий, стихийное бедствие, чрезвычайное положение, массовые беспорядки, групповые неповиновения осужденных. Одни из них в литературе освещены в большей степени, другие – в меньшей, между тем единой точки зрения нет.

Систематический анализ понятий, определяющих содержание режима особых условий в исправительных учреждениях, позволяет сделать вывод о том, что при исполнении наказаний в виде лишения свободы в режиме особых условий осужденным гарантируются права и законные интересы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, уголовно-исполнительным законодательством и другими федеральными законами.

Ключевые слова: режим особых условий, чрезвычайные обстоятельства, чрезвычайные ситуации, уголовно-исполнительная система.

В научной литературе стало аксиомой при рассмотрении вопросов уточнять понятийный аппарат. Это касается дисциплин, носящих оценочный характер.

В области охраны прав, свобод и законных интересов осужденных необходимо, чтобы адресаты закона могли легко понять его содержание. Так, А. Г. Антонян отмечал: «Двусмысленный или неясный термин ведет к предоставлению неоправданной степени свободы принятия решения должностному лицу, которое ответственно за исполнение данного закона. Неясный термин, не имеющий ограничений, дает такую же неограниченную свободу» [1].

Уточнение понятия обеспечения прав и законных интересов осужденных в условиях режима особых условий невозможно без таких его составляющих понятий, как: «режим особых условий», «стихийное бедствие», «чрезвычайное положение», «массовые беспорядки», «групповые неповиновения осужденных». Одни из них в литературе освещены в большей степени, другие – в меньшей, между тем единой точки зрения нет. Необходимость выработки общей позиции по этому вопросу имеет непреходящее значение в области обеспечения прав и законных интересов осужденных в местах лишения свободы вообще, а при режиме особых условий – тем более. Последнее особенно важно, так как при решении задач в условиях режима особых условий в исправительных учреждениях привлекаются различные силы, сред-

ства, ведомства, их сотрудники имеют неодинаковую теоретическую, правовую и практическую подготовку, а режим особых условий предполагает принятие быстрых, оперативных решений, обеспечивая при этом защиту прав и законных интересов осужденных.

Так, согласно ст. 4 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» «введение режима чрезвычайного или военного положения на всей территории Российской Федерации либо на ее части не прекращает и не приостанавливает деятельности уполномоченного и не влечет ограничения его компетенции».

В соответствии с другой нормой (ст. 2 Закона) при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты, сотрудник имеет право по собственной инициативе принять соответствующие меры в пределах своей компетенции.

В период действия режима особых условий в исправительных учреждениях не прекращаются полномочия членов общественной наблюдательной комиссии, в том числе посещение места принудительного содержания с согласия руководителя федерального или соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы

(ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 10 апреля 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»).

Законодательство об общественном контроле никак не конкретизирует возможность участия других форм общественных объединений в защите прав и законных интересов осужденных при режиме особых условий (ч. 9 ст. 6 Федерального закона от 25 июня 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»).

И. П. Щербань на основании положений Федерального конституционного закона, постановления Правительства Российской Федерации «Положение о классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и нормативных актов МВД России и Минюста России приводит свою классификацию чрезвычайных обстоятельств: внутренние и внешние чрезвычайные обстоятельства. Под внутренними чрезвычайными обстоятельствами он понимает чрезвычайные ситуации криминального характера, под внешними – чрезвычайные ситуации политического характера; чрезвычайные ситуации природного, техногенного, экологического характеров.

Н. П. Барабанов дает следующее определение понятию «чрезвычайная ситуация»: «Чрезвычайной ситуацией криминального характера в ИУ следует считать такую ситуацию, когда криминогенные процессы и явления, происходящие среди осужденных, и другие факторы обусловили создание сложной оперативной обстановки, вызвали панические настроения, распространение слухов, причинение тяжкого вреда здоровью осужденных или персоналу, совершение осужденными убийств, нападений на персонал, захват заложников, побег, групповые хулиганства, неповиновения, массовые беспорядки, возникновение угрозы жизни осужденных и персоналу, нарушение устойчивого функционирования исправительных учреждений» [2].

По мнению Д. А. Гришина, «предложенное определение достаточно полно раскрывает понятие ЧС в местах лишения свободы. В нем прослеживается связь между криминогенными процессами и явлениями и состоянием оперативной обстановки в ИУ, а также конкретизируются основные признаки и негативные социальные последствия наступления ЧС криминогенного характера в местах лишения свободы» [3].

А. М. Киселев, А. А. Чабыкин, В. И. Ашихмин и другие авторы под чрезвычайной ситуацией понимают состояние, при котором в результате возникновения источника чрезвычайной ситуации на объекте, определенной территории или акватории нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, возникает угроза их жизни и

здоровью, наносится ущерб имуществу населения, народному хозяйству и окружающей природной среде [4]. Авторы приводят различные категории чрезвычайных ситуаций: стихийные бедствия – катастрофические природные явления, которые могут вызвать многочисленные человеческие жертвы, значительный материальный ущерб и другие тяжелые последствия. К стихийным бедствиям относятся землетрясения, наводнения, оползни, сели, ураганы, смерчи, тайфуны, цунами, природные пожары и т. д. [4]

Все чрезвычайные ситуации авторы подразделяют на следующие группы:

- землетрясения, извержения вулканов, оползни, сели, обвалы, оплывы, лавины, просадка (и провал) земной поверхности, пыльные бури и др.;
- стихийные бедствия, связанные с метеорологическими природными явлениями;
- бедствия, связанные с гидрологическими природными явлениями (циклоны, цунами и др.);
- природные пожары;
- чрезвычайные ситуации, связанные с инфекционной заболеваемостью.

В литературе имеет место и другая классификация, не имеющая принципиальных отличий от изложенной выше.

Приводимая И. П. Щербанем, Н. П. Барабановым и другими авторами классификация опосредованно неправильно трактует содержание режима особых условий в исправительных учреждениях. Например, в УИК РФ приводится исчерпывающий перечень деяний криминального характера (массовые беспорядки, групповые неповиновения осужденных в исправительном учреждении). По классификации Н. П. Барабанова содержанием режима особых условий охватываются и такие деяния, как распространение слухов, причинение тяжкого вреда здоровью, совершение убийств, побег и др. В приведенном ранее понятии чрезвычайного положения указанных деяний нет, нет их и в ст. 85 УИК РФ. Надо ли говорить о правовом значении этих факторов? Расширительное их толкование, выходящее за рамки указанной статьи, создает условия для нарушения прав и законных интересов осужденных.

Мы разделяем позицию авторов о необходимости уточнения ряда положений, относящихся к чрезвычайному положению как в целом, так и применительно к уголовно-исполнительной системе. Так, Е. С. Калина пишет: «В действующем законодательстве России различия между ситуацией, служащей основанием введения чрезвычайного положения, и чрезвычайной ситуацией природного или техногенного характера, не содержащей таких признаков, отчетливо видны, но чрезвычайно слабо выражены в терминологическом отношении.

Эти принципиально разные явления обозначаются одним и тем же выражением, что порождает неопределенность в его трактовке. Необходимо, чтобы существенные отличия между этими двумя принципиально различными явлениями отчетливо осознавались и стали неотъемлемым элементом правового сознания субъектов, наделенных властными полномочиями в сфере государственного управления. Недостаточно ясное понимание указанного разграничения чревато правовым нигилизмом, преувеличением роли чрезвычайного права в ущерб регулярному праву, может приводить к принятию решений, неправомерно ограничивающих права и свободы граждан в условиях режима чрезвычайной ситуации, либо к принятию декларативных, не работающих актов». Это можно было бы сделать путем классификации чрезвычайного положения на чрезвычайные обстоятельства и чрезвычайные ситуации, раскрыв их содержание и закрепив законодательно. Основой здесь должны быть понятия, сформулированные в Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении». При этом следует привести перечень чрезвычайных ситуаций и чрезвычайных обстоятельств в исправительных учреждениях, при которых может быть введен режим особых условий.

Военное положение вводится в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии. Оно вводится Президентом Российской Федерации на всей территории страны или в ее отдельных местностях с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (п. 2 ст. 87 Конституции РФ).

Из ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» следует, что формирования и органы ФСИН России в период действия военного положения применяются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Режимом особых условий охватываются и такие понятия, как массовые беспорядки и групповые неповиновения.

Под массовыми беспорядками понимаются действия большого скопления народа, массы людей, которые сопровождаются насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением взрывных устройств или взрывчатых веществ, а также вооруженное сопротивление представителям власти [5].

Как состав преступления данное деяние раскрывается следующим образом: «Организация массо-

вых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, а равно подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них» (ч. 1 ст. 212 УК РФ).

Групповое неповиновение выражается в отказе осужденных выполнять распоряжения и требования администрации исправительного учреждения, вытекающие из установленного законом порядка отбывания наказания либо предписаний внутреннего распорядка учреждения. Неповиновение, как правило, проявляется в открытом публичном заявлении осужденных об отказе выполнять законные требования администрации, в редких случаях в их игнорировании. Это может быть отказ выходить на работу, следовать в столовую, прибывать в дежурную часть для разбирательства, давать объяснения. Неповиновение осужденных может быть связано с возникновением в исправительном учреждении экстремальных ситуаций криминального характера (совершение убийств, захватов заложников, хулиганств, массовых беспорядков).

И. П. Щербань к групповым неповиновениям относит и другие деяния, если они не содержат в себе состава преступления и являются согласно ст. 116 УИК РФ «злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы». С такой трактовкой понятия группового неповиновения вряд ли можно согласиться. Ссылки автора на деяния, предусмотренные ст. 116 УИК РФ, не во всех отношениях выдерживают критику. Например, трудно согласиться с отнесением к групповым неповиновениям осужденных таких деяний, как: мелкое хулиганство, изготовление, хранение или передача запрещенных предметов, мужеложство, лесбиянство.

Требуется нормативное закрепление перечня деяний, которые характеризуют групповые неповиновения. Часть из них содержится в указанной статье: угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления; организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участие в них; организация группировок осужденных, направленных на совершение указанных в данной статье правонарушений, а равно активное участие в них; отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин.

Систематический анализ понятий, определяющих содержание режима особых условий в исправительных учреждениях (стихийное бедст-

вие, чрезвычайное или военное положение, массовые беспорядки, групповые неповиновения осужденных), позволяет сделать вывод о том, что при исполнении наказаний в виде лишения свободы в режиме особых условий осужденным гарантируются права и законные интересы граж-

дан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, уголовно-исполнительным законодательством и другими федеральными законами.

Список литературы

1. Антонян А. Г. Некоторые проблемы использования оценочных понятий в конструировании норм уголовно-исполнительного права // Вестник Томского государственного университета. Сер. Право. 2012. № 1. С. 13–21.
2. Барабанов Н. П. Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях : монография : в 2 ч. Рязань, 1994. Ч. 1. 146 с.
3. Гришин Д. А. Организация профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при чрезвычайных обстоятельствах : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.
4. Тактико-специальная подготовка : курс лекций. Рязань, 2015.
5. Российская юридическая энциклопедия / под ред. А. Я. Сухарева. М., 1999. 1110 с.

MIKHAIL ALEKSANDROVICH KULESHOV,

senior lecturer at the department of
mobilization and tactical and special training
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: kul.mixail2014@yandex.ru

THE MODE OF SPECIAL CONDITIONS IN CORRECTIONAL FACILITY: BASIC CONCEPTS

Abstract: in article are considered concept of the mode of special conditions of correctional facility. Specification of concept of ensuring the rights and legitimate interests of the special conditions condemned in the conditions of the mode is impossible without his such components as the mode of special conditions, natural disaster, state of emergency, mass riots, group disobedience of convicts. One of them in literature are lit more, others – in smaller. Meanwhile there is no uniform point of view.

The systematic analysis of the concepts defining the maintenance of the mode of special conditions in correctional facilities allows to draw a conclusion that at execution of punishments in the form of imprisonment in the mode of special conditions the rights and legitimate interests of citizens of the Russian Federation with withdrawals and restrictions set by the Constitution of the Russian Federation, Federal constitutional laws, the criminal and executive legislation and other federal laws are guaranteed to convicts.

Key words: mode of special conditions, force majeure, emergency situations, criminal and executive system.

References

1. Antonjan A. G. Nekotorye problemy ispol'zovaniya ocenocnyh ponjatij v konstruirovanii norm ugovovno-ispolnitel'nogo prava [Some problems of use of estimated concepts of designing of norms of the criminal and executive right]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Bulletin of Tomsk state university. Law, 2012, no. 1, pp. 13–21.
2. Barabanov N. P. Preduprezhdenie i presechenie chrezvychajnyh situacij kriminal'nogo haraktera v ispravitel'nyh uchrezhdenijah [The prevention and suppression of emergency situations of criminal character in correctional facilities]. In 2 parts. Ryazan, 1994. Part 1. 146 p.
3. Grishin D. A. Organizacija professional'noj podgotovki sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy k dejstviam pri chrezvychajnyh obstojatel'stvah. Dis. kand. jurid. nauk [The organization of vocational training of staff of criminal and executive system to actions at force majeure. Cand. legal sci. diss.]. Ryazan, 2005.
4. Taktiko-special'naja podgotovka [Tactical and special preparation]. Ryazan, 2015.
5. Rossijskaja juridicheskaja jenciklopedija [Russian legal encyclopedia]. Under the editorship of A. Ja. Suharev. Moscow, 1999. 1110 p.

ИРИНА СЕРГЕЕВНА МАКЕЕВА,
преподаватель кафедры уголовного права
(Уральский юридический институт МВД России),
e-mail: i.suhanova@bk.ru

О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Реферат: в статье исследуются проблемы криминализации преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства. Криминализация как метод уголовно-правовой политики наиболее широкое применение находит в период принятия нового уголовного закона. В это время целью криминализации выступает создание целостной системы уголовно-правового запрета. Объем первичной криминализации не очень велик даже при новой кодификации и подлежит в ряде случаев детальному исследованию.

Из множества предложенных в уголовно-правовой науке критериев криминализации почти все в качестве одного из них либо в качестве основного называют общественную опасность деяния. В теории уголовного права нет однозначного ответа на вопрос о структуре общественной опасности. Ученые едины только в том, что связывают структуру общественной опасности с определенными элементами состава преступления.

Правильное определение структурных элементов общественной опасности играет важную роль, так как именно они влияют на криминализацию того или иного деяния. Анализ общественной опасности преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства, позволил проиллюстрировать вред, причиняемый обществу в результате их совершения.

Ключевые слова: общественная опасность, экстремизм, распространенность, преступления экстремистской направленности, криминализация, экстремистская организация, национальная безопасность.

Экстремизм – это не только уголовно-правовое явление, представляющее собой проблему для узкого круга субъектов, но и социальное, которое своим существованием затрагивает интересы общества. Во всех проявлениях экстремизм ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность РФ, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального и межконфессионального согласия. Экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества. Это связано с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских организаций, которые угрожают национальной безопасности Российской Федерации.

За последние годы увеличилось число внешних и внутренних экстремистских угроз. К внешним угрозам относится поддержка иностранными государственными органами и организациями экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации, а также деятельность международных экстремистских и террористических организаций. Внутренние угрозы – это экстремистская деятель-

ность радикальных общественных, религиозных, неформальных объединений, некоммерческих организаций и отдельных лиц. В качестве примера можно привести материалы приговора Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 30 июля 2013 г. Г. осужден по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ за организацию деятельности экстремистской организации. Суд установил, что в период с сентября 2012 г. по 27 марта 2013 г. Г., принимая активное участие в реализации первого этапа «построения Халифата на территории России», заключающегося в скрытом увеличении численности международной террористической организации «Партия исламского освобождения „Хизб ут-Тахрир аль-Ислами”» и пропаганде ее экстремистских принципов и идей, создал в г. Южно-Сахалинске конспиративную ячейку названной организации, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена решением Верховного Суда РФ ГКПИ 03-116 от 14 февраля 2003 г. в связи с осуществлением экстремистской деятельности. При этом Г., используя хорошее знание Корана и литературы мусульманского толка, содержащей призывы к изменению конституционного строя и нарушению территориальной целостности РФ, воз-

буждению религиозной ненависти, за указанный период неоднократно организовывал и проводил тайные собрания членов созданной им ячейки, где также разъяснял методы вербовки новых членов организации и способы ее конспирации.

Право на идеологический, расовый и политический плюрализм гарантируется Основным Законом страны. Отправной точкой в рамках национальной правовой системы являются ст. 19 и 71 Конституции РФ. Статья 19 Конституции РФ определяет, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии. Ст. 71 Конституции РФ устанавливает, что территория Российской Федерации относится к исключительному ведению России, на всю ее территорию распространяется суверенитет и Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность территории.

На опасность противоправных действий неформальных организаций и группировок экстремистской направленности давно обратила внимание мировая общественность. Об этом свидетельствуют многочисленные международно-правовые нормативные акты, среди которых Всеобщая декларация прав человека; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религий или убеждений. В рамках национальной правовой системы также активно реализуется противодействие экстремистским проявлениям на законодательном уровне. В частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года одним из источников угроз национальной безопасности РФ признана экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки в стране. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, определяет цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму. Признание на законодательном уровне того или иного деяния преступным является результатом возникшей социальной необходимости в охране наиболее значимых общественных отношений.

Применительно к преступлениям экстремистской направленности интересным представляется тот факт, что проявления ненависти или вражды к лицу в силу его половой, национальной, расовой, языковой, социальной, политической принадлежности в обществе существовали всегда, однако их закрепление в отечественном уголовном законода-

тельстве произошло в 2002 г. и по настоящее время вызывает споры о целесообразности их включения в УК РФ.

Установление уголовной ответственности за то или иное негативное проявление в обществе есть результат процесса криминализации. Криминализация является одним из основных методов уголовно-правовой политики, цель которой состоит в создании упорядоченной системы норм, устанавливающих ответственность за совершение общественно опасных деяний. Из множества предложенных в уголовно-правовой науке критериев криминализации почти все в качестве одного из них либо в качестве основного называют общественную опасность деяния [1, с. 106; 3, с. 26].

Уголовное законодательство выделяет в общественной опасности качественную сторону – характер и количественную – степень. Характер общественной опасности определяется совокупностью признаков объекта посягательства, последствий, формы вины, способа совершения преступления. Степень общественной опасности представляет собой ее количественную характеристику. Она зависит от размера причиненного или потенциального ущерба, степени выраженности вины лица, его мотивов и целей и др. [5, с. 157].

Руководствуясь сформулированным понятием, определим характер общественной опасности преступлений экстремистской направленности.

Результаты проведенного анализа эмпирических материалов позволили констатировать, что общественная опасность рассматриваемых преступлений, во-первых, проявляется в посягательствах на основы конституционного строя и безопасности государства, во-вторых, заключается в проникновении в общество идеологии нацизма, расизма, ксенофобии, в социальном заражении общества преступными обычаями и традициями, что приводит к общему низкому уровню состояния культуры.

Преступления экстремистской направленности обладают повышенной общественной опасностью в связи с тем, что носят международный характер. Экстремистская идеология используется иностранными государствами в целях вторжения во внутренние дела России, создавая внутривнутриполитическую напряженность в стране и способствуя совершению населением различных насильственных действий в отношении органов государственной власти, что опасно не только для политической силы, находящейся у власти, но и для демократической государственности в целом, поскольку ведет к нарушению деятельности государственных институтов, которые обязаны обеспечивать права человека (данный вывод сделан на основании контент-анализа интернет-сайтов, освещающих проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности).

Значительное количество экстремистских формирований международной ориентации сосредоточены в Южном, Уральском, Дальневосточном и Северо-Кавказском регионах России. Взаимодействие на международном уровне происходит в связи с развитием информационных технологий. Информационно-телекоммуникационные сети, в том числе Интернет, служат для экстремистских объединений средством связи, пунктом координации действий при подготовке экстремистских акций, центром обучения методам конспирации, вербовки новых членов, архивом экстремистских материалов и т. д. Интернет избирается представителями экстремистских сообществ и организаций в силу простоты доступа, минимума регулирования, широкомасштабности, быстрого потока информации. Созданные, как правило, за пределами России сайты экстремистских организаций активно пропагандируют экстремистскую идеологию, содержат призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также пошаговые инструкции или видеопособия, демонстрирующие, например, совершение националистических убийств.

Количественная характеристика общественной опасности преступлений экстремистской направленности находит свое юридическое выражение, в частности, через крупный и особо крупный размер не поступивших в бюджет денежных средств, поскольку в большинстве своем финансирование экстремизма осуществляется путем совершения преступлений экономической направленности, что влечет за собой подрыв экономической безопасности России. Так, в 2008 г. на территории Чеченской Республики было ликвидировано преступное сообщество, занимавшееся изготовлением и сбытом поддельных денег и ценных бумаг, прибыль от деятельности которого распределялась на развитие экстремизма в регионе. Указанная деятельность для членов сообщества была не только способом приобретения денег, но и средством борьбы с идеологией, против которой они выступали [4, с. 8].

Общественная опасность рассматриваемых преступлений находит свое выражение как в юридических критериях, так и в объективной действительности. Подтверждением тому служит неоднократное обращение внимания к проблеме массовых проявлений экстремизма со стороны Президента и Правительства РФ. Так, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ В. В. Путин отметил, что «в начале XXI века мы столкнулись с настоящим демографическим и ценностным кризисом, если нация не способна себя сберечь и воспроизводить, если она утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, все и так развалится само по себе». Первоочередная задача – не допустить появления в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией,

живущих вне единого правового и культурного поля страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года в числе основных направлений государственной политики по противодействию экстремизму называют обеспечение эффективного применения норм законодательства РФ в сфере противодействия экстремизму; реализация принципа неотвратимости наказания за осуществление экстремистской деятельности; координация действий правоохранительных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, политических партий, общественных и религиозных объединений по пресечению экстремистских проявлений.

Первоначально преступления экстремистской направленности коррелировали с общеуголовной насильственной преступностью (например, убийством или причинением вреда здоровью по мотивам национальной, религиозной или расовой ненависти или вражды). Такая ситуация складывалась ввиду отсутствия со стороны государства должного контроля за межконфессиональными и межнациональными противоречиями. Все религиозные и этнические споры решались путем применения мер насильственной преступности, поскольку верующих легко вовлечь в реализацию преступных планов в отношении тех, кто глумится над их религиозными чувствами. Примером могут служить идеи ваххабизма, проникшие в 90-х годах XX века в Северо-Кавказский регион России и проявившиеся в качестве организованной преступной деятельности в формах террористических актов, вооруженных мятежей и попыток насильственного захвата власти в этом регионе для создания независимого исламского государства [6, с. 46].

В настоящее время анализируемые преступления постепенно срастаются с иными видами общественно опасных посягательств: с экономическими преступлениями, организованной преступностью и коррупционными проявлениями. В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении 28-летнего жителя г. Владимира. В июне 2010 г. он признан виновным в возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства, совершенном публично, хулиганстве, совершенном с применением оружия, по мотивам идеологической, национальной и религиозной ненависти и вражды, незаконном изготовлении взрывчатого вещества. Следствием и судом установлено, что 6 декабря 2009 г. мужчина изготовил взрывное устройство и бросил его в окно православного христианского храма Кирилла и Мефодия, расположенного на территории Владимирского государственного университета. На шпилье металлического огражде-

ния храма он разместил заранее изготовленную листовку, содержащую высказывания, направленные на возбуждение ненависти и вражды по религиозным и национальным признакам в отношении лиц еврейской национальности и православных христиан. Кроме того, являясь активным сторонником националистических взглядов, испытывая неприязнь к сотрудникам правоохранительных органов, деградирующим слоям населения и работникам культуры, осужденный изготовил смесевое взрывчатое вещество и напечатал 2 листовки, содержащие угрозы взрыва здания развлекательного комплекса «РусьКино».

Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасности государства, обладают достаточной степенью общественной опасности для их криминализации, и обоснованность установления уголовно-правового запрета не вызывает сомнений.

Общественная опасность преступлений экстремистской направленности находится в тесной связи с их распространенностью. По мнению Н. А. Лопашенко, деяние, преследуемое в уголовном порядке, не может быть случайным или редким для общества, а, напротив, должно быть типичным, повторяющимся [2, с. 290].

По данным ГИАЦ МВД России, за последние годы наблюдается стабильный рост преступлений экстремистской направленности. Уголовно-правовая статистика не в состоянии учесть все совершенные проявления экстремизма и вынуждена ограничиваться учетом лишь зарегистрированных деяний. Преступления, ответственность за которые установлена ст. 280, 280.1, 282–282.3 УК РФ, обладают высокой латентностью, в связи с тем что не всегда получают надлежащую правовую оценку, поскольку из-за поливариативности самого явления «экстремизм» действия оперативных и следственных органов не всегда эффективны. Распространенность анализируемых общественно опасных деяний гораздо шире, чем это отражают данные официальной статистики, а повышенная латентность, в свою очередь, создает ощущение

безнаказанности, способствует формированию стойких преступных образований, подрывает принцип неотвратимости наказания, снижает превентивное значение уголовного закона. Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности может показаться достаточно небольшим по сравнению с общим количеством совершаемых на территории Российской Федерации преступлений, однако каждое из них вызывает повышенный общественный резонанс и может дестабилизировать социально-политическую обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом. Примером может служить приговор Ленинского районного суда г. Уфы, по материалам которого П., имея умысел на воспрепятствование законной деятельности государственных органов, обращаясь к неопределенному кругу лиц с целью склонения их к насильственным действиям в отношении представителей власти – сотрудников правоохранительных органов и государственного аппарата, совершила преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 280 УК РФ. П., используя персональный компьютер, имеющий выход в Интернет, разместила в свободном доступе обращение следующего содержания: «Нацисты-скинхеды Уфы, давайте объединяться, и мы покажем всем – не умерла Россия. Мы провозглашаем 10 ноября днем насилия, террора и мести. Пусть твари в погонах и креслах государственных учреждений умоются своей грязной кровью! Надо отомстить за всех наших братьев, наточить ножи, выкопать и достать оружие, сделать как можно больше самодельных взрывных устройств, приготовить коктейли Молотова. Поджигайте здания МВД, ФСБ, государственные учреждения, филиалы единой России, режьте тварей и оккупантов, убивайте, взрывайте, уничтожайте, крушите, избивайте, калечьте, пишите на стенах призывы!»

Значимость рассмотрения общественной опасности преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства, заключается в том, что ее анализ позволяет проиллюстрировать вред, причиняемый обществу в результате их совершения.

Список литературы

1. Злобин Г. А. Некоторые террористические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 102–119.
2. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. 339 с.
3. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. 136 с.
4. Петрянин А. В. Уголовно-правовые средства противодействия отдельным формам экстремистских проявлений // Следователь. 2011. № 7. С. 6–9.
5. Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. 666 с.
6. Силаева Н. А. Криминологический анализ некоторых причин преступлений, посягающих на политическую систему Российской Федерации // Следователь. 2011. № 5. С. 41–48.

IRINA SERGEYEVNA MAKEEVA,

lecturer at criminal law department
(Ural legal institute Ministry of internal affairs of Russia),
e-mail: i.suhanova@bk.ru

**ABOUT CRIMINALIZATION OF THE CRIMES OF THE EXTREMIST ORIENTATION
ENCROACHING ON BASES OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM
AND SAFETY OF THE STATE**

Abstract: in the article problems of criminalization of the crimes of an extremist orientation encroaching on bases of the constitutional system and safety of the state are investigated. Criminalization as a method of criminal and legal policy finds the broadest application during adoption of the new criminal law. At this time creation of complete system of a criminal and legal ban acts as the purpose of criminalization. At the same time the volume of primary criminalization isn't really big even at new codification and is subject in some cases to detailed research.

From a set of the criteria of criminalization suggested in criminal and legal science, public danger of act is considered as the basic one. In the theory of criminal law there is no definite answer to a question of structure of public danger. Scientists agree that the structure of public danger is connected with certain elements of corpus delicti.

Meanwhile, the correct definition of structural elements of public danger plays an important role as they influence criminalization of this or that act. The analysis of public danger of crimes of an extremist orientation encroaching on bases of the constitutional system and safety of the state has allowed to illustrate the harm done to society as a result of their commission.

Key words: public danger, extremism, prevalence, crimes of an extremist orientation, criminalization, extremist organization, national security.

References

1. Zlobin G. A. Nekotorye terroristicheskie voprosy kriminalizacii obshhestvenno opasnyh dejanij [Some terrorist questions of criminalization of socially dangerous acts]. Problemy pravosudija i ugovnogo prava [Problems of justice and criminal law]. Moscow, 1978, pp. 102–119.
2. Lopashenko N. A. Osnovy ugovno-pravovogo vozdeystvija: ugovnoe pravo, ugovnyj zakon, ugovno-pravovaja politika [Bases of criminal and legal influence: criminal law, criminal law, criminal and legal policy]. St. Petersburg, 2004. 339 p.
3. Marcev A. I. Obshhie voprosy uchenija o prestuplenii [General questions of the doctrine of a crime]. Omsk, 2000. 136 p.
4. Petrijanin A. V. Ugolovno-pravovye sredstva protivodejstvija otdel'nym formam jekstremistskih pojavlenij [Criminal and legal means of counteraction to separate forms of extremist manifestations]. Sledovatel' – Investigator, 2011, no. 7, pp. 6–9.
5. Piontkovskij A. A. Uchenie o prestuplenii [The doctrine about a crime]. Moscow, 1961. 666 p.
6. Silaeva N. A. Kriminologicheskij analiz nekotoryh prichin prestuplenij, posjagajushhij na politicheskiju sistemu Rossijskoj Federacii [The criminological analysis of some reasons of the crimes encroaching on political system of the Russian Federation]. Sledovatel' – Investigator, 2011, no. 5, pp. 41–48.

ЕВГЕНИЙ РУСТАМОВИЧ ПУДАКОВ,
начальник ФКУ ИК-13
(УФСИН России по Республике Башкортостан),
e-mail: evg-pudakov@yandex.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУЩНОСТИ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Реферат: государственная политика по противодействию коррупции должна представлять собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и муниципальных органов власти при непосредственном участии институтов гражданского общества с имплементацией норм международных нормативных актов, регламентирующих основные принципы эффективной антикоррупционной деятельности.

В статье акцентируется внимание на комплексном изучении сущности коррупции как объекта научных исследований, а также на вопросах совершенствования антикоррупционного законодательства в рамках Концепции противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации. Несомненный интерес при этом представляют научные исследования понимания сущности коррупции, проводимые рядом отечественных ученых.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные проявления, преступления коррупционной направленности, должностные преступления, мошенничество, присвоение и растрата, дача взятки, получение взятки.

Исследования коррупции приобрели характер самостоятельного научного направления к середине прошлого века. Их важным итогом стало определение коррупции как универсального социального явления, имеющего международное значение. Одной из основополагающих причин формулирования юридического понятия коррупции как социального явления стало расширение границы исследований права и появление сформулированного социально-философского и криминологического понятия.

Справедливо мнение Г. К. Мишина, который считает, что анализ правовых положений не позволяет раскрыть все содержание данного понятия, получившего в науке множество интерпретаций [1, с. 264].

Российская наука, основываясь на фундаментальных правовых идеях, а также используя значительный практический опыт, имеет достаточное количество определений коррупции, которые по своему содержанию и сущности охватывают ее различные проявления. Следует отметить, что российское антикоррупционное законодательство, активно развивающееся на протяжении последних десятилетий, было сформировано до признания противодействия коррупции одним из приоритетных направлений деятельности всей системы органов публичной власти в рамках программно-целевого и системообразующего правового регулирования. Еще в 1990 – начале 2000-х гг. в отечественном праве в целом сложилась правовая основа для борьбы с коррупционными проявлениями. Однако системно выраженных

подходов к антикоррупционной деятельности она не содержала.

В различных юридических энциклопедиях и словарях определение коррупции формулируется как:

– использование государственными служащими и представителями органов государственной власти занимаемого ими положения, служебных прав и властных полномочий для незаконного обогащения, получения материальных и иных благ и преимуществ как в личных, так и в групповых интересах [2, с. 474];

– моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами [3, с. 264];

– подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей [4, с. 108];

– разложение экономической и политической систем в государстве, выражающееся в продажности должностных лиц и общественных деятелей [5, с. 289].

Вместе с тем указанные определения нельзя строго отнести к научным или правовым.

К имеющим научное обоснование по изучению сущности коррупции традиционно относятся подходы в широком и узком смысле. При этом некоторыми учеными проводится еще более подробная классификация, разграничивающая коррупционные проявления [6, с. 27–32].

Широкий подход в большей части содержит в себе криминологические аспекты. Анализ доктрины о понятии коррупции различными авторами говорит о произ-

вольном трактовании ее сущности. Так, отечественная криминология не только использует понятие «коррупция», но и детально исследует особенности коррупционной преступности, личности коррупционера, латентность коррупционных преступлений [7, с. 68].

Коррупция представляется целой, относительно самостоятельной правовой наукой и учебной дисциплиной – корруптологией, изучающей пути совершенствования уголовной политики и законодательства о воздействии на организованную преступность и коррупцию [8, с. 2].

В. В. Астанин определяет коррупцию как подкуп-продажность [9, с. 6].

По мнению Г. Н. Борзенкова, коррупция – это разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях [10, с. 30].

С. П. Глинкина определяет коррупцию как намеренное несоблюдение принципа независимости сторон с целью получения за счет такого поведения каких-либо преимуществ для себя или для других лиц, с которыми установлены личные отношения [11, с. 16].

В юридическом или узком смысле коррупция рассматривается как совокупность составов правонарушений, предусмотренных в законодательстве и отличающихся таким важным квалифицирующим признаком, как использование должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах, должностное злоупотребление [12, с. 369].

Однако уголовное право не может претендовать на первостепенную роль в противодействии коррупции, это связано со сложностью процедуры реализации его норм через уголовный процесс, что не всегда гарантирует результат и, главное, для ее широкого использования нет резерва сил и средств. Указанный тезис подтверждают статистические данные, в соответствии с которыми из почти 93 тысяч предварительно расследованных преступлений (из числа находившихся в производстве) за период с 2012 по 2014 год в суд были направлены чуть больше 82,5 тыс. уголовных дел.

Представленные показатели трудно соотнести с реальными масштабами коррупции, поэтому роль уголовного права состоит в оказании влияния на эффективность уголовно-правовых мер в сфере борьбы с коррупцией, итогом применения которых будет привлечение к уголовной ответственности за коррупционные преступления высокопоставленных служащих федерального и регионального уровня.

Характерными особенностями для преступлений коррупционной направленности являются: непосредственное нанесение ущерба авторитету публичной и непубличной службы; противоправный характер получаемых служащими различного уров-

ня привилегий (имущества, услуг или льгот); использование своего служебного положения вопреки интересам службы; наличие у субъекта коррупционного преступления признаков лица, принадлежащего к одной из категорий, указанных в примечаниях к ст. 201, 285 УК РФ, за исключением дачи взятки должностному лицу (ст. 291 УК РФ) и подкупа (ч. 1 или 2 ст. 204 УК РФ), которые наказываются вне зависимости от обладания виновным служебным статусом; наличие умысла на совершение действий или бездействия, объективно причиняющих ущерб интересам публичной или непубличной службы; наличие корыстной или иной личной заинтересованности.

Кроме того, к особенностям коррупционной преступности, по нашему мнению, могут быть отнесены:

- специфичность субъектов совершения преступлений, потому как данные преступления совершают не только должностные лица, но и иные государственные, муниципальные служащие, служащие коммерческих или иных негосударственных структур. В качестве подкупающих выступают любые физические и юридические лица;

- относительная стабильность регистрируемых преступлений при их высокой латентности;

- несводимость коррупционной преступности к совокупности лишь должностных преступлений;

- тесная связь с организованной преступностью, представители которой выделяют на подкуп чиновников значительную часть преступно нажитых средств.

Б. В. Волженкин относит к числу преступлений коррупционной направленности: мошенничество, присвоение и растрату, совершаемые с использованием служебного положения, злоупотребление должностными полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности, получение взятки, служебный подлог, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, ограничение конкуренции и ряд других преступлений, совершаемых государственными служащими или служащими органов местного самоуправления с использованием своего служебного положения в корыстных, иных личных или групповых целях [7, с. 68].

По мнению А. И. Долговой, к указанному перечню коррупционных преступлений следует относить и дачу взятки (ст. 291 УК РФ), незаконное получение или разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183), подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309), коммерческий подкуп (ст. 204), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ) [13, с. 18–19].

С. В. Максимов вместе с перечнем коррупционных преступлений классифицирует их по группам в

зависимости от того, в качестве основного, обязательного, дополнительного непосредственного объекта преступного посягательства либо факультативного объекта выступает авторитет публичной службы (государственной службы и службы в органах местного самоуправления):

1) коррупционные преступления в узком значении понятия, посягающие на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления, выступающий в качестве основного непосредственного объекта таких посягательств;

2) коррупционные преступления в широком значении понятия, посягающие на ту же социальную ценность как на обязательный дополнительный непосредственный объект;

3) коррупционные преступления, посягающие на названную социальную ценность как на факультативный (необязательный) объект [14].

В Федеральном законе от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» Россия в соответствии с п. 1 ст. 1 констатировала признание коррупционными и уголовно наказуемыми деяния, предусмотренные такими статьями Конвенции, как:

– ст. 15 (подкуп национальных публичных должностных лиц, под которым понимается дача и получение взятки государственными служащими – ст. 290–291 УК РФ);

– п. 1 ст. 16 (совершение этих же деяний должностными лицами международных организаций – ч. 3 примечания к ст. 285 УК РФ);

– ст. 17–19, 21–22 (хищение, присвоение, нецелевое использование имущества должностным лицом, злоупотребление влиянием в корыстных целях, протекция и вымогательство с использованием должностного положения, корыстное предоставление преимуществ, вымогательство и хищение в частном секторе управляющим лицом негосударственной организации – ст. 160, 285, ч. 4 ст. 290, ст. 201, п. «б» ч. 4 ст. 204 УК РФ);

– п. 1 ст. 23 (отмывание доходов от преступлений – ст. 174, 174.1 УК РФ);

– ст. 24 (сокрытие или непрерывное удержание имущества, если лицу известно, что такое имущество получено в результате любого из преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, – ст. 175 УК РФ);

– ст. 25 (воспрепятствование осуществлению правосудия по коррупционным или иным преступлениям – на усмотрение государства – путем насилия или угроз – ст. 296, 302, 303, 309 УК РФ);

– ст. 27 (приготовление к коррупционному или иному – на усмотрение государства – преступле-

нию, покушение на преступление и соучастие в нем в качестве сообщника, пособника или подстрекателя – ст. 30, 33 УК РФ).

Ратификация Конвенции обозначает определение основных преступлений, которые следует считать коррупционными. Однако в практической деятельности круг коррупционных преступлений определяется произвольно и учеными, и практиками. Количество составов преступлений, имеющих коррупционную направленность, варьируется от 15 до 50.

Преступлениями коррупционной направленности в первую очередь являются деяния, предусмотренные в гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», а также гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» УК РФ. Кроме того, в некоторых главах есть статьи, диспозиции которых непосредственно указывают субъектами преступлений должностных лиц, например ст. 140 (отказ в предоставлении гражданину информации), ст. 169 (воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности), ст. 170 (регистрация незаконных сделок с землей).

Необходимо отметить, что понятия лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, или должностного лица, содержатся в примечаниях к ст. 201 и 285 УК РФ и охватывают преступления, перечисленные в гл. 23 и 30.

Таким образом, в законе речь идет о специальном субъекте, однако следственные органы распространяют его на все составы, где в качестве квалифицирующего или обязательного признака содержится признак совершения преступления лицом, использующим свое служебное положение.

Активизация и развитие усилий ученых в таких отраслях научных знаний, как юриспруденция, экономика, социология, политология, психология, их обмен опытом и согласование исследований причин коррупции как социального явления, по комплексному изучению факторов, способствующих возникновению коррупции, важны для формирования такого уклада общественной и личной жизни, который подавлял бы все коррупционные риски, и тогда будет обеспечено формирование высокого правового сознания и стимулов правомерного поведения людей.

Правильное применение международных стандартов, опыта законодательства отдельных государств, интеграционных норм необходимо выгодно использовать в российской действительности.

Список литературы

1. Мишин Г. К. О теоретической разработке проблемы коррупции // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / под ред. В. В. Лунеева. М., 2001. С. 263.
2. Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. 1110 с.
3. Толковый словарь русского языка. М., 1998. 4472 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1986. Т. 2.
5. Политический словарь. М., 1958. 704 с.
6. Добренков В. И., Исправникова Н. Р. Коррупция: современные подходы к исследованию : учеб. пособие для вузов. М., 2009. 207 с.
7. Криминология : учеб. для юрид. вузов / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. СПб., 1999. 554 с.
8. Иванов А. М. Корруптология – правовая наука и учебная дисциплина: путь совершенствования уголовной политики и законодательства о воздействии на организованную преступность и коррупцию. Владивосток, 2002. С. 2.
9. Астанин В. В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX в. (криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 19 с.
10. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1993. № 1. С. 30.
11. Глинкина С. П. Коррупция в России: причины, масштабы, качественные изменения. М., 1999. С. 16.
12. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 800 с.
13. Долгова А. И. Определение коррупции и законодательство о борьбе с ней // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 18–19.
14. Максимов С. Коррупционная преступность в России: правовая оценка, источники развития, меры борьбы // Уголовное право. 1999. № 2.

EVGENY RUSTAMOVICH PUDAKOV,

head of FKU IK-13

(Republic of Bashkortostan department of the FPS of Russia),

e-mail: evg-pudakov@yandex.ru

**SEPARATE ASPECTS OF RESEARCH OF ESSENCE OF CORRUPTION
IN THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE**

Abstract: the state policy on counteraction of corruption has to represent scientifically based, consecutive and system activity of the state and municipal authorities with direct participation of institutes of civil society with implementation of standards of the international regulations regulating all basic principles of effective anti-corruption activity.

In article the attention is focused on complex studying of essence of corruption as object of scientific researches, and also on questions of improvement of the anti-corruption legislation within the Concept of counteraction of corruption in system of public service of the Russian Federation. At the same time the scientific researches understanding of essence of corruption undertaken by a number of domestic scientists are of undoubted interest.

Key words: corruption, corruption manifestations, crimes of a corruption orientation, malfeasances, fraud, assignment and waste, bribery, taking of a bribe.

References

1. Mishin G. K. O teoreticheskoy razrabotke problemy korrupcii [About theoretical development of a problem of corruption]. Korrupcija: politicheskie, jekonomicheskie, organizacionnye i pravovye problem [Corruption: political, economic, organizational and legal problems]. Under the editorship of V. V. Luneev. Moscow, 2001. 263 p.
2. Rossijskaja juridicheskaja jenciklopedija [Russian legal encyclopedia]. Moscow, 1999. 110 p.
3. Tolkovij slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of Russian]. Moscow, 1998. 4472 p.
4. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian]. In 4 vol. Moscow, 1986. Vol. 2.
5. Politicheskij slovar' [Political dictionary]. Moscow, 1958. 704 p.

6. Dobren'kov V. I., Ispravnikova N. R. Korrupcija: sovremennye podhody k issledovaniju [Corruption: modern approaches to research]. Moscow, 2009. 207 p.
7. Kriminologija [Criminology]. Under the editorship of V. N. Burlakov, V. P. Sal'nikov, S. V. Stepashin. St. Petersburg, 1999. 554 p.
8. Ivanov A. M. Korrupciologija – pravovaja nauka i uchebnaja disciplina: put' sovershenstvovanija ugolovnoj politiki i zakonodatel'stva o vozdeystvii na organizovannuju prestupnost' i korrupciju [Korrupciologiya – legal science and a subject matter: way of improvement of criminal policy and legislation on impact on organized crime and corruption]. Vladivostok, 2002, p. 2.
9. Astanin V. V. Korrupcija i bor'ba s nej v Rossii vtoroj poloviny XVI–XX v. (kriminologicheskoe issledovanie). Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Corruption and fight against her in Russia the second half of XVI–XX century (criminological research). Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2001. 19 p.
10. Borzenkov G. N. Ugolovno-pravovye mery bor'by s korrupciej [Criminal and legal measures of fight against corruption]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11. Pravo – Bulletin of the Moscow university. Series 11. Law, 1993, no. 1, p. 30.
11. Glinkina S. P. Korrupcija v Rossii: prichiny, masshtaby, kachestvennyye izmenenija [Corruption in Russia: reasons, scales, high-quality changes]. Moscow, 1999, p. 16.
12. Kriminologija [Criminology]. Under the editorship of V. N. Kudrjavcev, V. E. Jeminov. The 4th edition processed and added. Moscow, 2009. 800 p.
13. Dolgova A. I. Opredelenie korrupcii i zakonodatel'stvo o bor'be s nej []. Korrupcija i bor'ba s nej [Definition of corruption and legislation on fight against her. Corruption and fight against her]. Moscow, 2000, pp. 18–19.
14. Maksimov S. Korrupcionnaja prestupnost' v Rossii: pravovaja ocenka, istochniki razvitija, mery bor'by [Corruption crime in Russia: legal treatment, sources of development, fight measure. Criminal law]. Ugolovnoe pravo – 1999, no 2.

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИХАНОВ,
старший преподаватель кафедры режима и охраны
в уголовно-исполнительной системе
(Самарский юридический институт ФСИН России),
e-mail: va_shihanov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СОТОВОЙ СВЯЗИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: по причине быстро развивающихся высоких технологий в сфере телекоммуникаций на сегодняшний день вопросы, связанные с незаконным оборотом средств мобильной сотовой связи в местах изоляции от общества, остаются неурегулированными. Отставание правовых санкций за данные правонарушения ведет к ухудшению работы пенитенциарных учреждений.

Для достижения основных целей пенитенциарного законодательства, направленных на исправление осужденных и недопущение ими новых преступлений, необходим эффективный правовой механизм.

Основными причинами наличия средств сотовой связи в пенитенциарных учреждениях являются:

отсутствие в нормах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства точной формулировки средств мобильной сотовой связи как средства преступления и запрещенного предмета в местах изоляции от общества;

неэффективные санкции административного законодательства, регулирующего запрет на пронос запрещенных предметов и веществ;

влияние осужденных на установленный режим в пенитенциарных учреждениях с помощью сотовых телефонов.

Ключевые слова: пенитенциарная безопасность, процесс изоляции, контрабанда запрещенных предметов, режим в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, незаконный оборот мобильных сотовых телефонов, электронные устройства.

Проблемы, возникающие в местах изоляции, связанные с использованием, обладанием, употреблением осужденными лицами запрещенных предметов и веществ существовали вместе с существованием самих мест изоляции. Желание лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы или заключенного под стражу, восполнить долю запретов в неволе всегда оставалось его мечтой, но не находило одобрения администрации учреждений. Причина, по которой осужденные лица желают использовать предметы и вещи, окружающие их до изоляции, как и желание быть свободным, является основополагающей.

Главной целью уголовно-исполнительного законодательства является исправление осужденных, предупреждение совершения ими новых преступлений в местах отбывания наказания. Для достижения этой цели в местах лишения свободы законодателем определен правовой механизм урегулирования данных отношений, выступающий как установленный порядок исполнения и отбывания наказания, то есть режим в исправительных учреждениях.

Режим, являясь одним из основных средств исправления осужденных, прежде всего направлен на обеспечение безопасности надежной изоляции осужденных. Кроме того, он регулирует исполнение возложенных на осужденных обязанностей, реализацию их прав и законных интересов. Процесс реализации изоляции осужденного лица напрямую зависит от особого порядка его контактов с внешним миром [1]. В процессе обеспечения личной безопасности персонала, осужденных и иных лиц одним из приоритетных направлений деятельности администрации учреждений остается работа по реализации мероприятий, направленных на снижение негативных причин и условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений на режимных и прилегающих к учреждениям территориях. Этими причинами и условиями в учреждениях являются факты поступления и наличия запрещенных к использованию вещей и предметов, продуктов питания, которые на основании закона осужденным лицам запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать.

Среди общего количества изымаемых сотрудниками запрещенных предметов особое место занимают мобильные сотовые телефоны и комплектующие к ним средства, которые, в свою очередь, позволяют обеспечивать работу телефона в режиме персонального компьютера. К ним отнесены

сим-карты, карты памяти, зарядные устройства, флеш-модемы и другие электронные устройства, обеспечивающие не только радиосвязь, но и выход в Интернет. С каждым годом данный факт в учреждениях уголовно-исполнительной системы только усугубляется (рис.).

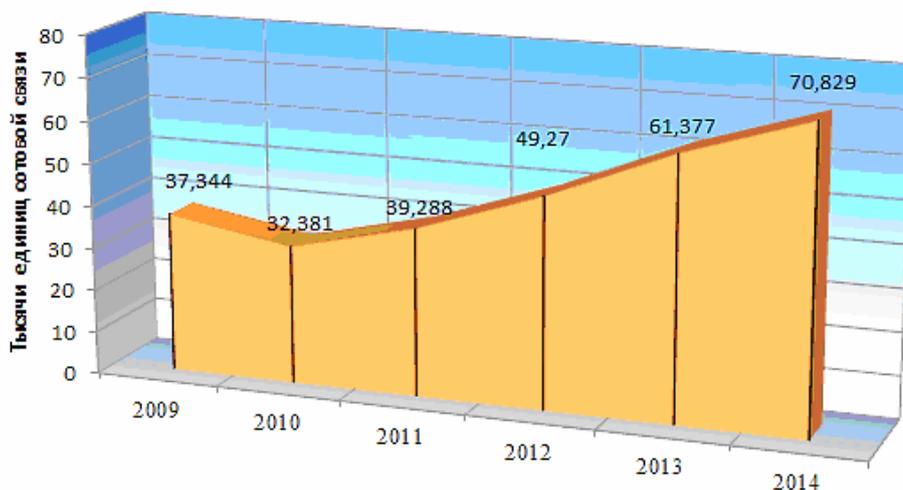

Рис. Количество изъятых средств сотовой связи в ИК

Растущее количество изъятых средств сотовой связи говорит не только о подъеме уровня режима в исправительных учреждениях и качестве проводимых обысков и досмотров, но и о непростой криминогенной обстановке на территориях, где расположены учреждения.

Результаты изъятия средств мобильной связи сотрудниками учреждений на сегодняшний день очевидны благодаря грамотному использованию технических средств поиска, а также выработанной стратегии проведения обысков и досмотров в учреждениях и профессионализму сотрудников. Однако явный рост числа изъятых средств сотовой связи в учреждениях УИС заставляет руководителей служб режима надзора и охраны ФСИН России принимать меры по предотвращению и пресечению каналов их доставки, недопущению хранения и использования их осужденными лицами. Данные меры часто не достигают ожидаемого результата по ряду причин.

Во-первых, на сегодняшний день ни один нормативно-правовой акт, регулирующий сферу правоотношений исполнения и отбывания наказаний, не содержит уточненной формулировки сотового телефона как запрещенного предмета в исправительных учреждениях.

Во-вторых, административная ответственность за передачу мобильных телефонов осужденным лицам, определенная в ст. 19.12 КоАП РФ, не является действенной и не останавливает предприимчивых граждан. Так, в 2014 г. за попытку пере-

дачи на территории исправительных учреждений запрещенных предметов задержано 4065 граждан (в 2013 г. – 3940), из них в пределах режимных территорий 3245 человек (в 2013 г. – 3404). К административной ответственности от общего количества задержанных граждан привлечено 2599 человек, к уголовной – 319.

В-третьих, с помощью сотовых телефонов осужденные противодействуют попыткам администрации навести порядок в учреждении и установить законом соответствующий режим. Осужденные через средства сотовой связи часто искажают мнение общественности о ситуации в местах лишения свободы.

В создавшейся обстановке нельзя не учитывать факт роста продаж средств сотовой связи и другой электронной техники населению страны, который очень велик, да и операторы систем сотовой связи безудержно нацелены на расширение своего бизнеса, невзирая на вопросы безопасности.

Наличие средств мобильной сотовой связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы на сегодняшний день продолжает нести определенную угрозу как безопасности личности, так и безопасности процесса исполнения наказания. Осужденные лица, отбывая наказание в виде лишения свободы, предпринимают всяческие попытки скрасить свое отбывание наказания, игнорируя изоляцию от общества. Это им удается за счет использования средств мобильной сотовой связи, системы электронных платежей и сети Ин-

тернет. При помощи данных устройств совершаются мошенничество, шантаж и вымогательство, передаются угрозы, оскорбления и даже ложные сообщения об актах терроризма. Наличие мобильных сотовых телефонов у отбывающих наказание руководителей преступных групп по сбыту наркотиков дает им возможность организации и координации преступными группами на воле, позволяет им использовать схемы и способы совершения новых преступлений, перенаправлять действия сообщников, существенно расширять границы своей преступной деятельности, не выходя из учреждения.

Проведя анализ общего количества изъятых средств сотовой связи в учреждениях, мы отмечаем, что значительная их часть изъята сотрудниками УИС при перебросах на территорию мест лишения свободы. Данный способ доставки запрещенных предметов в ИУ среди правонарушителей имеет на сегодняшний день особую популярность. Переброс – это действия правонарушителя, направленные на доставку запрещенного предмета через ряды инженерных режимных ограждений ИУ методом бросания и метания. Перебросы осуществляются в наиболее слабо подготовленных и уязвимых местах охраняемого объекта учреждения. Часто их совершают родственники и знакомые осужденных либо иные лица, вовлеченные в данную преступную деятельность. Эти лица часто осуществляют доставку запрещенных предметов за определенное вознаграждение, реже из чувства взаимопомощи и сострадания. При этом правонарушители используют приспособления, которые помогают наиболее эффективно доставить запрещенный предмет на территорию учреждений. К таким метательным приспособлениям можно отнести пращи, рогатки, арбалеты, катапульты и т. д. Так, в Краснотурьинске сотрудники ИУ задержали метателей мобильных телефонов. С помощью самодельного устройства они перебрасывали запрещенные предметы осужденным. Свое изобретенное устройство правонарушители назвали «Телефономет», которое по своей сути являлось большой рогаткой. В изъятых у лиц 11 свертках сотрудниками учреждения была обнаружена партия запрещенных устройств: 14 телефонов, 9 сим-карт, флеш-карты и зарядные устройства [2]. Переброс является организованным действием, так как в нем участвуют и те, кто бросает, и те, кто принимает. Лица-участники совершают данное деяние в заранее оговоренном месте бросания. Для доставки через инженерные ограждения учреждений запрещенных предметов правонарушителями используются и другие средства, такие как радиоуправляемые вертолеты, квадрокоптеры или воздушные шары.

Поиск адекватных правовых и организационных мер в отношении граждан и персонала учреждений, осуществляющих доставку, осужденных и заключенных под стражу лиц, осуществляющих хранение, использование средств сотовой мобильной связи в местах изоляции, сталкивается с рядом проблем как в правовом, так и в организационном плане. В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве на сегодняшний день отсутствуют надлежащие нормы, определяющие средство сотовой мобильной связи как орудия преступления и правонарушения в местах изоляции.

Некоторые авторы в связи с данным вопросом рассматривают весомую эффективность декриминализованной (вследствие принятия нового УК РФ в 1996 г.) ст. 188.4 УК РСФСР 1960 г. «Незаконная передача запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах, воспитательно-трудовых, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях». Эта норма была введена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 октября 1987 г. и являлась на то время вынужденной мерой в борьбе с незаконным оборотом запрещенных к использованию в местах изоляции предметов. К ним относились алкогольные напитки, лекарственные или иные вещества, обладающие одурманивающим действием, и другие запрещенные для передачи предметы.

Ю. М. Ткачевский отмечает, что и на сегодняшний день в ст. 412 УК Республики Беларусь предусмотрена ответственность за передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в местах лишения свободы. За такое же преступление установлена ответственность в ст. 309 УК Латвии. В то же время автор склоняется к мнению, что это уголовная ответственность едва ли целесообразна в указанных случаях. За совершение подобных действий достаточно и административной ответственности [3].

Такое мнение разделяют не все. С каждым годом на фоне усугубляющейся ситуации, связанной с поступлением в учреждения уголовно-исполнительной системы запрещенных предметов и вещей, ряд авторов высказывают мнение о несостоятельности норм правового механизма, регулирующих данное направление.

Так, О. В. Пенин отмечает, что с момента декриминализации уголовно наказуемой передачи запрещенных предметов (1 января 1997 г.) проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений, обеспечивающих нормальную деятельность ИУ, требуют дальнейшего решения, и предлагает ввести единую норму, устанавливающую уголовно-правовой запрет всех видов обращения и передач запрещенных для осужденных

веществ, вещей и предметов. В гл. 32 УК РФ мы предлагаем включить новую статью 321.1 «Проникновение запрещенных предметов в места лишения свободы или содержания под стражей» [4]. В то же время С. А. Хохрин ситуацию с незаконным оборотом запрещенных предметов в учреждениях объясняет несовершенством норм уголовно-исполнительного законодательства. Он отмечает, что нормы уголовно-исполнительного права и ведомственных нормативных актов нуждаются в более четкой детализации в части запрета проникновения запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, поскольку у практических работников часто возникают затруднения в применении данных норм [5].

В том или ином случае авторы, обозначая вредоносность запрещенных предметов, вещей и веществ в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, ориентируют на изменение правовых механизмов законодательства, и мы полностью разделяем их мнение.

Руководство службы режима и надзора ФСИН России комментирует неблагоприятно сложившуюся ситуацию в учреждениях УИС как итог проводимой гуманизации законодательства РФ. Стремление расширить права и свободы граждан, сформировать правовое общество создает ощущение вседозволенности и безнаказанности, а также создает благоприятную почву для совершения определенной категорией граждан противозаконных поступков (в нашем случае – организация доставки осужденным лицам запрещенных вещей). В силу малой эффективности такой меры обеспечения изоляции осужденных, как устрашение организующих их доставку граждан, администрации ИУ приходится все силы и средства направлять на перекрытие каналов поступления осужденным лицам запрещенных вещей или на поиск и непосредственное их изъятие [6].

Вернемся к обсуждению неправомерности и вредоносности факта наличия средств мобильной связи в местах изоляции. Многие авторы убеждены, что поступление к осужденным средств связи – сотовых телефонов влечет за собой крайне негативные последствия, связанные с осложнением оперативной обстановки в ИУ, неповиновением осужденных, возникновением чрезвычайных ситуаций. Проблема стоит настолько остро, отмечает А. И. Абатуров, что требует специального самостоятельного изучения. На необходимость решения повальной «мобильной» телефонизации не только осужденных, но и населения страны обращено внимание на самом высоком уровне, но, к

сожалению, замечает автор, адекватная реакция законодателя на всевозрастающее количество изъятых запрещенных к использованию осужденными предметов несколько запаздывает [7]. Вряд ли с этим можно не согласиться. Крайне важно сформировать и запустить правовой механизм предотвращения и пресечения незаконного оборота средств сотовой связи в местах изоляции, определив адекватную санкцию в отношении как лиц, осуществляющих доставку, так и осужденных и заключенных под стражу лиц.

В разработке мер в отношении уголовной ответственности за передачу телефонов в колонии и тюрьмы активную позицию занимает заместитель председателя Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции А. Е. Хинштейн. Под его председательством на заседании секции № 5 Экспертного совета при Комитете Госдумы по безопасности и противодействию коррупции от 16 июня 2015 г. прошло обсуждение мер по пресечению преступлений, совершаемых осужденными при помощи мобильных средств связи. В связи с этим членами Экспертного совета было предложено разработать и внести поправки в Уголовный кодекс РФ, а именно в статьи, которые установили бы уголовную ответственность за повторную передачу предметов и веществ, запрещенных к обороту в местах лишения свободы. Отдельным квалифицирующим признаком в будущей норме предложено учитывать факт использования должностным лицом своего служебного положения, а также совершение преступления в составе организованной группы [8]. В целом мы поддерживаем предложения членов Экспертного совета, но, по нашему мнению, для полноценной работы представленного правового механизма необходима информационная база, в которой будут сведения на лиц, привлекаемых за подобные правонарушения, причем как на территории одного региона, так и в целом по стране. К сожалению, такой базы у ФСИН России на сегодня нет.

Основываясь на имеющихся нормах, регулирующих правоотношения, связанные с незаконной передачей и обращением средств мобильной сотовой связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следует признать их работу неудовлетворительной и согласиться с мнением авторов по вводу в состав УК РФ статьи, определяющей ответственность за доставку и обращение средств мобильной сотовой связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы. По нашему мнению, уголовная санкция необходима в отношении не только граждан и персонала учреждений, но и осужденных и заключенных под стражу лиц, не без интереса которых средства сотовой связи попадают в исправительные учреждения УИС.

Список литературы

1. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: проблемы Особенной части. М., 1985. 255 с.
2. Лялин Р. В Кrasnotурьинске колонию пытались расстрелять мобильными телефонами из рогатины. URL : <http://ural.kp.ru/online/news/1784039> (дата обращения: 11.09.2014).
3. Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний : учеб. пособие. М., 1997. 144 с.
4. Пенин О. В. Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия проникновению запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 2. С. 2–5.
5. Хохрин С. А. Правовые и организационные проблемы перекрытия каналов проникновения в пенитенциарные учреждения запрещенных предметов // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 3. С. 75–78.
6. Дергачев А., Федоров В. Предупреждение поступления в ИУ запрещенных вещей // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 11. С. 8–14.
7. Абатуров А. И. Профилактика злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях : монография. М., 2010. 212 с.
8. Хинштейн А. За передачу телефонов в колонии и тюрьмы может быть введена уголовная ответственность. URL : <http://www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124051050056051.html> (дата обращения: 06.10.2014).

VYACHESLAV ALEKSANDROVICH SHIHANOV,
senior lecturer, department of security and guard in penal system
(Samara law institute of the FPS of Russia),
e-mail: va_shihanov@mail.ru

**FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE TURN OF MEANS
OF MOBILE CELLULAR COMMUNICATION IN CORRECTIONAL FACILITIES
OF CRIMINAL AND EXECUTIVE SYSTEM**

Abstract: it is worth recognizing that because of quickly developing high technologies in the sphere of telecommunications today the questions connected with illicit trafficking in means of mobile cellular communication in places of isolation from society remain not settled. Lag of legal sanctions for these offenses leads to deterioration in work of penal institutions.

The effective legal mechanism is necessary for realization of the main objectives of the penitentiary legislation directed to correction of convicts and prevention by them new crimes.

Are the main reasons for existence of means of cellular communication in penal institutions:

absence in standards of the criminal and criminal and executive legislation of accurate information of means of mobile cellular communication as means of a crime and the forbidden subject in places of isolation from society;

inefficient sanctions of the administrative legislation regulating a ban on a bringing of the forbidden objects and substances;

influence of convicts on the set mode in penal institutions by means of cell phones.

Key words: penitentiary safety, isolation process, smuggling of the forbidden objects, the mode in the establishments executing punishments in the form of imprisonment, illicit trafficking in mobile cell phones, electronic devices.

References

1. Struchkov N. A. Kurs ispravitel'no-trudovogo prava: problemy Osobennoj chaste [Course of the corrective-labor right: problems of Special part]. Moscow., 1985. 255 p.
2. Ljalin R. V Krasnotur'inske koloniju pytalis' rasstreljat' mobil'nymi telefonami iz rogatiny [Krasnoturyinsk the colony was tried to be shot mobile phones from a rogatina]. Available at : <http://ural.kp.ru/online/news/1784039> (Accessed 11 September 2014).
3. Tkachevskij Ju. M. Progressivnaja sistema ispolnenija ugolovnyh nakazanij [Progressive system of execution of criminal penalties]. Moscow, 1997. 144 p.

4. Penin O. V. Sovershenstvovanie ugolovno-pravovyh mer protivodejstvija proniknoveniju zapreshennyh predmetov v uchrezhdenija, ispolnjajushhie nakazaniya v vide lisheniya svobody [Improvement of criminal and legal measures of counteraction to penetration of the forbidden objects into the establishments executing punishments in the form of imprisonment]. Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie – Penal system: right, economy, management, 2013, no. 2, pp. 2–5.

5. Hohrin S. A. Pravovye i organizacionnye problemy perekrytija kanalov proniknovenija v penitenciarne uchrezhdenija zapreshennyh predmetov [Legal and organizational problems of overlapping of channels of penetration into penal institutions of the forbidden objects]. Vestnik VI MVD Rossii – Bulletin of the VI MIA of Russia, 2012, no. 3, pp. 75–78.

6. Dergachev A., Fedorov V. Preduprezhdenie postuplenija v IU zapreshennyh veshhej [The prevention of receipt in IU of the forbidden things]. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy – Sheets of penal system, 2008, no. 11, pp. 8–14.

7. Abaturov A. I. Profilaktika zlostnyh narushenij ustanovlennogo porjadka otbyvanija nakazaniya v ispravitel'nyh uchrezhdenijah [Prevention of malicious violations of an established order of serving sentence in correctional facilities]. Moscow, 2010. 212 p.

8. Hinshtejn A. Za peredachu telefonov v kolonii i tjur'my mozhet byt' vvedena ugolovnaja otvetstvennost' [Criminal liability can be imposed for transfer of phones to colonies and prisons]. Available at: <http://www.komitet2-16.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124051050056051.html> (Accessed 6 October 2014).

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА БЕЛОВА,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики и менеджмента
(Академия ФСИН России),
e-mail: belova_t_n@mail.ru

ЭКОНОМИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ОБЪЕКТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Реферат: в статье представлены результаты исследования, посвященного разработке прогнозов развития экономики учреждений уголовно-исполнительной системы. Объектом прогнозирования является основной показатель экономики – выручка от реализации продукции (товаров, услуг) по всем субъектам Российской Федерации, на территории которых имеются исправительные учреждения, занимающиеся производственной и другой хозяйственной деятельностью.

Отправная точка исследования заключалась в необходимости оценки состояния и перспектив развития хозяйствующих субъектов в сложных условиях конкурентной рыночной среды. Производственная и хозяйственная деятельность исправительных учреждений, функционирующая на условиях окупаемости, требует комплексной оценки экономического состояния, определения тенденций развития и прогнозирования количественных показателей. В связи с этим огромное значение приобретают статистические методы оценивания и моделирования состояния, основных тенденций и перспектив развития данных субъектов рыночных отношений.

Задача исследования заключалась в оценке и моделировании состояния и тенденций развития производственно-хозяйственной деятельности исправительных учреждений в региональном аспекте – по субъектам Российской Федерации. Она включала в себя следующие этапы: выбор метода прогнозирования для количественных показателей в зависимости от специфики исходных данных; сбор данных по 77 регионам за период 2008–2014 гг.; группировка массива данных; построение моделей для временных рядов, имеющих закономерную тенденцию и их решение; непосредственное прогнозирование (экстраполяция) на будущий период в случае адекватности модели.

В качестве инструмента исследования временных рядов было выбрано аналитическое моделирование (корреляционно-регрессионный анализ), позволяющее не только выявить особенности и тенденции каждого явления, но и построить какую-либо регрессионную модель для экстраполяции, то есть прогноза на будущие периоды.

В статье сделаны выводы по результатам построения экономико-статистических моделей для 77 субъектов Российской Федерации, имеющих на своей территории производственные подразделения исправительных учреждений. Выручка от реализации продукции (товаров, услуг) имеет тенденцию роста для 19 субъектов (24,7 %), для 16 – тенденцию падения (20,8 %) и, следовательно, отсутствие адекватных моделей. Невозможность построения прогнозов для этой группы объясняется значительной вариацией признака на временном промежутке 2008–2014 гг. С появлением новых данных такая ситуация может измениться: проявится скрытая тенденция, и построение прогнозных моделей будет успешным.

Ключевые слова: экономика уголовно-исполнительной системы, выручка, моделирование количественных показателей, тенденция, прогнозирование, экстраполяция.

Прогнозирование как отправная точка стратегического планирования является необходимым условием успешного функционирования любых хозяйствующих структур в условиях современной жесткой конкурентной среды [1]. Это в полной мере применимо и к деятельности производственного комплекса УИС. Наличие стабильного государственного заказа несколько ослабляет давление рынка, как это проис-

ходит с некоторыми производственными подразделениями ИУ, но далеко не всегда и не для всех видов экономической деятельности. Грамотное планирование производственно-хозяйственной деятельности УИС с учетом региональной специфики, базирующееся на выверенных прогнозах ключевых экономических показателей, позволяет построить систему функционирования производства по критерию его экономической эффективности.

В практике прогнозирования существуют два общепринятых подхода – качественный и количественный. Методы качественного (логического, эвристического) прогнозирования используются, если у исследователя отсутствует полная и достоверная статистика исследуемых явлений или процессов. Как правило, такими инструментами (моделирование по исторической аналогии, методы сценариев, дерева целей и др.) пользуются гуманитарные науки. Результаты качественного прогнозирования базируются на интуиции экспертов, следовательно, носят субъективный характер.

Экономическая наука располагает широким спектром инструментов и технологий для прогнозирования с использованием количественного подхода. Эти инструменты относят к группе статистических методов анализа и прогнозирования. Они преследуют одну цель – предсказать события, которые произойдут в будущем, чтобы нивелировать негативные последствия или увеличить позитивный эффект от внедрения прогнозных показателей. Некоторые упрощенные методы (скользящих средних, экспоненциального сглаживания) используются для анализа и весьма осторожных прогнозов [2, 3]. По нашему мнению, предпочтительнее отдать аналитическим методам экстраполяции тенденции, основанным на применении корреляционно-регрессионного анализа по временному ряду [3]. Они позволяют разработать динамическую модель развития экономического явления в виде уравнения тренда. Полученную кривую роста (падения) зависимости результативного признака y от фактора времени $t(x)$ называют моделью временного ряда $y = f(x)$ и применяют для получения краткосрочных прогнозов. Что касается долгосрочных прогнозов в экономике, то достоверность их, как правило, весьма невелика.

Успех прогнозирования во многом зависит от степени полноты знаний о поведении экономического агента в прошлом: достоверности, точности и достаточности исходных данных. Если в исходные данные для прогнозирования вкралась ошиб-

ка, то весь труд по разработке математических моделей оказывается не только напрасным, но и вредным, так как приведет к ошибочности всего производственно-хозяйственного плана. Мы располагаем обширным банком данных, собранным за ряд лет (2008–2014 гг.), по всем территориальным органам Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). Анализ динамики основных статистических показателей, характеризующих производственно-хозяйственную деятельность ИУ с учетом региональных различий, представляет несомненный научный и практический интерес. Результаты анализа позволяют выявить территориальные особенности и на их основе – закономерности в динамике основных показателей, характеризующих уровень развития пенитенциарной экономики [4, 5].

Таким образом, наше исследование базировалось на следующих отправных моментах:

необходимость разработки прогнозов экономических показателей, лежащих в основе построения планов производственно-хозяйственной деятельности в масштабах территориальных органов (ТО) ФСИН России;

достаточная и достоверная статистическая информация по производственно-хозяйственной деятельности ТО (период 2008–2014 гг., 77 субъектов);

математический инструментарий прогнозирования временных рядов на основе корреляционно-регрессионного анализа;

программная среда реализации эконометрических моделей.

Анализ обширной исходной информации показал, что 77 ТО необходимо первоначально систематизировать и разбить на группы. В качестве критериальных признаков были выбраны: выручка от реализации продукции (товаров, услуг) в среднем за период 2008–2014 гг. и средний темп роста за этот период. В результате группировки была получена матрица размерностью 4 x 3 (табл.).

Таблица

Группировка территориальных УФСИН России по объемам выручки от реализации продукции (товаров, услуг) и темпам ее роста

Выручка, млн р.	Темп роста		
	до 1,00	1,00–1,10	свыше 1,10
0–100	группа 4.3	группа 4.2	группа 4.1
100–200	группа 3.3	группа 3.2	группа 3.1
200–500	группа 2.3	группа 2.2	группа 2.1
500–2000	группа 1.3	группа 1.2	группа 1.1

Рассмотрим результаты построения моделей, включая основные характеристики и сами прогнозы.

Выручка от реализации продукции (товаров, услуг) для ТО согласно результатам моделирования

имеет тенденцию роста для 19 субъектов, для 16 – тенденцию падения. Остальные 42 субъекта характеризуются отсутствием тенденции и невозможностью построения моделей временных рядов. Причиной этому является значительная вариация признака под влиянием факторов, не учтенных (случайных) в модели на временном промежутке 2008–2014 гг.

Группа 1.1 характеризуется высокими объемами выручки – 500–2000 млн р. и высокими темпами роста – от 1,13 до 1,38 в среднем за год. Из 8 ТО положительную тенденцию, то есть тенденцию роста, имеют: Красноярский край (линейная модель $\check{Y}_i = -387,3 + 5943x_i$), Республика Башкортостан ($\check{Y}_i = -46,47 + 1691x_i$), Республика Мордовия ($\check{Y}_i = 101,8 + 1554x_i$), Пермский край (модель авторегрессии $\check{Y}_i = 697,1 + 0,68x_i$). Отрицательная тенденция присуща Архангельской области ($\check{Y}_i = -121,1 + 307,97x_i - 24,4 [x_i]^2$). УФСИН России по Чувашской Республике. Республика Татарстан и Кемеровская область по результатам исследования показали отсутствие тенденции и невозможность построения модели прогнозирования вследствие сильной вариации исследуемого признака (выручки).

Для группы 1.2 характерны также высокие объемы выручки – 500–2000 млн р., но более низкие темпы роста – 1,01–1,084 в среднем за год. Такие темпы роста находятся в границах уровня инфляции. Индекс физического объема для такой группы является практически нулевым. В эту группу вошли 7 субъектов РФ. Из 7 ТО этой группы положительную тенденцию, то есть тенденцию роста, имеет только Новосибирская область (линейная модель регрессии $\check{Y}_i = 476,2 + 47x_i$). Модель на основе полинома 2-го порядка построена для Республики Коми ($\check{Y}_i = 163,99 + 1828x_i - 19,73x_i^2$) и Оренбургской области ($\check{Y}_i = 284,18 + 193,26x_i - 19,48x_i^2$). Обобщенная тенденция для этих субъектов – отрицательная, то есть тенденция падения выручки. Прогноз возможен только на один период вперед – на 2015 г. Для остальных 4 регионов – УФСИН России по Иркутской, Нижегородской, Свердловской и Самарской областям результаты исследования показали отсутствие тенденции и невозможность построения модели прогнозирования.

Группа 1.3 с большими объемами выручки – 500–2000 млн р. и отрицательными темпами роста 0,97–0,98 представлена УФСИН России по Челябинской и Кировской областям. Построение моделей на базе корреляционно-регрессионного анализа по этим регионам оказалось невозможным вследствие высокой вариации и отсутствия тенденции.

Группа 2.1 является второй по объему выручки – 200–500 млн р. и характеризуется высоким средним темпом роста – 1,74–1,13. Из 9 ТО положи-

тельную тенденцию, то есть тенденцию роста, имеют Псковская область, Алтайский и Приморский края (линейная модель). По этим субъектам сделаны прогнозы на 2015 и 2016 годы. Производственно-хозяйственная деятельность УФСИН России по Калужской области ($\check{Y}_i = -2,6 + 16,76x_i^2$) и Ставропольскому краю ($\check{Y}_i = -163,75 + 11,36x_i^2$) описана с использованием адекватной модели квадратичной регрессии с резкой положительной тенденцией. Напротив, снижение показателя выручки, отрицательный тренд характерен для УФСИН России по Брянской ($\check{Y}_i = -55,61 + 136,15x_i - 11,7 [x_i]^2$), Костромской ($\check{Y}_i = 67,17 + 99,94x_i - 8,1 [x_i]^2$) и Орловской ($\check{Y}_i = -16,58 + 125,43x_i - 13,43x_i^2$) областям. Перебор всех типов моделей УФСИН России по Владимирской области показал, что тенденция отсутствует.

Группа 2.2 характеризуется средними объемами выручки – 200–500 млн р., но более низкими темпами роста – 1,01 в среднем за год. Такие темпы – это примерно уровень инфляции. В эту группу вошли 10 ТО. Построение моделей в этой группе удалось только по двум субъектам. Выручка от реализации продукции (работ, услуг) по производственной деятельности УФСИН России по Ульяновской, Волгоградской, Саратовской, Тверской, Тюменской, Липецкой областям, Удмуртской Республике, а также Санкт-Петербургу и Ленинградской области сильно варьирует в исследуемый период. Перебор всех типов моделей показал, что тенденция отсутствует. Тенденцию роста имеет только Краснодарский край (линейная модель $\check{Y}_i = 257,39 + 20,59x_i$). Тенденция падения характерна для показателя выручки по УФСИН России по Омской области ($\check{Y}_i = -151,02 + 150,56x_i - 13,52x_i^2$).

Группа 2.3 характеризуется средними объемами выручки – 200–500 млн р. и очень низкими темпами роста – от 0,89 до 1,0 в среднем за год. Такие темпы роста ниже уровня инфляции. Индекс физического объема для такой группы является практически отрицательным. В эту группу вошли 5 ТО: УФСИН России по Ивановской, Ярославской, Ростовской и Воронежской областям, Хабаровскому краю. Построение моделей на базе корреляционно-регрессионного анализа по этим регионам оказалось невозможным вследствие высокой вариации и отсутствия тенденции.

Группа 3.1 является третьей по объему выручки – 100–200 млн р. и характеризуется высокими средними темпами роста – 1,11–1,41. Из 5 ТО положительную тенденцию не показал ни один регион. Построены адекватные модели на основе квадратичной регрессии по 4 субъектам: УФСИН России по Смоленской области ($\check{Y}_i = -98,63 + 1206x_i - 10,54x_i^2$), Забайкальскому краю ($\check{Y}_i = -8,48 + 53,54x_i - 4,2 [x_i]^2$), Тульской ($\check{Y}_i = -2,6 + 810x_i - 6,65x_i^2$) и Белгородской ($\check{Y}_i = 210,4 - 80,48x_i + 12,16 [x_i]^2$) областям. Тенденция является отри-

цательной, то есть спрогнозировано снижение выручки. Необходимо принять меры по преодолению этой негативной тенденции. Для УФСИН России по Пензенской области перебор всех типов моделей показал отсутствие тенденции.

Группа 3.2 характеризуется средними по величине объемами выручки – 100–200 млн р. и более низкими темпами роста – 1,01–1,095 в среднем за год. Такие темпы роста – это примерно уровень инфляции. Индекс физического объема для такой группы является практически нулевым. В эту группу вошли 9 субъектов. Из 9 ТО положительную тенденцию, то есть тенденцию роста, имеет Амурская ($\check{Y}_i = 68,8 + 9,28x_i$), Рязанская ($\check{Y}_i = 143,9 + 11,68x_i$) и Томская ($\check{Y}_i = 121,2 + 5,56x_i$) области (линейная модель регрессии). Модель на основе полинома 2-го порядка построена для Тамбовской ($\check{Y}_i = 18,27 + 62,87x_i - 6,52x_i^2$) и Новгородской ($\check{Y}_i = 96,33 + 23,26x_i - 2,934x_i^2$) областей. Обобщенная тенденция для этих территориальных органов – отрицательная, то есть тенденция падения выручки. Прогноз возможен только на один период вперед – на 2015 г. Для остальных 4 субъектов – УФСИН России по Республике Бурятия, Курской, Вологодской областям и Республике Карелия результаты исследования показали отсутствие тенденции и невозможность построения модели прогнозирования.

Группа 3.3 характеризуется средними объемами выручки 100–200 млн р. но очень низкими темпами роста – от 0,97 до 0,98 в среднем за год. Такие темпы роста – ниже уровня инфляции. В эту группу вошли 2 субъекта: УФСИН России по Калининградской области и Республике Саха (Якутия). По УФСИН России по Калининградской области была подобрана условно применимая модель квадратичной регрессии с отрицательным квадратичным эффектом ($\check{Y}_i = 96,33 + 23,26x_i - 2,934 [x_i]^2$). Тенденция снижения выручки, прогноз возможен только на один период вперед, то есть на 2015 год. Построение моделей для УФСИН России по Республике Саха (Якутия) показал отсутствие тенденции.

Группа 4.1 является самой низкой по объему выручки до 100 млн р. и высокими темпами роста 1,12–1,36. Из 9 ТО положительную тенденцию, то есть тенденцию роста и линейную модель имеют: Сахалинская область ($\check{Y}_i = -4,23 + 10,15x_i$), Республика Дагестан ($\check{Y}_i = 4,032 + 9,367x_i$) и Республика Хакасия ($\check{Y}_i = 41,06 + 7,97x_i$). По этим субъектам сделаны прогнозы на 2015 и 2016 годы.

Производственная деятельность УФСИН России по Республике Марий Эл описана с использованием адекватной модели квадратичной регрессии с отрицательной тенденцией ($\check{Y}_i = -50,9 + 756x_i - 8,06 [x_i]^2$). Перебор всех типов моделей УФСИН России по Московской, Магаданской областям, Республике Северная Осетия, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Калмыкия

показал, что тенденция отсутствует вследствие высокой степени вариации.

Группа 4.2 характеризуется также самыми низкими объемами выручки – до 100 млн р., но более низкими темпами роста – 1,07–1,008 в среднем за год. Такие темпы роста – это примерно уровень инфляции. Если рассчитать индекс физического объема для такой группы, то он будет практически нулевым. В группу вошли 6 ТО. В этой группе построение моделей удалось только по трем субъектам. Выручка от реализации продукции (работ, услуг) в УФСИН России по Республике Тыва, Ямало-Ненецкому автономному округу и Республике Адыгея сильно варьируется в исследуемый период. Перебор всех типов моделей показал, что тенденция отсутствует. Тенденцию роста имеют только Курганская ($\check{Y}_i = 61,55 + 6,36x_i$) и Астраханская ($\check{Y}_i = 45,4 + 64x_i$) области. Тенденция падения характерна для показателя выручки для УФСИН России по Мурманской области ($\check{Y}_i = 51,95 + 11,09x_i - 1,39x_i^2$).

Группа 4.3 характеризуется самыми малыми объемами выручки – до 100 млн р. и очень низкими темпами роста – от 0,98 до 0,99 в среднем за год. Такие темпы роста – ниже уровня инфляции. Если рассчитать индекс физического объема для такой группы, то он будет практически отрицательным. В эту группу вошли 5 ТО: УФСИН России по Республике Алтай, Чеченской Республике, Ханты-Мансийскому автономному округу, Камчатскому краю и Еврейской автономной области. Построение моделей на базе корреляционно-регрессионного анализа по этим регионам оказалось невозможным вследствие высокой вариации и отсутствия тенденции.

Таким образом, сводные результаты по прогнозированию сводятся к следующим количественным показателям (рис.). Из 77 субъектов Российской Федерации, имеющих на своей территории исправительные учреждения и занимающихся производственно-хозяйственной деятельностью, тенденция роста характерна для 19 субъектов РФ (24,7 %), для 16 – тенденция падения (20,8 %). Остальные 42 субъекта РФ характеризуются отсутствием тенденции и невозможностью построения моделей временных рядов. Причиной этому является значительная вариация признака на временном промежутке 2008–2014 гг. (54,6 %).

Научный интерес представляет некоторая закономерность распределения объектов моделирования в зависимости от двух выбранных признаков: выручки от реализации продукции (товаров, услуг) и темпов роста за период 2008–2014 гг.

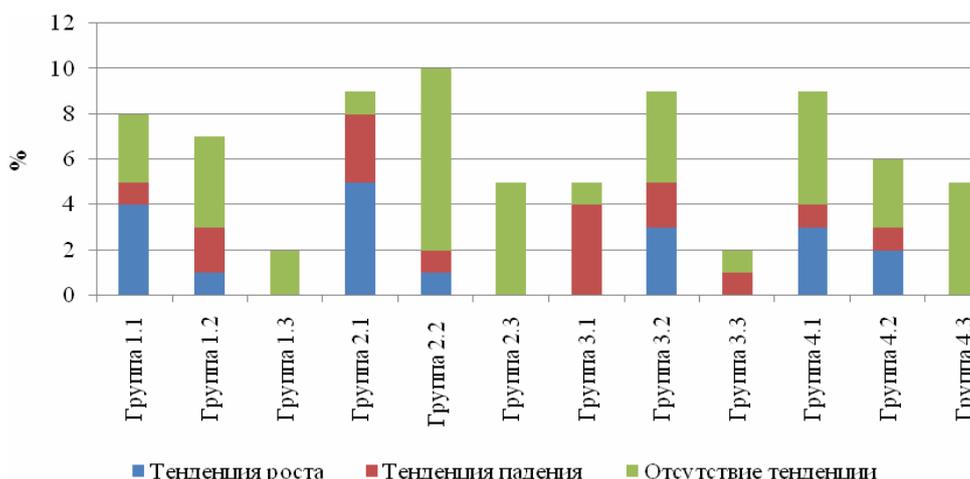

Рис. Распределение территориальных УФСИН России по результатам прогнозирования выручки от реализации продукции (товаров, услуг)

В группах 1.1, 2.1 и 4.1 (кроме группы 3.1) преобладает тенденция роста, то есть по результатам прогнозирования были получены модели с положительными коэффициентами регрессии. Независимо от уровня объемов выручки для этих групп характерны высокие темпы роста, значительно превышающие уровень инфляции. Следовательно, на будущий период были получены прогнозы выручки, превышающие средние показатели за период. Группа 3.1 является исключением – для нее характерно преобладание тенденции падения выручки, то есть снижение выручки в сравнении со средним показателем.

В группах 1.2, 2.2, 3.2 и 4.2 с темпами роста на уровне инфляции преобладает неудачная попытка построения прогнозов, то есть не удалось подобрать модель для описания тенденции временного ряда. Следует также отметить, что в группах 1.3, 2.3 и 4.3 с отрицательными темпами роста вообще отсутствуют доказанные тренды, то есть все попытки моделирования оказались неудачными.

Замеченные закономерности поведения выбранного показателя для прогнозирования выходят за рамки данного исследования и требуют дальнейшей проработки с выдвижением других гипотез.

Список литературы

1. Басовский Л. Е. Прогнозирование и планирование в условиях рынка : учеб. пособие. М., 2013. 260 с.
2. Белова Т. Н. Моделирование социально-экономических процессов : практикум. Рязань, 2010. 190 с.
3. Прикладная статистика. Основы эконометрики : учеб. для вузов : в 2 т. 2-е изд., испр. М., 2001. Т. 2. 432 с.
4. Чернышов И. Н., Купцов М. И. Экономические интересы осужденных в процессе труда: структурный анализ // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 134–141.
5. Погудин О. А. Оптимизация системы оплаты труда осужденных: понятие, противоречия и проблемы достижения // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 38–44.

TAT'JANA NIKOLAEVNA BELOVA

dsc in economy, professor,
 professor, economy and management department
 (Academy of the FPS of Russia),
 E-mail: belova_t_n@mail.ru

ECONOMICS OF PENAL SYSTEM AS AN OBJECT OF FORECASTING USING MATHEMATICAL MODELS

Abstract: results of the research devoted to development of forecasts of development of economy of institutions of criminal and executive system are presented in article. Object of forecasting is the main indicator of economy – proceeds from sales of production (goods, services) in all subjects of the Russian Federation in the territory of whom there are correctional facilities which are engaged in production and other economic activity.

The starting point of research consisted in need of an assessment of a state and prospects of development of economic entities for difficult conditions of the competitive market environment. The production and economic activity of correctional facilities functioning on the terms of payback demands a complex assessment of an economic state, definition of tendencies of development and forecasting of quantitative indices. In communication by it huge value is gained by statistical methods of estimation and modeling of a state, the main tendencies and prospects of development of these subjects of the market relations.

The research problem consisted in an assessment and modeling of a state and tendencies of development of production economic activity of correctional facilities in regional aspect – on subjects of the Russian Federation. She included performance of the following stages: the choice of a method of forecasting for quantitative indices depending on specifics of basic data; collection of data on 77 regions during 2008–2014; group of data array; creation of models for the temporary ranks having a natural tendency and their decision; direct forecasting (extrapolation) for future period in case of adequacy of model.

As the instrument of research of temporary ranks the analytical modeling (the correlation and regression analysis) allowing not only to reveal features and tendencies of each phenomenon, but also to construct any regression model for extrapolation, that is the forecast for future periods has been chosen.

In article conclusions by results of creation of economical and statistical models for 77 subjects of the Russian Federation having production divisions of correctional facilities in the territory are drawn. The proceeds from sales of production (goods, services) tend growth for 19 subjects (24,7 %), for 16 – a falling tendency (20,8%) and, therefore, lack of adequate models. The impossibility of creation of forecasts for this group is explained by a considerable variation of a sign a temporary interval of 2008–2014. With the advent of new data such situation can change, that is the hidden tendency will be shown and creation of expected models will be successful.

Key words: economy of criminal and executive system, revenue, modeling of quantitative indices, tendency; forecasting; extrapolation.

References

1. Basovskij L. E. Prognozirovanie i planirovanie v uslovijah rynka [Forecasting and planning in the conditions of the market]. Moscow, 2013. 260 p.
2. Belova T. N. Modelirovanie social'no-jekonomicheskikh processov [Modeling of social and economic processes]. Ryazan, 2010. 190 p.
3. Prikladnaja statistika. Osnovy jekonometriki [Applied statistics. Fundamentals of econometrics]. In 2 vol. The 2nd edition corrected. Moscow, 2001, vol. 2. 432 p.
4. Chernyshov I. N., Kupcov M. I. Jekonomicheskie interesy osuzhdennyh v processe truda: strukturnyj analiz [Economic interests of convicts in the course of work: structural analysis]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2015, no. 1, pp. 134–141.
5. Pogudin O. A. Optimizacija sistemy oplaty truda osuzhdennyh: ponjatie, protivorechija i problemy dostizhenija [Optimization of system of compensation of convicts: concept, contradictions and problems of achievement]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2010, no 2, pp. 38–44.

ИННА ВИТАЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и социальной психологии
(Тюменский государственный университет),
e-mail: innavitalievnasilieva@gmail.com;

ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ,

доктор биологических наук,
заведующий кафедрой медицинской физики и информатики
(Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского),
e-mail: grigorievpe@cfuv.ru;

СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ИВАНЦОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя),
e-mail: isv1970@mail.ru;

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ИГНАТОВ,

доктор юридических наук, старший научный сотрудник,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
(Крымский филиал Краснодарского университета МВД России),
e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТУИЦИИ У ОСУЖДЕННЫХ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Реферат: в статье предлагается оценка интуиции осужденных, которая связана с особенностями реализации их базовых потребностей (сексуальная потребность, потребность в безопасности и др.), уточняются теоретические идеи о прекогниции и интуиционных феноменах в целом. Отмечается необходимость оценки влияния потребностей, а также эмоциональных и когнитивных характеристик на особенности интуиции. Исследуется поведение осужденных за насильственные преступления. Осужденные за насильственные преступления характеризуются тем, что их поведение связано с застреванием на субъективно-эмоциональных ситуациях, что опасно, поскольку внешняя среда воспринимается как враждебная. Это выступает провокатором обостренного реагирования осужденных на реальные и мнимые угрозы со стороны других людей. Отмечается, что исследуемой категории осужденных присущи высокий уровень раздражительности, чувствительности к малейшим аспектам социального взаимодействия, что усугубляет оценку ситуации и взаимодействия с людьми не просто как с угрозой, а как с угрозой самооценности осужденного. Нахождение в пенитенциарном учреждении является экстремальной ситуацией, требует напряжения базовых потребностей человека (прежде всего витальных и потребности в безопасности).

Описывается метод исследования, в частности применение авторского программного обеспечения – теста «Антиципация аффективных стимулов». Обсуждаются результаты исследования, раскрывается содержание социального контекста и культурной среды, актуализирующих биологическую мотивацию и оказывающих влияние на интуицию, представляется гипотеза о том, что мужчины (осужденные и законопослушные) для обработки информации на неосознаваемом уровне будут ориентироваться на стимулы, являющиеся маркерами значимых потребностей. Анализируются гипотезы о связи интуиции с когнитивным стилем, а также о способности осужденных перерабатывать информацию посредством таких стилей, как бдительность, сниженная толерантность к неопределенности и др.

Ключевые слова: интуиция, осужденные за насильственные преступления, психологические особенности, биологическая мотивация, стимулы осужденных.

Ученый Д. Бем предположил, что прекогниция связана с двумя базовыми тенденциями: «приближением» и «избеганием» [1, 2]. Представления И. В. Васильевой, П. Е. Григорьева об интуиции как о механизме переработки информации о физически нелокальных,

лично и (или) биологически значимых событиях посредством совокупности психических процессов и воспроизведения в продуктах сознания, деятельности, поведения уточняют теоретические идеи Д. Бем о прекогниции и интуиционных феноменах в целом [3].

Мы считаем, что необходимо оценить влияние потребностей, а также эмоциональных и когнитивных характеристик на особенности интуиции. Основное уточнение касается роли биологически и (или) лично-значимых стимулов в работе интуиции. Чем более значимая потребность актуализируется, тем сильнее должна проявлять себя интуиция.

Традиционно для исследований, выполняемых в русле юридической психологии и криминологии, является важным вопрос о роли психологических особенностей в характеристиках поведенческого портрета преступников различных типов (организованных, насильственных, корыстных, неосторожных и т. д.) [4, 5].

Осужденные за насильственные преступления характеризуются тем, что их поведение связано с застреванием на субъективно-эмоциональных ситуациях, что особенно опасно, поскольку внешняя среда воспринимается как враждебная. Это выступает провокатором обостренного реагирования на реальные и (или) мнимые угрозы со стороны других людей. Затрудненная оценка объективности угрозы связана с высоким уровнем раздражительности, чувствительности к малейшим аспектам социального взаимодействия, экстрапунитивности, что усугубляет оценку ситуации и взаимодействия с людьми не просто как с угрозой, а как с угрозой самооценности осужденного. Ригидность установок в отношении враждебности среды и окружающих людей, в отношении оценки себя и своих поступков приводит к тому, что моральные и правовые нормы интерпретируются преимущественно в свою пользу [6].

Нахождение в пенитенциарном учреждении является экстремальной ситуацией, требует напряжения базовых потребностей человека. Прежде всего это витальные потребности и потребность в безопасности [7]. Гипотеза о связи интуиции с потребностями, а также эмоциональными и когнитивными характеристиками человека может быть

проверена на выборке осужденных, у которых некоторые базовые потребности фрустрированы. В частности, именно фрустрированные потребности (в сексуальном удовлетворении, в безопасности) могут оказывать максимально сильное воздействие на функционирование интуиции и выражаться в частоте предсказаний стимула, релевантного этой потребности.

Были высказаны следующие предположения: мужчины (осужденные и законопослушные) для обработки информации на неосознаваемом уровне будут ориентироваться на стимулы, являющиеся маркерами значимых потребностей; интуиция связана со стилем переработки осознаваемой информации (когнитивным стилем).

Для проведения исследования были сформированы экспериментальная и контрольная группы, состоявшие из мужчин в возрасте от 25 до 35 лет: лица, находящиеся в условиях исправительного учреждения, осужденные по ст. 105 УК РФ (умышленное причинение смерти другому человеку) на срок от 6 до 20 лет лишения свободы (экспериментальная группа); мужчины, занятые в разных сферах деятельности, характеризующиеся законопослушным поведением (контрольная группа).

Общий объем выборки составил 80 человек, из них: экспериментальная группа – 40 человек; контрольная группа – 40 человек.

Для оценки интуиции было разработано авторское программное обеспечение – тест «Антиципация аффективных стимулов» (идея П. Е. Григорьева, И. В. Васильевой, программист-разработчик А. А. Таратухин), где в качестве стимульного материала использовались изображения базы IAPS (International Affective Picture System for adults) и звуки базы IADS (International Affective Digital Sounds). Материалы баз IAPS и IADS были использованы с разрешения правообладателей.

Стимульные изображения были отсортированы по содержанию и уравновешены по показателям валентности и силы: парная эротика; нейтральные (предметы вне контекста, не актуализирующие базовых потребностей); негативные, вызывающие отвращение и избегание (сцены с рвотой, фекалиями, грязью, трупами, сценами страданий и т. д.).

Таблица 1

Средние величины и стандартные ошибки показателей валентности и возбуждения, отобранных для исследования аффективно окрашенных изображений из базы IAPS

Категория стимула	Валентность	Сила
Отталкивающие	2,78 ± 0,12	5,17 ± 0,13
Нейтральные	5,20 ± 0,08	3,11 ± 0,08
Парная романтика/эротика	6,62 ± 0,06	6,11 ± 0,09

Экспериментальная сессия состояла из 150 последовательных предъявлений стимулов в случайном порядке.

Проверка предположения, что осужденные вследствие фрустрации некоторых потребностей будут обладать сниженными способностями эмоциональной осведомленности и управления эмоциями, была реализована с помощью методики «Тест на эмоциональный интеллект Холла». Данная методика предназначена для выявления способности понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решений.

Проверка гипотезы о переработке информации посредством таких стилей, как бдительность и сниженная толерантность к неопределенности, в осознаваемой сфере у осужденных, а также о связи интуиции с когнитивными стилями испытуемых была реализована с помощью следующих методик: «Новый опросник толерантности к неопределенности» (Т. В. Корнилова) и «Мельбурнский опросник принятия решений» (Т. В. Корнилова).

Методы обработки данных: описательные статистики, непараметрический U-критерий Манна-Уитни, кластерный анализ (древовидная кластеризация, метод К-средних), дискриминантный анализ, однофакторный дисперсионный анализ.

В выборке осужденных распределение предсказаний выглядит как убывающий тренд по возрастанию валентности категории стимулов: от негативных через нейтральные к эротическим (рис. 1).

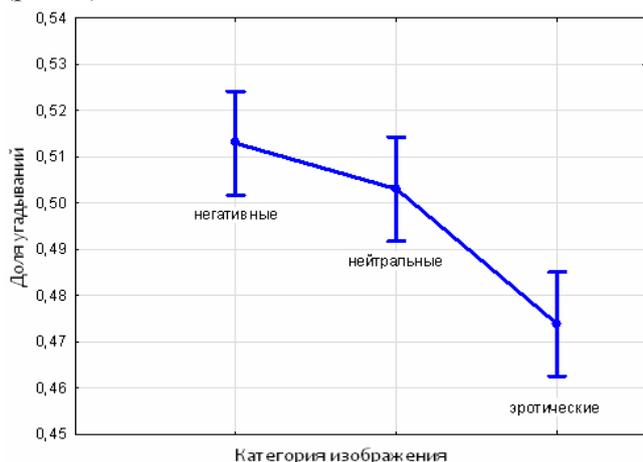

Рис. 1. Доли предсказаний (по оси ординат) испытуемыми-осужденными изображений из различных категорий (по оси абсцисс)

Для группы законопослушных мужчин был выявлен сходный тренд убывания количества предсказаний от стимулов-изображений с наименьшей валентностью к наибольшей (рис. 2).

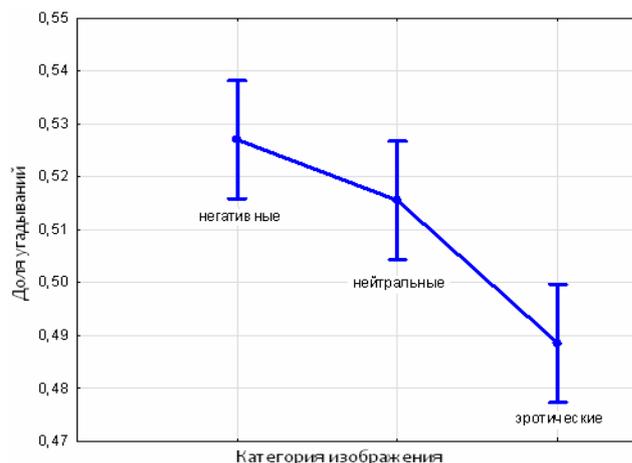

Рис. 2. Доли предсказаний (угадываний) (по оси ординат) законопослушными испытуемыми изображений из различных категорий (по оси абсцисс)

Посредством кластерного анализа методом К-средних испытуемые-осужденные были классифицированы на три группы (по результатам древовидной классификации методом Ward, евклидовы расстояния, и по анализу дисперсии в методе К-средних) в зависимости от типов выборов изображений стимульных категорий (рис. 3):

- преимущественно выбирающие негативные изображения и вытесняющие эротические (45 %);
- преимущественно выбирающие эротические изображения и избегающие негативные (15 %);
- в равной мере избегающие все типы изображений (40 % испытуемых) – контринтуитивные испытуемые.

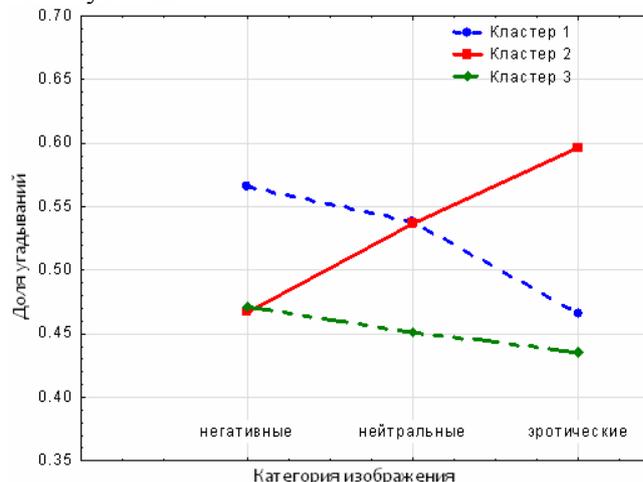

Рис. 3. Кластеризация испытуемых-осужденных по паттернам предсказаний (угадываний) изображений соответствующих категорий методом К-средних

Законопослушные испытуемые также распределены на три группы (рис. 4) следующим образом:

- в целом высокоинтуитивные по всем типам изображений, но с превалированием выборов негативно окрашенных стимулов (50 %);
- испытуемые с превалированием выборов нейтральных и избеганием эротических стимулов (22,5 %);

– в равной мере избегающие все типы изображений (27,5 %) – контринтуитивные испытуемые.

Заслуживает внимания обстоятельство, что среди заключенных все же выявились, вопреки общей тенденции, 15 % испытуемых, у которых выборы эротических изображений преобладали (59,7 % против 50 % ожидаемых).

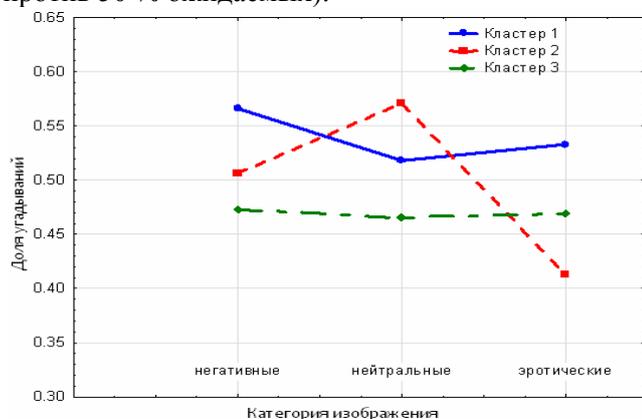

Рис. 4. Кластеризация испытуемых контрольной группы по паттернам предсказаний (угадываний) изображений различных категорий методом К-средних

Кроме того, по испытуемым-осужденным была собрана информация, касающаяся их поведения в исправительном учреждении (сотрудничество с администрацией или активное сопротивление режиму исправительного учре-

ждения). Был проведен пошаговый дискриминантный анализ с включением для обнаружения переменных и их значений, которые в наибольшей степени разделяют испытуемых по данному признаку.

С высокой статистической значимостью такими переменными являются индекс полнезависимости ($F = 14,79, p = 0,000445$) и эмоциональный интеллект: самомотивация ($F = 8,25, p = 0,006704$). У сотрудничающих с администрацией (25 человек) эти показатели составили соответственно $1,03 \pm 0,07$ и $9,12 \pm 0,97$, а у сопротивляющихся режиму (15 человек) $1,76 \pm 0,20$ и $5,00 \pm 1,47$. Примечательно, что по другим показателям методик не обнаружено значимых различий между группами, что позволяет предсказывать или анализировать возможное просоциальное поведение осужденных исходя из этого малого числа характеристик (речь идет лишь об использованных методиках, не имеющих, кстати, прямого отношения к факторам направленности личности).

Далее был проведен анализ различий выраженности всех признаков групп осужденных и законопослушных (контрольной группы) по ранговому непараметрическому U-критерию Манна-Уитни (табл. 2), поэтому в качестве показателей мер центральной тенденции и разброса ниже используются медиана и ошибка медианы.

Таблица 2

Результаты сравнения показателей испытуемых по U-критерию Манна-Уитни

Переменная для анализа	U – значение критерия	Z – статистика	P – точный двусторонний уровень значимости
Время просмотра парной эротики	566,00	- 2,25	0,02
Эмоциональный интеллект: эмоциональная осведомленность	569,50	- 2,22	0,03
Принятие решений: бдительность	494,50	- 2,96	0,00
Толерантность к неопределенности: Ф1. Толерантность к неопределенности	509,50	- 2,79	0,00
Индекс полнезависимости: I индекс	453,00	- 3,33	0,00

Следовательно, время просмотра изображений с парной эротикой значимо больше у контрольной группы ($3,08 \pm 0,53$ секунд), чем у осужденных ($1,87 \pm 1,32$ секунд); эмоциональная осведомленность (в единицах измерения методики) значимо выше у контрольной группы ($9,0 \pm 1,27$), чем у осужденных ($8,50 \pm 1,54$); бдительность высоко значимо выше у контрольной группы ($16,0 \pm 0,58$), чем у осужденных ($13,5 \pm 0,79$), толерантность к неопределенности высоко значимо выше у контрольной группы ($59,5 \pm 2,42$), чем у осужденных ($52,5 \pm 2,28$); индекс полнезависимости высоко значимо вы-

ше у контрольной группы ($1,68 \pm 0,21$), чем у осужденных ($1,13 \pm 0,18$).

Далее был проведен пошаговый дискриминантный анализ с включением для того, чтобы определить, какие переменные (из представленных в таблице 2) в наибольшей степени отличаются в кластерах, куда отнесены испытуемые в зависимости от результатов их предсказаний.

Для кластеров испытуемых-осужденных не обнаружено переменных, которые позволили бы статистически значимо их различать.

Аналогичным образом проведенный дискриминантный анализ для контрольной группы показал,

что кластеры дискриминируются статистически значимо по «времени просмотра негативных изображений» ($F = 4,36, p = 0,020$).

Испытуемые первого кластера менее длительно просматривают негативные изображения (рис. 5), и они же (рис. 2) чаще угадывают (в 56,6 % случаев) негативные изображения. Возможно, именно эти испытуемые наиболее чувствительны к стимулам такого рода, и эта чувствительность отражается, с одной стороны, в брезгливости (о чем свидетельствует нежелание рассматривать данные стимулы), с другой – в необходимости распознавать негативные стимулы, чтобы более успешно их избегать, что и реализуется фактически в данном эксперименте (рис. 5).

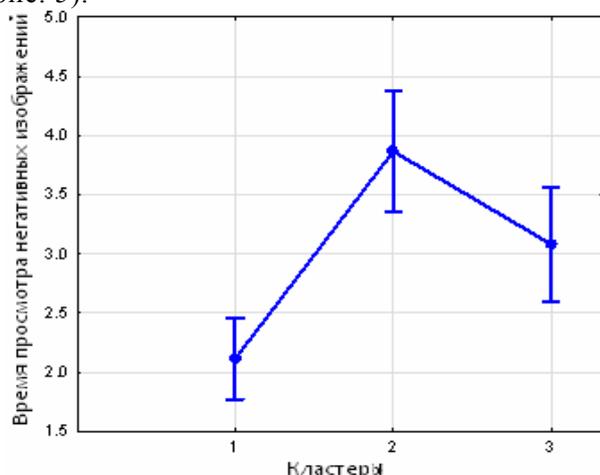

Рис. 5. Значения переменной времени просмотра негативных изображений в зависимости от принадлежности испытуемых контрольной группы к различным кластерам на основе показателей их интуитивной деятельности

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. В целом осужденные-испытуемые и законопослушные испытуемые 25–35 лет обнаруживают сходные паттерны в частоте выборов (по убыванию) скрытых аффективно окрашенных стимулов: негативные – нейтральные – эротические, что отличается от закономерностей, установленных Д. Бем (2011) на выборке студентов-американцев.

Список литературы

1. Bem D. J. Feeling the Future: Experimental Evidence for Anomalous Retroactive Influences on Cognition and Affect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, Vol. 100, pp. 407–425.
2. Bem D., Tressoldi P., Rabeyron T., Duggan M. Feeling the future: A meta-analysis of 90 experiments on the anomalous anticipation of random future events [version 1; referees: 2 approved]. *F1000Research* 2015, 4:1188 (doi: 10.12688/f1000research.7177.1).
3. Васильева И. В., Григорьев П. Е. Интуиция: от противоречивости теоретических объяснений к методологии доказательного эмпирического исследования // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2014. № 9. Педагогика. Психология. С. 189–195.
4. Иванцов С. В. Личностные свойства лидеров организованных преступных формирований как фактор современной российской преступности // *Юридическая психология*. 2008. № 4. С. 14–19.

Неосознанные опережающие выборы испытуемых-осужденных характеризуются преимущественным вытеснением эротических изображений, а законопослушных – более частым выбором негативных изображений, что может объясняться вытеснением сексуальной потребности у заключенных и необходимостью прогнозировать неблагоприятные события – у законопослушных.

Время просмотра предъявляемых изображений и серого фона пропорционально и выступает маркером наличия неосознаваемого знания о содержании скрытого изображения.

Таким образом, социальный контекст и культурная среда актуализируют ту или иную биологическую мотивацию (стремление к объекту или избегание объекта). Можно отметить, что по результатам проведенного исследования наша гипотеза о том, что мужчины (осужденные и законопослушные) для обработки информации на неосознаваемом уровне будут ориентироваться на стимулы, являющиеся маркерами значимых потребностей, подтверждается.

Гипотеза о том, что интуиция связана с когнитивным стилем, подтверждается частично. Высокий уровень бдительности может быть связан с низким уровнем предсказываемости значимых стимулов. «Контринтуитивные» испытуемые избегают все типы аффективных стимулов (негативные, эротически окрашенные и нейтральные), вероятно, вследствие избыточного уровня рационализации принятия решений.

Гипотеза о том, что осужденные вследствие фрустрации части базовых потребностей (потребность в безопасности, сексе, общении с близкими, свободе и т. д.) будут в осознаваемой сфере перерабатывать информацию посредством таких стилей, как бдительность, сниженная толерантность к неопределенности; обладать сниженными способностями эмоциональной осведомленности и управления эмоциями, подтверждается частично, а именно для осужденных характерен низкий эмоциональный интеллект, то есть для них является затруднительным оценивать свое эмоциональное состояние и других людей, а также управлять этим состоянием и воздействовать на него.

5. Перемолотова Л. Ю. Значение особенностей личности осужденного при осуществлении профилактического воздействия // Юридическая наука и правоохранительная деятельность. 2015. № 3. С. 76–81.
6. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996.
7. Игнатов А. Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения // Общество и право. 2015. № 1. С. 63–68.

INNA VITAL'EVNA VASILEVA,
phd in psychology, associate professor,
associate professor at general and social psychology department
(Tyumen state university),

e-mail: innavitalievnvasilieva@gmail.com;

PAVEL EVGEN'EVICH GRIGORIEV,
dsc in biology,

chair of medical physics and informatics department
(V. I. Vernadskiy Crimean Federal university),

e-mail: grigorievpe@cfuv.ru;

SERGEY VJACHESLAVOVICH IVANTSOV,
dsc in law, professor,

professor, criminology department

(Moscow university of the ministry of the interior of Russia of V. Y. Kikot),

e-mail: isv1970@mail.ru;

ALEKSANDR NIKOLAEVICH IGNATOV,

dsc in law, senior researcher,

professor, criminal law and criminology department

(Crimea branch of the Krasnodar university of the ministry of the interior of Russia),

e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

INTUITION PECULIARITIES OF VIOLENT CONVICTS

Abstract: the article assesses intuition of convicts, which is connected with peculiarities of realizing their basic needs (sexual need, need for safety, etc.). The authors specify theoretical ideas about the phenomena of pre-cognition and intuition in general. The article stresses the importance of assessing influence of the needs, as well as emotional and cognitive characteristics, on intuition peculiarities. Behavior of violent convicts is investigated. Violent convicts are characterized by the fact that their behavior is connected with fixating on subjective and emotional situations, which is dangerous because external environment is perceived as dangerous, hostile. It acts as a provoker of aggravated response of convicts to real and alleged threats from other people. It is noted that the category of convicts under study possesses a high level of irritability, sensitivity to the slightest aspects of social interaction, which aggravates assessment of the situation and interactions with people not just as threatening, but as threatening to the convict's inherent worth. Being in a penal institution is an extreme situation, it requires intensification of a person's basic needs (first of all, vital need and need for safety).

The authors describe their research method, specifically, application of an original software program – Anticipation of Affective Stimuli Test. Results of the research are presented and discussed. They reveal the concepts of social context and cultural environment that actualize biological motivation and influence intuition. The authors put forward a hypothesis that men (condemned and law-abiding), when processing information, will unconsciously rely upon stimuli, serving as markers for significant needs. The article analyzes a hypothesis on connection of intuition and cognitive style, as well as on ability of convicts to process information by means of such styles as vigilance, reduced tolerance to uncertainty, and others.

Key words: intuition, violent convicts, psychological features, biological motivation, stimuli of convicts.

References

1. Bem D. J. Feeling the Future: Experimental Evidence for Anomalous Retroactive Influences on Cognition and Affect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, Vol. 100, pp. 407–425.

2. Bem D., Tressoldi P., Rabeyron T., Duggan M. Feeling the future: A meta-analysis of 90 experiments on the anomalous anticipation of random future events [version 1; referees: 2 approved]. *F1000Research* 2015, 4:1188 (doi: 10.12688/f1000research.7177.1).

3. Vasil'eva I. V., Grigor'ev P. E. Intuicija: ot protivorechivosti teoreticheskikh ob'jasnenij k metodologii dokazatel'nogo jempiricheskogo issledovanija [Intuition: from discrepancy of theoretical explanations to methodology of evidential empirical research]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Tyumen state university*, 2014, no. 9. *Pedagogika. Psihologija* [Pedagogics. Psychology], pp. 189–195.

4. Ivancov S. V. Lichnostnye svojstva liderov organizovannyh prestupnyh formirovanij kak faktor sovremennoj rossijskoj prestupnosti [Personal properties of leaders of organized criminal formations as factor of modern Russian crime]. *Juridicheskaja psihologija – Legal psychology*, 2008, no. 4, pp. 14–19.

5. Peremolotova L. Ju. Znachenie osobennostej lichnosti osuzhdenного pri osushhestvlenii profilakticheskogo vozdeystvija [Value of features of the identity of the preventive influence condemned at implementation]. *Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja dejatel'nost' – Jurisprudence and law-enforcement activity*, 2015, no. 3, pp. 76–81.

6. Antonjan Ju. M., Enikeev M. I., Jeminov V. E. *Psihologija prestupnika i rassledovanija prestuplenij* [Psychology of the criminal and investigation of crimes]. Moscow, 1996.

7. Ignatov A. N. Strast' kak fundamental'naja sostavljajushhaja motiva prestupnogo povedenija [Passion as fundamental component of motive of criminal behavior]. *Obshhestvo i pravo – Society and law*, 2015, no. 1, pp. 63–68.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КИСЕЛЕВ,

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры мобилизационной
и тактико-специальной подготовки,
e-mail: kamkis@bk.ru;

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЧАБЫКИН,

кандидат педагогических наук,
начальник кафедры мобилизационной
и тактико-специальной подготовки
(Академия ФСИН России),
e-mail: chabykin_2009@mail.ru

О ПРОБЛЕМЕ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К ДЕЙСТВИЯМ В СЛОЖНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКЕ

Реферат: одной из наиболее важных задач психологической подготовки сотрудников применительно к действиям в экстремальных ситуациях является формирование готовности к преодолению опасностей и трудностей служебной обстановки, выработка способности выдерживать большие нервно-психические нагрузки в конфликтных ситуациях. Вопросы адаптации, в частности эмоционально-волевой устойчивости к действиям в сложной оперативной обстановке, еще не нашли достаточного отражения в системе служебно-боевой подготовки сотрудников пенитенциарной системы России. Большинство руководителей занятий, проводимых в рамках служебно-боевой подготовки, имеют слабое представление о решаемой проблеме. По результатам исследований, проведенных в загородном учебном центре Академии ФСИН России с курсантами вторых курсов, в зависимости от этапов эксперимента можно выделить следующие характерные особенности:

первый этап (1-я неделя подготовки) характеризуется резкой активизацией курсантов и повышением показателей большинства профессионально значимых качеств. Продуктивность профессиональной деятельности резко возрастает, особенно заметны эти изменения в увеличении объема запоминаемого материала и эффективности умственной деятельности;

второй этап (2-я неделя подготовки) отличается плавным улучшением характеристик всех качеств с незначительными колебаниями, связанными с особенностями прохождения учебной программы. К концу подготовки уровень развития профессионально значимых психических качеств у курсантов повышается. Особенно большие сдвиги наблюдаются у лиц со слабым первоначальным их развитием.

Таким образом, результаты исследования подтверждают тот факт, что практические занятия по тактико-специальной подготовке, направленные на оптимизацию адаптации курсантов к действиям в сложной оперативной обстановке, оказывают положительное воздействие на формирование у них профессионально значимых качеств.

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы, психологическая подготовка, адаптация к профессиональной деятельности, тактико-специальная подготовка, сложная оперативная обстановка, экстремальные ситуации.

Актуальность проблемы адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы России к действиям в сложной оперативной обстановке не вызывает сомнения. Обстановка в современном российском обществе, характеризующаяся девальвацией морально-нравственных ценностей, усилением противоречий между интересами различных социальных групп и другими негативными социально-экономическими факторами, оказывает влияние и на оперативную обстановку в пенитенциарных учреждениях России. В подобных условиях повышаются требования к таким профессионально

значимым качествам персонала, которые способствуют скорейшей адаптации сотрудников к профессиональной деятельности.

Под адаптацией в широком смысле следует понимать не только приспособляемость организма сотрудника к деятельности (например, в сложных климатических или географических условиях), но и наличие таких психологических качеств, которые усиливают его способность выполнять служебные задачи в напряженных условиях и опасных ситуациях, поэтому мы считаем психологическую подготовку сотрудников важнейшей дисциплиной, участ-

вующей в процессе оптимизации адаптации личного состава к деятельности в сложной оперативной обстановке. Одной из наиболее главных задач психологической подготовки сотрудников применительно к действиям в экстремальных ситуациях является формирование готовности к преодолению опасностей и трудностей служебной обстановки, выработка способности выдерживать большие нервно-психические нагрузки в конфликтных ситуациях. Важнейшим требованием к психологической подготовке является формирование у личного состава эмоционально-волевой устойчивости (одного из компонентов адаптированности), способности противостоять опасности, выдерживать отрицательные эмоциональные и физические воздействия сложной оперативной обстановки на психику сотрудников, а также формирование способности сохранять активность и результативность деятельности в экстремальных условиях. Кроме того, одним из требований к профессиональной подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы выступает формирование у личного состава специальных психологических качеств с учетом специфики их профессиональной деятельности, то есть таких качеств, которые обеспечивают устойчивость профессионального мастерства специалистов в соответствии со своим предназначением.

Вопросы адаптации, в частности эмоционально-волевой устойчивости к действиям в сложной оперативной обстановке, еще не нашли достаточного отражения в системе служебно-боевой подготовки сотрудников пенитенциарной системы России. В настоящее время вопросы оптимизации адаптации и психологической подготовки персонала к действиям в экстремальных ситуациях находятся в начальной стадии своего развития. Специальных глубоких исследований по данному вопросу проводилось немного, и их общая слабая сторона – отсутствие систематизации и обоснования рекомендуемых организационных приемов. Недостаточная научная и методическая разработка вопроса, к сожалению, негативно отражается на практике органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний.

Большинство руководителей занятий, проводимых в рамках служебно-боевой подготовки, имеют слабое представление о решаемой проблеме, поэтому вопросы психологической подготовки к действиям в сложной оперативной обстановке не становятся предметом специальных сознательных усилий руководителей, а осуществляются, как правило, стихийно, при этом имеет место преувеличенное представление о значении отдельных организационных и методических приемов, число которых обычно очень ограничено. Эффективность проделанной работы определяется выполнением упражнений и нормативов в привычных условиях,

тогда как более надежным критерием, по нашему мнению, выступает проявление приобретенных профессионально значимых качеств и навыков в новых условиях и видах деятельности, сходных с выполнением служебно-боевых задач в экстремальных ситуациях.

В ходе проводимого нами эксперимента выявлено, что уже в начальный период практических занятий по тактико-специальной подготовке под воздействием новизны упражнений сотрудники (курсанты) испытывают существенные эмоциональные и психологические нагрузки. Данное обстоятельство определяет особую роль и особые возможности моделирования на занятиях экстремальных ситуаций, способствующих оптимизации адаптации сотрудников к действиям в сложной оперативной обстановке. Именно обстановка с наличием физической и психологической напряженности позволяет формировать такой компонент адаптированности у сотрудников, как эмоционально-волевая устойчивость.

В результате исследований, проведенных в загородном учебном центре Академии ФСИН России с курсантами вторых курсов, установлено, что только 1/3 курсантов уверенно действует в сложных условиях, и наоборот, излишнее волнение, зафиксированное при обследовании остальных, мешает им полностью реализовать свои знания и навыки. Для выявления динамики некоторых психических качеств (память, внимание, сенсомоторные реакции) под воздействием процесса подготовки курсантов к деятельности в сложной оперативной обстановке были проведены исследования с контролем за функциональным состоянием их нервной системы. В процессе психологического обследования изучение памяти осуществлялось путем использования методики, основанной на запоминании и последующем воспроизведении серий слов и чисел. Испытуемым зачитывались по 2 серии из 10 слов и 10 чисел. Воспроизведение каждой серии осуществлялось в течение 45 секунд на бланке. Для оценки бралась сумма воспроизведенных слов и чисел в 4 сериях. Внимание исследовалось с помощью «колец Ландольта». Испытуемые в течение 3 минут вычерчивали кольца с заданным разрезом. По результатам выполнения задания определялась степень сосредоточения внимания и скорость переработки информации.

При исследовании курсантов в начале учебного сбора были получены следующие результаты: продуктивность памяти по сумме воспроизведенных слов и чисел в среднем равнялась 18,5 символа, то есть было воспроизведено 46,2 % предложенного материала. Устойчивость внимания по результатам теста с «кольцами Ландольта» оценивалась 307 знаками с 4,1 ошибки, что соответствову-

ет скорости переработки информации, равной 2,27 бит/с. Простые сенсомоторные реакции одной рукой протекали со скоростью 224,9 условной единицы, что по 9-балльной шкале соответствует 5 баллам, сложные реакции двумя руками – 140,0 условной единицы (6 баллов), реакции при дефиците времени – 30,7 условной единицы (4 балла).

При заключительном обследовании воспроизведение слов и чисел возросло на 27,2 %, скорость переработки информации увеличилась на 25,4 %. Скорость простой реакции одной рукой увеличилась в конце эксперимента на 5,4 %. Более существенными оказались изменения в сложной реакции двумя руками, время которой на заключительном этапе улучшилось на 14,2 %, а сложной реакции в условиях дефицита времени – на 33,3 %. Это объясняется повышением натренированности курсантов, выработкой профессионального навыка, приспособлением к четкой, быстрой и точной работе, особенно в условиях дефицита времени. В динамике развития исследуемых качеств, в зависимости от этапов эксперимента, можно выделить некоторые характерные особенности.

Первый этап (1-я неделя подготовки) характеризуется резкой активизацией курсантов и повышением показателей большинства профессионально значимых качеств. Продуктивность профессиональной деятельности резко возрастает, особенно заметны эти изменения в увеличении объема запоминаемого материала и эффективности умственной деятельности.

Второй этап (2-я неделя подготовки) отличается плавным улучшением характеристик всех качеств с незначительными колебаниями, связанными, по-видимому, с особенностями прохождения учебной программы. К концу подготовки уровень развития профессионально значимых психических качеств у курсантов заметно повышается. Особенно большие сдвиги наблюдаются у лиц со слабым первоначальным их развитием.

Таким образом, результаты исследования подтверждают тот факт, что практические занятия по тактико-специальной подготовке, направленные на оптимизацию адаптации курсантов к действиям в сложной оперативной обстановке, оказывают положительное воздействие на формирование у них профессионально значимых качеств, причем это влияние неодинаково для курсантов с различной начальной степенью адаптированности к профессиональной деятельности в непростых служебных условиях. Так, у курсантов с низкими способностями к переключению внимания значительно хуже происходит осваивание тактических приемов и действий, характерных для условий сложной оперативной обстановки.

Полученные данные позволили нам определить влияние практических занятий и на такие компоненты адаптации, как характерологические качества (настойчивость и упорство в достижении цели, трудолюбие, инициативность, самообладание) и специфические свойства личности (интенсивность и концентрация внимания, быстрота переключения внимания, способность выполнять действия, характеризующиеся как сложные сенсорные реакции, эмоциональная устойчивость).

Проблема адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы, в частности выработка эмоциональной устойчивости персонала к действиям в сложной оперативной обстановке, привлекает пристальное внимание многих исследователей. Ее актуальность в современных условиях профессиональной деятельности сотрудников определяется, с одной стороны, непрерывным повышением значимости служебно-боевой подготовки, с другой – задачами воспитания личности сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний со стойким и мужественным характером, способной успешно действовать в различных служебных обстоятельствах, в том числе в экстремальных ситуациях, характерных для сложной оперативной обстановки.

ALEXANDER MIKHAYLOVICH KISELEV,

dsc in pedagogy, associate professor,
professor at the department of mobilization and tactical and special training,
e-mail: kamkis@bk.ru;

ANDREY ANATOLYEVICH CHABYKIN,

phd in pedagogy, chair of the mobilization
and tactical and special preparation department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: chabykin_2009@mail.ru

THE PROBLEM OF ADAPTATION OF EMPLOYEES OF PENAL SYSTEM TO ACT IN COMPLEX OPERATIONAL ENVIRONMENT

Abstract: one of the most important problems of psychological training of employees, in relation to actions in extreme situations, formation of readiness for overcoming of dangers and difficulties of an office situation,

development of ability to maintain big psychological loadings in conflict situations is. Questions of adaptation, in particular emotional and strong-willed resistance to actions in a difficult operational situation, haven't found sufficient reflection in system of office combat training of employees of penal system of Russia yet. Most of heads of the classes given within office combat training have a weak idea of the solved problem.

As a result of the researches conducted in country training center of Academy of FSIN of Russia with cadets of the second years depending on experiment stages, authors have marked out the following characteristics:

the first stage (the 1st week of preparation) is characterized by sharp activization of cadets and increase of indicators of the majority of professional and significant qualities. Efficiency of professional activity sharply increases, these changes in increase in the remembered material and efficiency of cerebation are especially noticeable;

the second stage (the 2nd week of preparation) differs in smooth improvement of characteristics of all qualities with the insignificant fluctuations connected with features of passing of the training program. By the end of preparation the level of development of professional and significant mental qualities at cadets considerably raises. Especially big shifts are observed at persons with their poor initial development.

Thus, results of research confirm the fact that the features of carrying out a practical training on tactical and special preparation directed to optimization of adaptation of cadets to actions in a difficult operational situation make positive impact on formation at them professional and significant qualities.

Key words: staff of penal system, psychological preparation, adaptation to professional activity, tactical and special preparation, difficult operational situation, extreme situations.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИСТЯКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры уголовного права и криминологии
 (Рязанский филиал Московского университета
 МВД России имени В. Я. Кикотя),
 e-mail: alex62-60@yandex.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК
 «УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ.
 ОБЩАЯ И ОСОБЕННАЯ ЧАСТИ»
 ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. М. МАЦКЕВИЧА, Н. Г. КАДНИКОВА**

Реферат: в статье представлена рецензия на учебник по уголовному праву России. Новизна рецензируемого учебника заключается в том, что его содержание базируется на материалах современных уголовно-правовых и криминологических исследований, соответствующих пленумов Верховного Суда Российской Федерации с учетом современных тенденций формирования уголовной политики нашей страны и реалий международно-правового плана.

Ключевые слова: уголовное право, учебник, рецензия.

Трудно переоценить столь заметное и значимое событие в юриспруденции, как выход в свет нового учебника.

Новый учебник по уголовному праву был подготовлен авторским коллективом в следующем составе: кандидат юридических наук Белов Евгений Валерьевич; доктор юридических наук, доцент Борисов Сергей Викторович; кандидат юридических наук Виденькина Жанна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент Габдрахманов Равиль Лутфирахманович; доктор юридических наук, доцент Готчина Лариса Владимировна; кандидат юридических наук, доцент Гриневский Роман Григорьевич; кандидат юридических наук, доцент Дайшутов Михаил Михайлович; доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Дашков Геннадий Владимирович; доктор юридических наук, профессор Динка Виктор Иванович; доктор юридических наук, профессор Дмитренко Андрей Петрович; доктор юридических наук, профессор Ендольцева Алла Васильевна; кандидат юридических наук Ендольцева Юлия Владимировна; кандидат юридических наук, доцент Ерасов Андрей Михайлович; кандидат юридических наук Жеребченко Аркадий Викторович; кандидат юридических наук, доцент Жилкин Максим Геннадьевич; доктор юридических наук, доцент Кабурнеев Эдуард Валерьевич; доктор юридических наук, профессор Кадников Николай Григорьевич; кандидат юридических наук Кадников Борис Николаевич; кандидат юридических наук

Кадников Федор Николаевич; кандидат юридических наук Карабанов Александр Львович; кандидат юридических наук, доцент Кирюхин Андрей Борисович; кандидат юридических наук Коваленко Анатолий Петрович; кандидат юридических наук Конфоркин Игорь Александрович; доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Коняхин Владимир Павлович; кандидат юридических наук Коробец Борис Николаевич; доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Мацкевич Игорь Михайлович; доктор юридических наук, профессор Милюков Сергей Федорович; кандидат юридических наук Мордовец Андрей Александрович; кандидат юридических наук, доцент Никуленко Андрей Вячеславович; кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Кубани Огородникова Нина Владимировна; доктор юридических наук, доцент Орлов Владислав Николаевич; кандидат юридических наук, доцент Осипов Владимир Александрович; доктор юридических наук, профессор Пинкевич Татьяна Валентиновна; доктор юридических наук, профессор Плешаков Александр Михайлович; доктор юридических наук, профессор Пудовочкин Юрий Евгеньевич; кандидат юридических наук, доцент Пушкин Александр Владимирович; кандидат юридических наук Ругина Ольга Анатольевна; кандидат юридических наук Рускевич Евгений Александрович; кандидат юридических наук, доцент Тулиглович Максим Анатольевич; доктор юридических наук, профессор Тюнин

Владимир Ильич; кандидат юридических наук, профессор Федоров Александр Вячеславович; кандидат юридических наук, доцент Феоктистов Максим Викторович; кандидат юридических наук, доцент Чемеринский Константин Вячеславович; кандидат юридических наук, доцент Шкабин Геннадий Сергеевич; кандидат юридических наук, доцент Шкеле Мария Виталиевна. Его удачно представляют и маститые ученые, и признанные преподаватели, и начинающие авторы, и практики-профессионалы с опытом многолетнего руководства. География представлена такими городами, как Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Нижний Новгород, Пятигорск, Рязань, Тверь, Тула и Хабаровск, Республикой Дагестан (г. Махачкала), Ставропольским краем (г. Михайловск).

Минуло почти 20 лет с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации. Прошла целая эпоха, разительно изменились общественные отношения, но неизменными остаются цели и задачи уголовного законодательства нашей страны. Мы все признаем, что обновление социальных реалий требует и обновления Уголовного кодекса, поэтому уголовно-правовое законодательство постоянно обновляется и дополняется. Редакторские правки, обновления и дополнения в целом соответствуют духу времени, но отдельные нормы (и это отмечается в рецензируемом учебнике) иногда принимаются спешно, в связи с чем недостаточно проработаны, что вызывает определенные затруднения в плане их практического применения. Для повышения эффективности и действенности уголовного закона необходима самая серьезная научная экспертиза принимаемых уголовно-правовых новелл.

Выход учебника является значимым событием в подготовке юридических кадров России. Новизна рецензируемого учебника заключается в том, что его содержание базируется на материалах современных уголовно-правовых и криминологических исследований, соответствующих пленумов Верховного Суда Российской Федерации с учетом современных тенденций формирования уголовной политики нашей страны и реалий международно-правового плана.

Похвально, что авторы, рассматривая те или иные проблемы чисто законодательного плана, не устранились от теоретической обработки вопросов. Более того, в учебнике, особенно при рассмотрении вопросов Общей части, весьма удачно, практически на академическом уровне, не только проанализированы ранее рассмотренные другими авторами классические аспекты проблем, но и предложены вниманию самые последние научные достижения уголовно-правовой мысли.

Удачным видится концептуальный подход к подаче учебного материала: авторы обозначают учебный вопрос, выделяют практические проблемы правоприменения, рассматривают законодательные конструк-

ции, переходят к теоретическому анализу основных законодательных положений, разъяснениям и рекомендациям высших судебных инстанций о правилах квалификации преступных деяний, назначении наказаний за их совершение. При этом они отталкиваются от соответствующих решений Конституционного Суда РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ и обзоров Верховного Суда РФ по различным категориям уголовных дел. Авторы учебника особо указывают на необходимость соблюдения системности уголовного права, законного сочетания норм Общей и Особенной частей уголовного закона. В учебнике на вполне достойном уровне представлены позиции различных ученых, решения соответствующих судебносудебных органов по квалификации преступлений и разграничению смежных преступных деяний. Авторы учебника не только не ограничиваются анализом соответствующих уголовно-правовых норм, но и подают материал с учетом правил криминализации и декриминализации деяний, их криминологической обусловленности.

Новеллы российского уголовного законодательства представлены доктринально-юридическим анализом таких статей УК РФ, как ст. 234.1 (Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ), ст. 235.1 (Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий), ст. 264.1 (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию), ст. 284.1 (Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности) и др., а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (соответствующие постановления от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»; от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях»; от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»; от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»; от 18 ноября 2004 г. № 23 (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 07.07.2015 № 32) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»; от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»; от 30 июня 2015 г. № 30 «О внесении изменений в

постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 „О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами“») и др.).

В структурном отношении Общая часть рецензируемого учебника включает в себя предисловие, 23 главы и 90 параграфов. В параграфах раскрываются такие вопросы, как понятие, предмет и метод, задачи, функции и принципы уголовного права, понятие, содержание и значение принципов уголовного права, уголовный закон, уголовная ответственность, преступление, состав преступления (со всеми элементами и признаками), стадии совершения преступлений, соучастие в преступлении, множественность преступлений, обстоятельства, исключающие преступность деяния, понятие и цели наказания, система и виды наказаний, назначение наказания, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, погашение и снятие судимости, особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, принудительные меры медицинского характера, иные меры уголовно-правового характера, основные положения Общей части уголовного права зарубежных государств.

Особенная часть состоит из 22 глав, включающих в свое содержание 89 параграфов. Особенная часть открывается главой «Понятие Особенной части уголовного права, ее значение и система. Научные основы квалификации преступлений», завершается главой «Общая характеристика Особенной части уголовного права зарубежных государств».

Каждая глава учебника завершается разделами «Планируемые результаты освоения темы учебной главы», «Вопросы и задания для самоконтроля» и «Рекомендуемая литература».

Разумеется, что рецензируемый учебник содержит ряд не бесспорных и дискуссионных моментов, не все составы преступлений, зафиксированных в УК РФ, нашли свое отражение и соответствующую характеристику, что, по видимому, открывает весьма значимые перспективы для дальнейшей работы. Представляется, что данное пожелание, продиктованное требованиями современных информационных реалий, бурно протекающих и изменяющихся, будет учтено авторами.

Следует констатировать, что руководителями авторского коллектива была проделана колоссальная работа по созданию коллектива единомышленников и эта работа увенчалась вполне заслуженным успехом: учебник подготовлен профессионалами своего дела, материал изложен в строго логической последовательности, доступным литературным языком. Его отличают новизна и теоретико-прикладная значимость. Безусловно, что подготовленный учебник внесет значительный вклад в теорию уголовного права и послужит хорошим средством подготовки высококвалифицированных юридических кадров: студентов, магистров, аспирантов (адъюнктов) юридических вузов, сотрудников правоприменительных органов, преподавателей, научных работников.

ALEXEY ALEKSEEVICH CHISTYAKOV,

dsc in law, professor,
professor of the criminal law and criminology department
(Ryazan branch of the Ministry of internal affairs Moscow university
of Russia of V. Ya. Kikoty),
e-mail: alex62-60@yandex.ru

REVIEW OF THE TEXTBOOK «CRIMINAL LAW OF RUSSIA. GENERAL AND SPECIAL PARTS» UNDER THE EDITORSHIP OF I. M. MATSKEVICH, N. G. KADNIKOV

Abstract: the review of the textbook on «Criminal law of Russia» is presented in article. Novelty of the reviewed textbook is that his contents is based on materials of modern criminal and legal and criminological researches, the corresponding plenums of the Supreme Court of the Russian Federation taking into account current trends of formation of criminal policy of our country and realities of the international legal plan.

Key words: criminal law; textbook; review.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

1. Общие положения

1.1. Настоящие требования разработаны с учетом критериев Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России для включения научных изданий в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируемых систем цитирования Scopus, Российский индекс научного цитирования и являются обязательными к исполнению всеми авторами без исключения.

1.2. Каждый автор, подавший статью для опубликования в редакцию научного журнала «Человек: преступление и наказание» (далее – редакция, журнал соответственно), тем самым выражает свое согласие на указание в открытом свободном доступе на любых интернет-ресурсах, выбираемых по усмотрению редакции, на русском и английском языках его фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail), названия, реферата, ключевых слов статьи и ссылок на использованные источники. При этом он несет ответственность за точность и достоверность предоставленных персональных данных, корректность их перевода на английский язык.

1.3. Все поступающие в редакцию статьи проходят обязательное рецензирование (экспертизу), авторам не возвращаются. Авторское вознаграждение не выплачивается. В случае принятия решения о невозможности публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

1.4. Редакция поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редакция не несет ответственности за недостоверность предоставленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более чем 1 месяца на запросы редакции, его статья снимается с публикации.

1.5. Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

1.6. Статьи, представленные в редакцию с нарушением настоящих требований, к опубликованию не принимаются и возвращаются авторам на доработку.

2. Порядок представления статей

2.1. Статьи принимаются по адресу: 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1, редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России, тел.: (4912) 93-46-40 (факс), 93-82-42 – в распечатанном и электронном виде (по электронной почте (e-mail): editor62@yandex.ru).

2.2. Представляемый в редакцию электронный файл статьи должен быть назван по фамилии автора (авторов), например: «Петров.doc», «Петров, Иванов.doc»; графические файлы, прилагаемые к статье, – по фамилии автора (авторов) с указанием номера рисунка, например: «Петров. Рисунок 1.jpg», «Петров, Иванов. Рисунок 1.jpg».

2.3. Статьи адъюнктов, аспирантов, соискателей должны быть согласованы с научным руководителем автора. Такое согласование может быть выражено в виде положительной рецензии научного руководителя (представляется в распечатанном либо электронном виде) или его подписи в конце статьи с пометкой «Согласовано».

3. Требования к набору текста статьи

3.1. Текст статьи набирается в программе «Microsoft Word» в форматах «.doc», «.docx», на листе бумаги формата А4, шрифтом «Times New Roman (Сур)», 14-м кеглем, абзацный отступ – 1,25 см, через 1,5 интервала с полями: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см; правое – 1,5 см.

3.2. Объем статьи без учета фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail) автора, названия, реферата, ключевых слов, ссылок на использованные источники, в том числе переведенных на английский язык, не должен превышать 10 страниц.

3.3. Графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические материалы должны быть размещены по тексту статьи и представлены отдельными файлами в формате «.jpg» с разрешением не менее 300 dpi.

3.4. Текст статьи должен быть пронумерован. Колонцифры необходимо располагать по центру сверху. На первой странице статьи колонцифра не ставится.

3.5. В тексте статьи необходимо ставить пробел между фамилией и инициалами; использовать кавычки типа «елочка»; запрещается ставить принудительные (ручные) переносы.

3.6. Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Абзацный отступ следует устанавливать в меню «Формат → Абзац → Первая строка (Отступ – 1,25 мм)», выключку – «По ширине».

4. Требования к структуре статьи

4.1. Структура статьи должна состоять из следующих блоков:

4.1.1. Блок 1 на русском языке:

название статьи;
фамилия, имя, отчество автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.2. Блок 2 на русском языке – полный текст статьи.

4.1.3. Блок 3 на русском языке – ссылки на литературные источники.

4.1.4. Блок 4 на английском языке:

название статьи;
фамилия, инициалы автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.5. Блок 5 на английском языке – ссылки на литературные источники.

5. Требования к блоку 1 структуры статьи

5.1. Информация блока 1 представляется на русском языке.

5.2. Название статьи должно быть информативным.

5.3. В названии статьи не допускается использование каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.4. Фамилия, имя, отчество, ученые звание и степень, должность автора указываются полностью, без использования каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.5. Должность автора указывается по месту его основной работы.

5.6. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Российский индекс научного цитирования. В случае отсутствия такого профиля по усмотрению автора приводится официальное полное либо сокращенное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где он работает.

5.7. Приводимая контактная информация (e-mail) должна обеспечивать связь любого желающего с автором.

5.8. При наличии у статьи нескольких авторов по их усмотрению указывается либо один e-mail для всех авторов, либо e-mail каждого автора.

5.9. При подготовке реферата к статье необходимо руководствоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

5.10. Реферат должен выполнять следующие функции:

информировать об основном содержании статьи и определять ее релевантность таким образом, чтобы читатель мог решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи;

устранять необходимость чтения полного текста статьи в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес.

5.11. Реферат должен представлять собой краткое и точное изложение содержания статьи, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы.

5.12. Текст реферата должен быть лаконичным и емким, свободным от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

5.13. Объем реферата должен включать не меньше 250 слов. Объем реферата определяется содержанием статьи (объемом сведений, их научной ценностью и практическим значением).

5.14. Реферат включает в себя следующие аспекты содержания статьи:

предмет, тему, цель работы (указываются в том случае, если они не ясны из названия статьи);

метод или методологию проведения работы (целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы; в рефератах статей, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки);

результаты работы (излагаются предельно точно и информативно; приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности; при этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение);

область применения результатов;

выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, раскрываемыми в статье).

5.15. В реферате допускается изменять последовательность изложения содержания статьи и начинать с изложения результатов работы и выводов.

5.16. Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание статьи, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

5.17. В тексте реферата:

следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций (не применяемых в научном английском языке);

сокращения и условные обозначения, кроме общеупотребительных, применяют в исключительных случаях или дают их определения при первом употреблении;

единицы физических величин следует приводить в международной системе СИ; допускается приводить в круглых скобках рядом с величиной в системе СИ значение величины в системе единиц, использованной в статье;

таблицы, формулы, чертежи, рисунки, схемы, диаграммы включаются только в случае необходимости, если они раскрывают основное содержание статьи и позволяют сократить объем реферата;

формулы, приводимые неоднократно, могут иметь порядковую нумерацию, причем нумерация формул в реферате может не совпадать с нумерацией формул в оригинале.

не допускаются ссылки на номер публикации в списке ссылок на литературные источники к статье.

5.18. Количество ключевых слов к статье должно составлять не менее 10. При этом они должны быть информативными и обеспечивать эффективный поиск этой статьи в любой базе данных.

6. Требования к блоку 2 структуры статьи

6.1. Информация блока 2 представляется на русском языке.

6.2. Автор должен логически последовательно излагать текст статьи в соответствии с содержанием темы, учитывая достижения современной науки и практики, опираясь на результаты собственных исследований и привлекая данные из других источников с целью более глубокого анализа рассматриваемых вопросов.

6.3. Автор несет ответственность за достоверность используемых им материалов, точность цитат, правильность ссылок на них.

6.4. В журнале используется затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Рекомендуемое количество ссылок – не более 10.

6.5. Ссылки на литературные источники в тексте статьи приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника из пристатейного списка, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (при необходимости) например: [1, с. 21]. Если источник является многотомным или состоит из нескольких частей, указывается том или часть, например: [4, т. 1, с. 5], [12, ч. 2, с. 75].

7. Требования к блоку 3 структуры статьи

7.1. Информация блока 3 (ссылки на литературные источники) представляется на русском языке.

7.2. Ссылки на литературные источники приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.3. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «Список литературы».

7.4. Примеры ссылок на литературные источники:

Книги одного, двух и трех авторов

Фролов И. Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 349 с.

Волович Л. А., Тимофеев А. Н. Лекционная пропаганда: методика, опыт, мнения. Казань, 1984. 14 с.

Морозов Б. М., Фадеев В. Е., Шинкаренко В. В. Планирование идеологической, политико-воспитательной работы. М., 1984. 271 с.

2 книги одного автора

Лихачев Д. С. Образ города // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики : сб. науч. ст. Киев, 1991. С. 183–188; Его же. Окно в Европу – врата в Россию // Всемир. слово. 1992. № 2. С. 22–23.

Книги четырех и более авторов

Проблемы развития материально-технической базы социализма / В. Г. Сыч [и др.] ; под ред. С. П. Павлова. М., 1977. 231 с.

Монографии, учебники, учебные пособия

Чичерова Л. Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики : монография / под науч. ред. В. А. Рыбакова. Рязань, 2005. 196 с.

Переводные издания

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных : пер. с нем. М., 1980. 392 с.

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных / пер. с нем. В. И. Петрова. М., 1980. 392 с.

Диссертации

Тальшинский Р. Р. Документализм в публицистике : дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 203 с.

Авторефераты диссертаций

Стурова М. П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 40 с.

Архивы

ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 405. Л. 19 об., 20, 21. Д. 408. Л. 21 об. Д. 413. Л. 26.

Аналитические обзоры

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. академия наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М., 2007. 39 с.

Сборники научных трудов

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т ; под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов, 1999. 199 с.

Словари

Библиотечное дело : терминолог. слов. / сост. И. М. Сусллова, Л. Н. Уланова. 2-е изд. М., 1986. 224 с.

Статья из собраний сочинений

Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор // Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 224.

Статья из книги

Ковтун В. П. Теоретические аспекты воспитательного воздействия // Влияние организационно-структурных изменений в системе ИТУ на состояние и эффективность воспитательной работы. Домодедово, 1991. 124 с.

Статья из журнала, газеты, информационных периодических изданий

Поникаров В. А. Классификационная характеристика гарантий законности в административной деятельности сотрудников ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8. С. 38–40.

Статья из трудов, ученых записок

Морозова Т. Г. Организация и методика информационной работы // Тр. ин-та / Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-т. 1978. Вып. 19. С. 56–69.

Статья из материалов конференций, семинаров

Пшуков А. Ю. О нормировании рабочего дня // Научно-технический прогресс : тез. докл. Всерос. науч. конф. (Владимир, 21–22 сент. 1987 г.). М., 2000. С. 282–283.

Издание в целом

Книга о книгах : библиогр. пособие : в 3 т. М., 1969.

Есенин С. А. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1966–1968. Т. 1–5.

Отдельный том

Пивинский Ю. Е. Неформованные огнеупоры: в 2 т. М., 2003. Т. 1. Кн. 2 : Общие вопросы.

Стандарты

ГОСТ 7.9–77. Реферат и аннотация. М., 1981. 6 с.

Патентные документы

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент Рос. Федерации № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Депонированные научные работы

Размустова Т. О. Историко-краеведческие исследования музеев Центрально-Черноземного региона (1917–1940 гг.). М., 1987. 53 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 01.12.87. № 31909.

Федеральные законы

О борьбе с терроризмом : федер. закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Сб. законов Рос. Федерации. М., 1999. С. 412.

Законы

Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316, 1317.

Указы

О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 28 июля 1998 г. № 904 // Рос. газ. 1998. 29 июля.

Постановления

Об утверждении Положения о Межведомственной антитеррористической комиссии Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 января 1997 г. № 45 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 4. Ст. 547.

Приказы

О совершенствовании организации деятельности отрядов специального назначения Главного управления исполнения наказаний Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации от 12 апреля 1994 г. № 114.

Положения

Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 30. Ст. 3605. П. 9.

Интернет-документы

Официальные периодические издания : электрон. путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL : <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007). (Если в тексте данная публикация уже названа, возможна ссылка в виде его электронного адреса <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html>.)

Кашуба Ю. А. Уголовно-исполнительная политика России: новые вызовы [Электронный ресурс] // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1 (1). URL : <http://www.ipj.su/2015-1-articles/83-2015-1-03-kashuba> (дата обращения: 30.05.2015).

Российская книжная палата : [сайт] // URL : <http://www.bookchamber.ru>.

Содружество Независимых Государств // Википедия [2002–2016]. Дата обновления: 30.01.2016. URL : (дата обращения: 30.01.2016).

Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-прав. система [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/popular/obob> (дата обращения: 10.09.2010).

8. Требования к блоку 4 структуры статьи

8.1. Информация блока 4 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 1 по правилам, установленным в пунктах 8.2–8.7 настоящих требований.

8.2. Фамилия и инициалы автора (авторов) приводятся согласно одной из принятых систем международной транслитерации. Наиболее распространенные системы транслитерации приведены в таблице:

Простая система		Система Библиотеки Конгресса США (LC)		Система Board of Geographic Names (BGN)		Система Госдепартамента США	
Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация
А	A	А	A	А	A	А, а	A
Б	B	Б	B	Б	B	Б, б	B
В	V	В	V	В	V	В, в	V
Г	G	Г	G	Г	G	Г, г	G
Д	D	Д	D	Д	D	Д, д	D
Е	E	Е	E	Е	E, YE	Е, е	E, YE
Ё	E	Ё	E	Ё	E, YE	Ё, е	E, YE
Ж	ZH	Ж	ZH	Ж	ZH	Ж, ж	ZH
З	Z	З	Z	З	Z	З, з	Z
И	I	И	I	И	I	И, и	I
Й	Y	й	I	й	Y	Й, й	Y
К	K	К	K	К	K	К, к	K
Л	L	Л	L	Л	L	Л, л	L
М	M	М	M	М	M	М, м	M
Н	N	Н	N	Н	N	Н, н	N
О	O	О	O	О	O	О, о	O
П	P	П	P	П	P	П, п	P
Р	R	Р	R	Р	R	Р, р	R
С	S	С	S	С	S	С, с	S
Т	T	Т	T	Т	T	Т, т	T
У	U	У	U	У	U	У, у	U
Ф	F	Ф	F	Ф	F	Ф, ф	F
Х	KH	Х	KH	Х	KH	Х, х	KH
Ц	TS	Ц	TS	Ц	TS	Ц, ц	
Ч	CH	Ч	CH	Ч	CH	Ч, ч	CH
Ш	SH	Ш	SH	Ш	SH	Ш, ш	SH
Щ	SCH	Щ	SHCH	Щ	SHCH	Щ, щ	SHCH
Ъ	Опускается	Ъ	"	Ъ	"	Ъ	Опускается
Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y
Ь	Опускается	Ь	'	Ь	'	ь	Опускается
Э	E	Э	E	Э	E	Э, э	E
Ю	YU	Ю	IU	Ю	YU	Ю, ю	YU
Я	YA	Я	IA	Я	YA	Я, я	YA

8.3. Допускается пользоваться различными программами транслитерации русского текста в латиницу, использующими описанные в пункте 8.2 настоящих требований системы, например на сайте <http://www.translit.ru/>.

8.4. Авторам следует придерживаться указания одного способа транслитерации своих фамилии, инициалов и одного места работы, поскольку данные о принадлежности организации (аффилировании) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора.

8.5. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Scopus. В случае отсутствия такого профиля указывается офици-

альное англоязычное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где работает автор статьи.

8.6. При переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Необходимо избегать употребления сокращений, кроме общеупотребительных (в том числе в англоязычных специальных текстах), терминов, являющихся прямой калькой русскоязычных терминов, непереводаемого сленга, известного только русскоговорящим специалистам.

8.7. В переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и других объектов, имеющих собственные названия.

9. Требования к блоку 5 структуры статьи

9.1. Информация блока 5 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 3 (ссылок на литературные источники) по правилам, установленным в пунктах 9.2–9.6 настоящих требований.

9.2. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «References».

9.3. Структуру библиографической ссылки следует оформлять следующим образом: авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз], выходные данные с обозначениями на английском языке.

9.4. При переводе библиографических ссылок на английский язык предпочтение следует отдавать системе транслитерации Библиотеки Конгресса США (LC).

9.5. При составлении библиографических ссылок на английском языке необходимо учитывать следующее:

представление в References только транслитерированного (без перевода) описания недопустимо;

при описании изданий, подготовленных коллективом авторов (сборников, монографий и пр.) допускается указывать одного, максимум двух авторов издания;

для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (Unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо «Unpublished Source» или «Unpublished Report», если авторство в документе отсутствует;

поскольку русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, рекомендуется в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников;

все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства, кроме собственного непереводаемого имени издательства – оно транслитерируется) должны быть представлены на английском языке;

в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не нужно указывать вид изданий. Эта информация в ссылках в данном случае является избыточной;

в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании – «pp.» перед страницами; количество страниц в полном издании – «р.» после указания количества страниц;

перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

если книга в списке ссылок на литературные источники (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в библиографическом описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы этого издания были процитированы в тексте. Исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы с указанием страниц.

9.6. Примеры перевода на английский язык ссылок на литературные источники:

Статья из журнала

Абакумова И. В., Ермаков П. Н. О становлении толерантности личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 72–82.

Abakumova I. V., Ermakov P. N. O stanovlenii tolerantnosti lichnosti v polikul'turnom obrazovanii [On the issue of the person's tolerance formation in polycultural education]. Voprosy Psichologii – Approaches to Psychology, 2003, no. 3, pp. 78–82.

Статья из электронного журнала

Яхьяев М. Я. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: проблемы предупреждения. URL : <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (дата обращения: 16.03.2013).

Yakhyayev M. Ya. Religious and political extremism in the North Caucasus: prevention problems. Available at : <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (Accessed 16 March 2013).

Материалы конференций

Горбатюк В. Ф. Хаос, эмерджентность и феномены самоорганизации-самообучения // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 12–13 сент. 2012 г.) / под ред. Г. А. Борулавы. Сочи, 2012. С. 156–160.

Gorbatyuk V. F. Haos, jemerdzhentnost' i fenomeny samoorganizacii-samoobuchenija [Chaos, emergence and the phenomena of self-organization and self-education]. Materialy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Sostojanie i perspektivy razvitija vysshego obrazovanija v sovremennom mire» [Proc. the International Scientific Conference «The state and prospects of higher education in the modern world»]. Sochi, 12–13 September, 2012, pp. 156–160.

Книга (монография, сборник)

Михайлова О. Ю., Целиковский С. Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. М., 2008. 200 с.

Mikhaylova O. Yu., Tselikovskiy S. B. Seksual'naija agressiia: norma i sotsial'naia patologiiia [Sexual aggression: norm and social pathology]. Moscow, 2008. 200 p.

Абакумова И. В. Смыслодидактика : учебник. М., 2008. 386 с.

Abakumova I. V. Smyslodidaktika [Sense didactics]. Moscow, 2008. 386 p.

Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. С. 4–7.

Asmolov A. G. Tolerantnost': ot utopii k real'nosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu [Tolerance: from utopia to reality. On a way to tolerant consciousness]. Moscow, 2000, pp. 4–7.

Мясищев В. Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М., 1982. С. 35–38.

Myasishchev V. N. Struktura lichnosti i otnosheniye cheloveka k deystvitel'nosti [The personality structure and the person's attitude to reality]. Moscow, 1982, pp. 35–38.

Диссертация, автореферат диссертации

Абакумова И. В. Личностный смысл как педагогический фактор и его использование в учебном процессе : дис. ... канд. пед. наук. Ростов-н/Д, 1989. 250 с.

Abakumova I. V. Lichnostnyy smysl kak pedagogicheskiy faktor i yego ispol'zovaniye v uchebnom protsesse. Diss. dokt. ped. nauk [Personal sense as a pedagogical factor and its using in the educational process. Dr. ped. sci. diss]. Rostov-on-Don, 1989. 250 p.

Нормативные документы

Об уголовной ответственности за государственные преступления : закон СССР от 25 декабря 1958 г. URL : <http://bestpravo.ru/ussr> (дата обращения: 03.04.2013).

Zakon SSSR «Ob ugovolnoi otvetstvennosti za gosudarstvennyye prestupleniia» ot 25.12.1958 [The law of USSR «On criminal responsibility for state crimes» from 25 December, 1958]. Available at : <http://bestpravo.ru/ussr> (Accessed 3 April 2013).

О следственном комитете Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Закон и порядок. 2012. № 2. С. 5–7.

Federal'nyi zakon ot 28 dekabria 2010 g. № 403-F3 «O sledstvennom komitete Rossiiskoi federatsii» [The federal law from December, 28th, 2010, № 403-FL «On the committee of inquiry of the Russian Federation». Zakon i poriadok – Law and Order, 2012, no. 2, pp. 5–7.